Геннадий Дмитриев

Портрет дамы

роман

Одесса – 2015

Оглавление

Предисловие 5
Пролог 15
Иосиф 24
Розалина 27
Жрец 32
Варавва 36
Первый портрет 40
Гаральд 44
Ирод Великий 49
Тамплиеры 54
Рождение Иисуса Назареянина 60
Приют странников 62
Варавва 66
Инквизитор 68
Поиски 72
Помолвка 77
Долг и страсть 81
Признание 86
Понтий Пилат 88
Любовь инквизитора 91
Мессия 94
Пираты 98
Тайная вечеря Вараввы 103
Раб 105
Иисус из Назарета 108
Инквизиция 110
Понтий Пилат 114
Пропавшая рукопись 116
Иисус Назареянин 119
Пустыня 121
Инквизитор 127
Информаторы Гийома 131
Кесария 134

Бессмертные 138
Венеция 142
Иуда Искариот 143
Анна 148
Венеция 152
Суд Пилата 155
Ирод Антипа 159
Западня 165
Иисус и Пилат 170
Звериная тропа 172
Мария Магдалина 177
Старый замок 180
Голгофа 185
Виконт де Ламбер 187
Понтий Пилат 189
Второй портрет 190
Шимон Бер Гиора 192
Войтех 194
Апостол Фома 197
Центурион Ксаверий 199
Апостол Фома 199
Хранилище вечных истин 202
Вождь 206
Вернисаж 208
Отто фон Краус 212
Нащупать нить 214
Баронесса Геркан 221
Меридиан удачи 228
История – это разведка 233
Тайна острова Рюген 238
Тайны Третьего Рейха 243
Барон Вальсингам 251
Конец Третьего Рейха 259
Жан Дегир 268

Эпилог 286

Предисловие

Все, что здесь написано, не является бредом, рожденным безумной фантазией автора, в основу романа легли исследования, догадки, предположения историков, изучавших далекие от нас события, произошедшие на заре христианства. Естественно, вымысел в романе присутствует, это не историческое произведение, в котором все должно быть основано на данных, признанных исторической наукой достоверными. Форма произведения позволяет пользоваться информацией, не обязательно признанной официальной наукой, но вписывающейся в логику событий того времени.

Исследователи утверждают, что в библиотеке Ватикана хранится письмо Понтия Пилата императору Тиберию, в котором прокуратор убеждает императора в том, что некий проповедник, Иисус из Назарета, не призывает к борьбе против Римской империи, а наоборот, учит народ любви и смирению. Как следует из письма, разговор между Понтием Пилатом и Иисусом состоялся еще до того, как тот был схвачен, судим Синедрионом и направлен к прокуратору для принятия окончательного решения по его делу. А если дело обстояло именно так, то не мог Понтий Пилат отдать на казнь человека, в невиновности которого он убеждал императора, этим он бы расписался в своей некомпетентности и не знании реальной обстановки в данной ему в управление Иудее.

Если письмо прокуратора императору Рима является ответом на запрос о возможной угрозе восстания, исходящей от некого проповедника (иначе, зачем Понтию Пилату писать Тиберию о нем?), то можно предположить, что прежде, чем вызвать Иисуса для беседы, прокуратор мог дать задание своим людям следить за Иисусом, записывать его речи и обо всем докладывать прокуратору письменно. Выполнить данное поручение было бы несложно, поскольку Иисус проповедовал открыто, перед массой людей. А тогда должен существовать документ, в котором отражено учение Христа в том виде, в каком оно было представлено в его проповедях, записанное непосредственным участником событий тех лет, в то время как Евангелия были составлены спустя столетия, и не могут считаться исторически достоверным документом. На этом предположении и выстроен сюжет романа.

В библиотеке Ватикана находится документ, относящийся к апокрифам, Евангелие от Иоанна, ученика Христа. В нем нет жизнеописания Иисуса, изло-

жено лишь его учение. Основатели церкви сочли его еретическим и не включили в состав Святого писания. Существует также и документ, содержащий учение Христа на старославянском языке, хранится он в Австрии, в библиотеке Габсбургов. Происхождение этого документа неизвестно. Часть текста, под названием «Евангелие мира от Иисуса Христа» опубликована в Ростовском книжном издательстве. Исходя из этого, предположения, сделанные автором романа, не кажутся столь фантастическими.

В романе описаны библейские времена, средние века и близкие к нам годы двадцатого века. Сюжет построен на поиске документов, содержащих учение Христа тамплиерами в средние века и продолжении поисков в наше время.

Орден тамплиеров, пожалуй, один из самых таинственных и могущественных тайных сообществ, до сих пор окутан множеством домыслов и легенд. Что искали тамплиеры? Этот вопрос не имеет однозначного ответа, по общепринятой легенде, объектом их поисков был Святой Грааль, кубок из которого пил Иисус Христос во время тайной вечери со своими учениками, и Копье судьбы, то самое, которым римский сотник Лонгин пронзил тело Христа, распятого на кресте. Легенда гласит, что тот, кто владеет этими реликвиями, имеет полную власть над миром.

Утверждают, что и Гитлер искал эти реликвии, и вроде бы поиски эти увенчались успехом. Неизвестно, действительно ли Гитлер обладал этими мистическими реликвиями, которые должны были обеспечить ему мировое господство, но достоверно известно, чем закончились его притязания на власть надо всем миром.

Если тамплиеры искали эти святыни с той же целью, что и фюрер третьего рейха, попробуем немного отвлечься от мистики и проанализировать их поиски с точки зрения достаточно общей теории управления. С точки зрения этой теории управление осуществляется по шести приоритетам обобщенных средств:

1. Мировоззренческий.
2. Исторический.
3. Фактологический.
4. Финансовый.
5. Генное оружие (табак, алкоголь, наркотики и пр.)
6. Военное оружие.

Тамплиеры создали мощную военную организацию, и обладали властью на шестом приоритете, но известно, что они создали еще и кредитно-финансовую систему ростовщичества, дающую им власть на четвертом приоритете, распространялась она и на королей, кредиторами которых они, рыцари-ростовщики, являлись. Этот орден был, по сути, инструментом надгосударственного управления в Европе.

Оставим открытым вопрос о том, какую мистическую власть может дать обладание святыми реликвиями, и посмотрим, что стоит на высших уровнях обобщенных средств управления, какая власть могущественней финансовой? Первые три приоритета управления – это информационные приоритеты. Так, может быть, тамплиеры искали информацию, которая позволит им распространить свою власть надо всем христианским миром? Такой информацией могли быть документы, содержащие истинное учение Христа и свидетельствующие о том, что Иисус из Назарета не был распят и, следовательно, не воскресал, что противоречит догматам христианства. Обладая такими документами, тамплиеры могли бы получить власть и над церковью, возможно, притязания на такую власть и стали причиной их устранения.

В пользу того, что Иисус Христос не был распят, говорит ряд документов, среди которых Святое писание мусульман – Коран. Если мы доверяем христианским источникам, то у нас нет основания не доверять источникам мусульманским. Мусульмане объясняют данное противоречие между Евангелиями и Кораном тем, что народ, видевший распятие Христа был подвержен массовым галлюцинациям, в романе предлагается иной вариант, менее мистический, распят был Иисус, но не Назареянин, а Варавва, которого также считали мессией, Христом. То, что вместо Иисуса Христа был распят кто-то другой, говорит и Евангелие, хранящееся в Стамбуле, в нем сказано, что вместо Христа был распят Иуда. Ученые подтверждают подлинность рукописи, но церковные иерархи ее не признают. Существует еще и Евангелие Иуды, где сказано, что Иисус был предан Иудой в руки Синедриона по просьбе самого Иисуса.

Эти рукописи написаны уже после тех событий, о которых они повествуют, через 100-200 лет. Они не вписываются в догматы христианства и потому не признаны каноническими, но, вполне вероятно, что они не являются вымыслом и отражают определенную долю истины. На основе этих документов мож-

но предположить, что Иуда не предавал Христа, и что вместо Христа был распят кто-то другой. Автор романа выдвинул версию, согласно которой распят был Иисус Варавва. Эта версия нашла свое отражение в повести «Апостол Иуда», здесь она получила дальнейшее развитие.

А могло ли быть так, что казнь Иисуса Вараввы люди приняли за казнь Иисуса Христа? В принципе могло. Родословная Иисуса Христа описана в двух Евангелиях: от Матфея и от Луки. Но родословные эти отличаются, и весьма существенно. У Луки родословная начинается от Адама, у Матфея – от Авраама. Далее следуют 14 совпадающих поколений, потом поколения расходятся, и лишь в конце списка видно, что отец Иисуса и у Матфея, и у Луки – Иосиф. Но у Матфея Иисус – внук Иакова, а у Луки – внук Илии. У Матфея Иисус происходит из рода царя Соломона, сына Давида и Вирсавии. У Луки Иисус ведет свой род от Нафана, второго сына Вирсавии и Давида.

Этого несоответствия не могли не заметить исследователи христианской религии, действительно, об этом писали и Рудольф Штайнер, и Эмиль Бок. Они предлагали свою версию снятия данных противоречий. Штайнер предполагал, что старший Иисус умер в возрасте, когда младшему исполнилось 12 лет, он предположил также, что умер Иосиф, отец старшего Иисуса и Мария, мать младшего. Иосиф, отец младшего, женился на вдове отца старшего. Но и Штайнер, и Бок не приводят документов, на основе которых сделан подобный вывод. Вадим Мишаков предполагает, что умер Иосиф, отец младшего Иисуса и Мария, мать старшего, а Иосиф из Соломоновой ветви берет себе в жены Марию из Нафановой ветви, таким образом два Иисуса живут в одной семье.

Старший Иисус носил прозвище Варавва, Варавва – не имя собственное, оно означает Бар Абба – сын отца, или сын Божий (Бар Авва), как обычно называли представителей царской династии. Евреи верили, что мессия, спаситель народа от римского рабства должен придти из рода Давида.

Матфей прямо говорит о мессии не как о пророке или сыне Божьем, а как о вожде, который спасет Израиль. «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет ***Вождь***, Который упасет народ Мой, Израиля.» (Матфей 2:6.)

У Луки сказано не о вожде, а о пророке. «Ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лука 2:11.) «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, 30 ибо видели очи

мои спасение Твое, 31 которое Ты уготовал пред лицем всех народов, 32 ***свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля.***» (Лука 2:29-32.) У Луки говорится о мессии, который должен не уничтожать и наказывать язычников, а просвещать! То есть, мессия, о котором говорит Лука, призван нести свет истины как народу Израиля, так и другим народам.

Если продолжить сравнение Евангелие от Матфея и от Луки, то видим, что у Матфея отражена попытка Ирода избавиться от младенца, которому пришли поклониться волхвы, как будущему царю. Святое семейство спасается бегством в Египет, и пребывает там вплоть до смерти Ирода.

У Матфея поклониться младенцу приходят волхвы, приносят царские дары, у Луки же нет упоминания ни о волхвах, и о попытках царя Ирода уничтожить претендента на трон. У Луки говорится не о волхвах, а о пастухах, которые пришли поклониться младенцу.

У Матфея родители Иисуса проживают в Вифлееме, а у Луки в Назарете, и приходят в Вифлеем только для переписи, поскольку родом оттуда.

У Матфея рождение Иисуса относится к последнему году правления царя Ирода – 4 год до н.э., а у Луки ко времени переписи населения по указу кесаря Августа – 6 год н.э. Таким образом, разница составляет не менее 10 лет.

Можно предположить, что у Матфея речь идет о том, что родился Иисус Варавва, а у Луки о том, что родился Иисус Назареянин. Но не только история рождения вызывает разночтения, есть у Луки еще один эпизод, который не вяжется с ролью Иисуса Христа, как духовного наставника.

«36 Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч; 37 ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям причтен. Ибо то, что о Мне, приходит к концу.» (Лука 22:36,37.)

Для чего Иисус говорит о необходимости приобретать оружие? Только для того, чтобы связать это с эпизодом, когда во время ареста Петр отрубил рабу ухо? Но ведь сам Иисус осудил этот поступок Петра.

Некоторые исследователи утверждают, что Евангелия от Матфея и от Луки написаны уже после смерти этих евангелистов, возможно, что они представляют собой компиляции более ранних текстов, и данную фразу следует понимать так: «Назареянин говорил Вам – возлюби врага своего, а я говорю – купите мечи, ибо миссия моя подходит к концу, близок час восстания: сегодня рано

– завтра будет поздно».

А если так, то восстание планировалось именно на Пасху, когда в Иерусалим соберется максимальное количество народа. В пользу этой версии говорит и то, что восстание против Архелая, унаследовавшего трон после смерти Ирода Великого, началось именно на Пасху, когда все съехались в Иерусалим.

В пользу компиляции текстов Евангелия говорит и то, что в них наряду с проповедованием мира и любви, звучат призывы к жестокости и насилию:

«34 Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, 35 ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. 36 И враги человеку – домашние его.» (Матфей 10:34,35.)

Это звучит как явный призыв к гражданской войне. Священники дают иную трактовку этим словам, они считают, что Иисус говорил о разделе людей по вере в Спасителя. Но, возможно, все оказывается гораздо проще, и действительно имела место компиляция. И слова эти принадлежат Иисусу, но не Назареянину, а Варавве.

В период восстания против римлян произошла и война гражданская, многочисленные секты устроили резню между собой в осажденном римлянами Иерусалиме. Дошло даже до того, что был уничтожен значительный запас продовольствия, что привело к голоду и эпидемии. Жертвой этой гражданской войны стал и первосвященник Каиафа.

Вероятнее всего, речь шла о двух мессиях: один – проповедник и миротворец Иисус Назареянин, названный Христом, другой – бунтовщик и воин, вождь Иисус Варавва. Оба происходят из рода царя Давида, но от разных ветвей. Оба борются за счастье своего народа, но один на основе мира и любви, другой – на основе вооруженного восстания. Иисус Варавва происходит не просто из рода царя Давида, он еще и потомок царя Соломона, и поклониться ему приходят представители власти, носители идеологии – волхвы (в западной традиции три царя). С ним связывают надежды на силовой метод разрешения ситуации. Иисус Назареянин ближе к простому народу, хоть он и ведет свое начало от царя Давида, но из другой ветви. Представителей власти он не интересует, поклониться к нему приходят простые пастухи.

Образ Вараввы воспринимается двояко: с одной стороны как мессия, готовивший вооруженное восстание против поработителей; с другой стороны –

разбойник, убийца. Но одно не противоречит другому. Вероятно он принадлежал к течению зелотов, к радикальному его крылу – сикариям, профессиональным убийцам, которые не щадили не только римлян, но и своих сограждан, заподозренных в сотрудничестве с оккупантами.

Естественно, что для Понтия Пилата Варавва представлял гораздо большую опасность, нежели Назареянин. Отпустить его – значит обречь себя на необходимость отражать вооруженное восстание иудеев в самом недалеком будущем. Поэтому по логике прокуратора, следовало бы казнить Варавву, а отпустить Христа.

Судьба Вараввы после событий на Голгофе неизвестна. Восстание, которое произошло в 66 году нашей эры, возглавил не он, а Шимон Бер Гиора из дома Иегуды Галилеянина, который тоже погиб в период междоусобных разборок. Поэтому, скорее всего, Варавва все-таки был казнен.

Ирина Хотина в своей книге «Загадки евангелий», в главе 15, исследует вопрос: кем был Иисус, Назареянином или Назореем, поскольку в разных местах Евангелий он именуется то Назореем, членом секты аскетов, то Назареянинымном, жителем города Назарет. Одни историки утверждают, что города Назарет в те времена не существовало, о нем нет упоминания ни у одного из летописцев древности, иные – что он не мог быть Назореем, поскольку членам этой секты не дозволялось пить вино и входить в дом покойника, а Иисус пил вино и воскрешал мертвых. А Назарет в те времена был небольшим поселением и потому не упоминается в летописях.

Ирина Хотина делает предположение, что Иисус не был сыном плотника Иосифа, а сыном Иегуды Галилеянина, поднявшего восстание против римлян после смерти Ирода Великого, именно он посвятил Иисуса в назореи. Иосиф после гибели Иегуды, взяв младенца Иисуса и его мать Марию, бежит в Египет, спасаясь от преследований. Старшие сыновья Иегуды Галилеянина были казнены. Но если это так, то речь может идти только об Иисусе Варавве, поскольку Иегуда Галилеянин мог посвятить своего сына в секту аскетов лишь с одной целью – продолжить вооруженную борьбу против поработителей.

Правда, в этом случае родословная Иисуса оказывается не соответствующей Евангельской, но вполне годна для мессии, который мог происходить не только из рода Давида, но и из ветви левитов. Наличие родословной в евангельских текстах вообще противоречит догмату христианской религии о непороч-

ном зачатии, ведь если он был зачат от духа святого, и Иосиф не был его отцом, то к чему так тщательно выписывать родословную?

Возникают и другие вопросы, на которые евангельские тексты ответа не дают. В Евангелии сказано, что священники искали случай, чтобы расправиться с Христом. Возникает вопрос: зачем? Чем не устраивал их этот проповедник, которых было не так уж мало, существовало множество сект, по-своему толкующих Завет, но они все как-то уживались меж собой и не вели войн на уничтожение. Почему нужно было убить Христа? Ни одно Евангелие не дает нам ответа на этот вопрос, но если предположить, что в качестве Христа, Мессии, люди воспринимали не только Иисуса Назареянина, а и Иисуса Варавву, то все становиться на свои места – может быть лишь один Мессия, и этим одним должен быть Варавва, поскольку священники поддерживали идею вооруженного сопротивления римскому владычеству. Эта мысль и нашла свое отражение в романе.

Евангелист Лука пишет, что Понтий Пилат отправил Иисуса Назареянина к Ироду Антипе, поскольку тот был родом из Галилеи, вотчины тетрарха Антипы. У прокуратора с тетрархом были непростые отношения, даже враждебные, но после того, как Ирод Антипа вернул Иисуса обратно Пилату, их отношения наладились. Возникает вопрос: В чем была причина враждебных отношений прокуратора и тетрарха, и почему они так вдруг нормализовались?

Из Евангельских текстов нам известно, что Ирод женился на вдове своего брата, чем нарушил принятые обычаи, это послужило причиной резкой критики Ирода Антипы со стороны известного проповедника Иоанна. Жена тетрарха, Иродиада, добилась того, чтобы он казнил Иоанна. Но это были еще не все последствия необдуманного поведения Ирода. Перед смертью Ирод Великий, отец Антипы, женил его на дочери набатейского царя, полагая, что этот брак поможет наладить нормальные взаимоотношения между набатейским царством и Иудеей, но Ирод Антипа своим браком с Иродиадой лишь усугубил противоречия, набатейский царь Арета счел оскорбительным подобное поведения Антипы и напал на Галилею. Войска Ирода были разгромлены, и лишь вмешательство римлян спасло самого тетрарха и Галилею.

Соправителям иудейских земель римский кесарь разрешал держать войска для того, чтобы они выполняли задачи по безопасности границ римской империи, но Ирод Антипа не только не справился с этой задачей, он свел на

нет все усилия римлян по укреплению границ. Естественно, Понтий Пилат, служивший кесарю и честно выполнявший свой долг, не мог проявлять дружеский чувств к тому, кто своим бездумным поведением приносит больше вреда, чем пользы римской империи. Но почему отношения между ними наладились после того, как Ирод Антипа вернул прокуратору Иисуса Назареянина?

Автор романа выдвинул предположение, которое кажется вполне логичным. Если Понтий Пилат знал о готовившемся восстании, но не имел достаточно сил для его подавления, он мог обратиться к Ироду Антипе, тетрарху Галилеи, с просьбой оказать военную помощь в случае восстания, поскольку основные воинские формирования римлян находились достаточно далеко, в Сирии у римского легата. Просьбу прокуратора (именно просьбу, поскольку тетрарх Галилеи был соправителем и не подчинялся напрямую прокуратору Иудеи) передал кто-то из тех, кто отправился сопровождать Иисуса к Ироду Антипе. Ирод прибыл в Иерусалим на праздник и привел войска, что и способствовало налаживанию взаимоотношений между ним и Понтием Пилатом. Это всего лишь версия автора, никакими историческими документами она не подтверждается, но кажется достаточно обоснованной.

В средневековом периоде романа сделана попытка показать процессы управления Глобальным надгосударственным центром на примере поиска рукописей. Иерофанты, осуществляющие глобальное управление, названы «Бессмертными», это лишь название, не претендующее на истину. Хотя, жрецы древнего Египта, выходцы из Атлантиды, обладали способностями, не свойственными простым людям, и воспринимались в качестве богов, скорее всего, продолжительность их жизни намного превышала продолжительность жизни обычных людей.

В романе показано некое противодействие глобальному управлению в рамках библейской концепции. Если Эхнатон выдвинул концепцию альтернативную той, что проводило в жизнь египетское жречество, то со свержением Эхнатона (есть предположения, что умер он не своей смертью) должны были остаться приверженцы его концептуальной идеи. Таинственный персонаж, старик, называющий себя жрецом Атона, олицетворяет идею, противостоящую идее Глобального управления.

Поиски истины продолжаются и в двадцатом веке, обнародование ис-

тинного учения Христа, не обремененного религиозными догматами, сегодня актуально как никогда. Церковь отрицает возможность построения Царства Божия на Земле, несмотря на то, что в молитве, которую дал Иисус людям, известную, как «Отче наш», сказано: «Да будет царствие твое на Земле, как и на Небе». Коммунизм, против которого теперь ополчились даже те, кто недавно преданно служили идее построения бесклассового общества, свободного от эксплуатации, является ересью традиционного христианства, именно коммунизм ставит своей целью построение на Земле Царства Божьего.

В романе использованы материалы о Третьем рейхе, которые официальная история признает вымыслом, речь идет о нацистской базе в Антарктиде, куда якобы было вывезено то, что представляло собой научный потенциал фашистской Германии, опередившей в ядерных исследованиях и СССР и США. Возможно, база 211 это миф, но сегодня серьезные историки уже не отрицают существование Четвертого рейха. О том, что война будет проиграна, руководство Третьего рейха поняло еще до поражения под Сталинградом, и начало готовиться к построению Четвертого рейха. Создавались трансконтинентальные корпорации на основе Германского промышленного капитала, создавались сетевые структуры нацистских организаций, вывозились научные кадры и оборудование, все делалось для того, чтобы сохранить офицерский корпус СС, золото партии и золото Рейха.

В романе нет мистики, все, что описано автором, вполне могло происходить и в далекие времена Иисуса Назареянина, и в средние века, и в двадцатом веке. Возможно, какие-то из тех событий, о которых говорится в романе, действительно произошли, по крайней мере, они не противоречат логике и не опровергнуты историческими документами. Легкое подобие мистики представляет собой оболочка романа в виде пролога и эпилога, но кроме темы реинкарнации, которая подтверждается рядом исследований современных ученых, и полностью мистической считаться не может, никакой иной мистики нет.

Пролог

Часто, не видя закономерностей общего хода вещей, все происходящее с нами воспринимаем мы, как цепь случайных событий, никак не связанных между собой. Мы не подозреваем, что те события, что кажутся нам случайными, были предопределены нашими поступками или поступками окружающих нас людей много лет назад, возможно, в той, иной, прошлой жизни, от которой порой не осталось ничего, кроме странных, неразгаданных снов, временами посещающих нас. И лишь иногда, ощутив нечто необычайное, неуловимое, как легкое дыхание утреннего ветерка, всплывшее где-то из глубин подсознания, останавливаемся мы посреди пути, пытаясь осмыслить жизнь нашу, казавшуюся нам чередой случайных совпадений. Мы замираем, боясь упустить то, что внезапно явилось нам из далеких веков, нечто легкое, почти невесомое, как некое пророчество, смысл которого еще сокрыт от нас грубой пеленой действительности. Но время идет, оно тает, теряется, мы забываем о нем, и лишь иногда вспоминаем, услышав забытые звуки, запахи, блики света на воде, мерцание далеких звезд.

Дождь. Снова дождь. Бесконечный, серый, унылый, будто умирающая осень плачет этим монотонным дождем. Капли его медленно ползут по стеклу, искажая пространство, перечеркнутое косыми полосами, как листок школьной тетрадки. Снова дождь. И снова не будет писем. Их не было сегодня, вчера, и позавчера, их нет уже целую неделю. Воскресение. Никуда не нужно спешить, можно целый день сидеть у окна и смотреть, как истекает дождем хмурая, печальная осень. Уже и листьев на деревьях почти не осталось; они опали, прохожие втоптали их в грязь, и дворники смели в кучи. Дождь, снова дождь; за окном лужи, покрытые мелкой рябью, да мокрые ветви деревьев, с которых капает вода.

Сегодня в музее Западного искусства открывается выставка фламандских художников. Только три дня. Лучше сходить на выставку, чем смотреть на этот дождь. Все равно, сегодня не будет писем. Худенькая старушка в синем плаще уже час назад разнесла почту. Как неохота выходить на улицу, ветер бьет дождинками по щекам, сырость проникает под кожу. На улице мало людей, они сидят в теплых квартирах и смотрят на этот дождь, лишь немногие, которых

что-то важное выгнало за порог в эту ненастную, пронизанную ветром и дождем осень, медленно бредут по лужам. Вот и остановка троллейбуса. Он подходит, обдавая людей водой и грязью. Кто-то ругается, кто-то молча вытирает запачканную одежду, и все стремятся втиснуться в узкую дверь, чтобы не оставаться здесь, под этим мелким, холодным дождем. В троллейбусе тепло, пассажиры протирают ладонями запотевшие стекла, стараясь разглядеть в мутном пространстве за окном свою остановку. А вот и его – «Музей Западного искусства», пора выходить.

Он взял билет, повесил в гардеробе мокрый плащ, и вошел в зал, полный тайны, заключенной в древних, написанных рукой известных и неизвестных художников, полотнах. Он переходит из зала в зал, смотрит на мир, давно уже умерший, отшумевший, как эта осень, застывший в потускневших красках, покрытых сетью паутинок, картин. Он вглядывается в лица людей, живших сотни лет назад, любуюсь природой, не израненной шрамами дорог, смотрит на закаты и рассветы, не закопченные дымом фабричных труб. Один портрет особо привлек его: дама, в длинном, красном платье, с густыми черными, падающими на обнаженные плечи волосами, стоит у перил лестницы; одна рука ее небрежно касается перил, другой она поддерживает платье. Она спускается по ступеням, нога в позолоченной туфельке уже сделала шаг, появившись из-под края платья. Глаза ее, светящиеся тайным, зеленоватым светом, смотрят на него в упор.

Он узнал ее сразу, это была она, та, от которой он уже целую неделю ждет письма. Взгляд, поворот головы, тонкая прядь волос, упавшая на лоб, печальная улыбка, застывшая в уголках губ. Не дыша смотрит он на портрет. Откуда она здесь, среди картин семнадцатого века? Кто мог изобразить ее? Надпись под картиной гласит: «Портрет дамы. Неизвестный художник». Он не заметил, как подошла женщина, служащая музея, и что-то спросила, потом тронула его за рукав, – он обернулся и посмотрел на нее отрешенным взглядом.

- Что с Вами, молодой человек? Вы уже больше часа стоите у этой картины.

- Эта картина, – ответил он. – Откуда она у Вас?

- Выставка передвижная, картины собраны из разных музеев, если хотите, я уточню.

- Уточните, пожалуйста, я подожду.

Она ушла, а он остался наедине с картиной, написанной неизвестным художником три века назад. Смотрел на нее и не мог двинуться с места. Наконец вернулась служащая музея, и сказала:

- Эту картину мы получили из Рошанска, возможно, там есть более точные сведения о ней.

Рошанск, там живет она, та, от которой он ждет письма. Она живет там сейчас, а картина написана в семнадцатом веке, во Фландрии, расположенной за тысячи километров от Рошанска.

- У Вас есть проспект выставки с фотографиями картин?

- Есть, вот, пожалуйста, – женщина протянула ему проспект, напечатанный на глянцевой бумаге.

Он взял его, нашел картину неизвестного художника, но и в проспекте оказалось информации не больше, чем в табличке под картиной.

- Неужели никто не может установить имя автора полотна? – спросил он.

- Авторы обычно ставят свою подпись вот здесь, в углу, – показала служащая музея на нижний угол картины, – но на этой нет подписи, здесь только какие-то цифры. Ни один искусствовед не смог определить назначение этих цифр.

- Возможно, цифры нанесены позднее, как номер в чьей-то коллекции?

- Нет-нет, возраст цифр соответствует возрасту картины.

- А по стилю, хотя бы предположить можно, чьей кисти может принадлежать она?

- Из всех известных нам мастеров никто так не писал.

Он уже тогда решил, что непременно полетит в Рошанск, каждое утро туда отправляется самолет, «Ту-124», прилетает из Рошанска поздно вечером, а утром улетает обратно, только бы не отменили рейс из-за погоды. Он купил проспект у служащей музея, поблагодарил ее, и вышел в дождь. Через два квартала от музея, в полуподвале старого здания с потемневшей, местами облупившейся краской, отмеченного тусклой медной табличкой: «Памятник архитектуры», – касса «Аэрофлота». Летом здесь выстраивается очередь, хвост торчит из полуподвала, но сегодня нет желающих улетать в эту серую, дождливую осень. Он взял билет, и отправился на почтамт, дать телеграмму, предупредить, что завтра утром будет в Рошанске. Почему она не пишет? Почему? Он взял бланк телеграммы, отошел к столику, обмакнул перо в чернильницу, и стал писать

адрес, но пока обдумывал текст большая капля, сорвавшись с капюшона плаща, упала на бланк, буквы расплылись. Он смял бланк недописанной телеграммы, выбросил в корзину, откинул капюшон плаща, и взял другой бланк, аккуратно заполнил его, подал в окошко. Девушка за полупрозрачным окошком, пересчитав слова, сделав какие-то пометки на бланке, назвала сумму, получив деньги и отсчитав сдачу, она положила телеграмму в папку, где уже лежали другие.

- Скажите, – спросил он, – можно надеяться, что адресат получит телеграмму сегодня вечером?

- Надеяться всегда можно, сейчас отправим, а когда доставят – не знаю, не от нас зависит.

Домой он шел пешком, под дождем, по лужам, по вымокшим улицам, и ненастная осенняя погода, и резкий, пронизывающий ветер, и летящие навстречу капли дождя – все это создавало ощущение какой-то нереальности мира. Почему-то никак не выходил из головы случай с каплей, упавшей на бланк телеграммы. Может быть, не стоило ее посылать? Может быть, вообще не стоит лететь в Рошанск? Ну, почему нет писем? Как она оказалась там, на картине? А может, это только бред больного воображения? Случайное сходство, какие-то общие черты, подмеченные вдруг, в состоянии нервного ожидания, а воспаленное подсознание, где постоянно присутствует ее образ, дорисовало остальное? Дома он открыл проспект, и вновь стал всматриваться в картину: нет, ошибки быть не может – это, несомненно, она. Не только внешнее сходство поразило его, было в образе женщины, запечатленном неизвестным художником на холсте, что-то большее, неуловимое, но говорящее, что это была именно она; она, и никакая другая, похожая на нее внешне.

Всю ночь он не мог уснуть, за окнами шуршал дождь и завывал ветер, раскачивая фонарь на столбе, отчего по комнате, по стенам и потолку качались неясные, смутные тени. И снова капля, упавшая на бланк телеграммы, всплывала в памяти дурным знамением: может, не нужно было давать телеграмму? Не нужно лететь в Рошанск? Нет, нужно. Он подумал, если завтра отменят рейс по причине нелетной погоды, то он просто сойдет с ума, если еще пребывает в здравом рассудке. Перед самым утром он провалился в беспокойную темноту сна, и тут же зазвенел будильник.

Еще было темно, и все также шел дождь, и сонный, полупустой автобус вез его в аэропорт. Вопреки опасениям, рейс не отменили, самолет вылетел во-

время, и когда он пробил облака, впервые за последние две недели перед глазами возникло чистое голубое небо, солнце, и казалось, что этот хмурый, пасмурный осенний мир существует лишь в больном воображении. Но когда самолет снизился для захода на посадку в аэропорту Рошанска, ненастная дождливая осень вновь охватила его.

В аэропорту его никто не встретил, и он поехал к ней, нашел улицу, на которой ни разу не был, название которой лишь читал на конвертах, нашел дом, подъезд, поднялся на второй этаж, позвонил. Дверь долго не открывали, затем послышался тяжелый кашель, дверь отворилась, и возникла она, с воспаленными глазами, закутанная в пуховый платок.

- Проходи быстрее, раздевайся, телеграмму я получила, но не могла приехать в аэропорт, простудилась. Целую неделю лежала с высокой температурой, даже на письмо твое ответить не смогла, вот только сейчас встала.

Она поила его на кухне горячим чаем, а он рассказывал ей о картине, потом показал проспект выставки, и ту самую картину неизвестного художника. Она долго всматривалась в портрет дамы, написанный три века назад, и сказала:

- Не может быть! Это действительно я? Странно, но кто же я тогда? И кто она, эта дама?

- Я поеду в музей, покажу им проспект, они должны знать что-то больше, по крайней мере, должны же знать сотрудники музея, как эта картина оказалась у них.

- Я с тобой!

- Но ты же больна, не надо тебе сейчас выходить на улицу, там холодно, сыро и дождь. Кажется, этот дождь идет во всем мире.

- Мне уже лучше, и температуры почти нет, я обязательно поеду, ведь это же мой портрет!

В музей они поехали на такси, старая «Волга» с плохо работающим отоплением салона слабо защищала от осенней сырости, но все-таки это было лучше автобуса. Сотрудница музея, дежурившая в зале, ничего вразумительно ответить не могла.

- Вам нужно обратиться к искусствоведу, Ирине Сергеевне, возможно, она что-то знает об этой картине, идемте, я провожу вас к ней.

Ирина Сергеевна, полноватая женщина средних лет, с аккуратной при-

ческой и выразительными черными глазами, долго рассматривала репродукцию в проспекте, затем сказала:

- А Вы действительно похожи на нее, поразительное сходство. У нас есть еще одна картина этого художника, правда, она сильно пострадала во время пожара, никто не брался ее реставрировать, но сейчас нашелся мастер, он ей занимается.

- Какого пожара?

- Картины попали к нам после войны, из Германии, их обнаружили в частной коллекции полковника СС, он, по всей вероятности, вывез эти картины из Франции. Дом полковника горел, как и многие дома при штурме города, часть картин сгорела полностью, часть серьезно пострадала.

- А ту, другую картину можно посмотреть?

- В зале картины нет, она еще в мастерской, но работа над ней практически закончена, можете посмотреть, на ней тоже есть эта дама, но… там по-другому.

Ирина Сергеевна провела их в мастерскую. Картина называлась «Суд инквизиции», на ней также была эта дама, с той, первой картины, глянув на нее, он вскрикнул. Не было богатого красного платья, лишь грязное рубище прикрывало истерзанное тело женщины, напротив стоял инквизитор, вытянув руку вперед, он произносил обвинительную речь, справа и слева от него сидели два монаха.

- Боже мой! – воскликнула она, целую минуту она неподвижно вглядывалась в картину, потом, оттолкнув его, закрыла лицо руками, повернулась к нему, убрала руки от лица. – Ведь это ты! Посмотри! Посмотри! Нет, не может быть!

Он всмотрелся в лицо инквизитора, и окаменел… В образе инквизитора он узнал себя. Он молчал, не понимая, что происходит, она плакала.

- Что это? – спросил он.

- Существует легенда, – сказала Ирина Сергеевна, – жила в одном замке знатная дама, инквизитор влюбился в нее, но она отвергла его любовь, тогда он обвинил ее в колдовстве и предал суду.

- Что с ней стало?

- Ее сожгли на костре.

- Но почему они так похожи на нас? Почему так тягостно на душе? Что

это, может ли кто объяснить?

- Вы слышали об реинкарнации? Возможно, в прошлых жизнях вы были именно теми, с кого неизвестный художник написал эти картины.

- Я никогда в это не верил, – ответил он, – считал, что все это вымысел, сказка.

- А я верила! – сказала она, вытирая слезы. – Я всегда верила, но никогда не думала, что это так ужасно, узнать все о своей прошлой жизни.

Они вышли из музея, на улице по-прежнему шел дождь, на душе было тяжело и тоскливо, они были раздавлены своими прошлыми жизнями. Она долго стояла молча под дождем, потом повернулась к нему и сказала:

- Я помню, помню все. Мне часто снится один и тот же сон, будто меня сжигают на костре, я ощущаю страшную боль и задыхаюсь от дыма. Оказывается, это все уже было со мной, я просила у Бога только одного – дождя, чтобы дождь пошел и погасил этот костер, но дождя не было, был ясный солнечный день, так страшно жег огонь, а люди смеялись, и все подбрасывали, и подбрасывали хворост. Тогда я прокляла тебя, я пожелала, чтобы ты когда-нибудь сгорел на таком костре! Прошу тебя, уходи! Уходи! И никогда, никогда больше не приезжай, не пиши мне! Я ненавижу тебя! Уходи!

- Скоро мой самолет, прости, я поеду в аэропорт.

Она сняла капюшон, подставила лицо и ладони дождю.

- Как хорошо, когда идет дождь! Как хорошо!

- Что ты делаешь!? Ты же простудишься! Сейчас же надень капюшон!

Она повернулась к нему, надела капюшон, и прижалась мокрыми от слез и дождя щеками к его лицу.

- Прости меня, прости, пожалуйста, я сама не знаю, что говорю. Ты ни в чем не виноват, все это было в той, другой жизни, а теперь мы встретились, чтобы исправить ошибки. Ты вернешься ко мне, насовсем?

- Вернусь, обязательно вернусь.

- Я провожу тебя в аэропорт.

Уже стемнело, кода они приехали в аэропорт. Воспаленный, простуженный город плакал печальными слезами, лужи отражали желтые огни фонарей, рейс задерживали.

- Вот видишь, – сказал он, – и самолет простужен, он не хочет нас разлучать.

Она смотрела на лужи, на отражение фонарей, и молчала.

- Поезжай домой, кто знает, как надолго задержится рейс. Незачем тебе стоять под этим дождем, ты и так простужена.

Она посмотрела на него серьезным, полным боли и печали взглядом, и сказала:

- Ты даже не представляешь себе, как хорошо, когда идет дождь. Тогда дождя не было. Я помню все-все, словно это было вчера.

- Это было давно, в другой жизни.

- Но это было. И ты послал меня на костер. Зачем ты это сделал? Зачем?

- Я не знаю, я не помню ничего из той жизни. Я никогда бы не поверил в это, если бы не картина. Я знаю только одно, что я люблю тебя, и никогда тебя не брошу и не предам.

- Но ты предал. Тогда, в той другой жизни. Ты предал, а я прокляла тебя. Прости, я говорю чушь, ты ни в чем не виноват, ты не можешь отвечать за то, что было в той, другой жизни.

Она снова прижалась к нему мокрыми щеками.

- Идем в зал, не надо стоять под дождем, – сказал он.

- Нет, не надо в зал. Я не могу, я не хочу видеть людей. Они все смеялись и бросали хворост в огонь. Почему они это делали? Им было весело? Скажи, почему? Разве может быть весело, когда человека вот так, живьем сжигают на костре?

Он молчал, прижимая ее к себе, сказать было нечего, ведь он ничего не помнил из того, что было в той, иной жизни. А может, ничего и не было? И все это только бред ее больного воображения, просто схожесть образов на картине? Он хотел сказать ей это, но не мог.

- Идем под козырек, не надо стоять под дождем.

Она согласилась, они стояли, пока последний автобус не подошел к остановке.

- Езжай, – сказал он, – это последний, другого не будет. Она посмотрела ему в глаза и тихо сказала:

- Мы встретимся, мы обязательно встретимся. Дай мне телеграмму, когда прилетишь, обещаешь?

- Обещаю. А ты напиши мне, я так долго жду письма, напишешь?

- Напишу.

Она села в автобус, у окна, и помахала рукой. Он помахал в ответ, автобус тронулся и увез ее в темную осеннюю ночь, он прошел в зал. Посадку объявили далеко за полночь, и пассажиры, прикрываясь от дождя зонтами, сумками и ладонями, шли по лужам, полным ночных фонарей, к трапу.

В самолете было тепло и уютно, а на улице все так же лил дождь, капли его разбивались о фюзеляж, о крылья, они вскрикивали, умирая, и крик этот сливался в сплошной гул. Потом запустили моторы, и не стало слышно ни шума дождя, ни завывания ветра. Самолет выруливал, мягко покачиваясь на стыках плит, он вырулил на взлетную полосу, моторы взревели, и самолет, вдавливая в кресла тела пассажиров, начал разбег. Он оторвался от земли и нырнул в сплошную темноту облаков. Самолет пробил облачность, набрал высоту и лег на курс. Убаюканный теплом и мерным гулом моторов, утомленный бессонной ночью и событиями дня, он задремал.

Очнулся от яркого света и жара. Сквозь иллюминатор было видно, как пламя вырывается из левого двигателя, салон заполнял едкий, удушливый дым. Там, внизу, на земле, как и прежде, шел дождь, вверху, на фоне ясного неба сияли звезды, а между небом и землей разгоралось пламя костра, последнего костра инквизитора.

Иосиф

Пламя свечи трепетало, порождая на стенах кельи зыбкие, дрожащие тени; словно призраки, возникшие из давних, забытых времен, окружали они Иосифа, навевая страшные, крамольные мысли.

Иосиф отложил Библию, встал, подошел к иконе с изображением Иисуса Христа. Перед иконой тускло, коптящим пламенем, горела лампада.

- Почему? Почему? – спросил он, обращаясь к лику Иисуса. – Подвиг твой, смерть твоя и воскресение твое даны нам через предательство Иуды и отречение лучшего ученика твоего, Петра? Если бы Иуда не предал тебя, не было бы и спасения? Ты пришел в мир, чтобы умереть за грехи наши. Знал ли ты, что один из учеников твоих должен предать тебя?

Предательство и спасение. Почему связаны они неразрывной нитью? Ибо, если нить эту разорвать, то не будет подвига твоего во имя людей, не будет исполнена воля пославшего тебя, не будет ничего, если поцелуй Иуды не обожжет щеки твоей. Почему, ответь? Разве светлый подвиг непременно должен быть предварен грязным и подлым грехом предательства и отречения лучших из тех, кого выбрал ты, чтобы несли они людям слова твои?

Если бы Иуда не прельстился тридцатью сребрениками и не предал бы тебя в руки мучителей твоих, что бы было тогда, скажи? Вся вера христианская, церковь твоя, надежды народа на жизнь вечную, на царство небесное – все это стоит на страшном грехе предательства, не искупленным тобой, ибо имя Иуды проклято в веках. А если и этот грех искупил ты смертью своею, то получается, что предательство освящено подвигом твоим?

Что означает искупление греха? Не прощение, а искупление? Если искупил ты грехи человечества, значит, не несет человек более ответственности за содеянное им? Пусть не сейчас, а там, в прошлом, когда люди еще не были изгнаны их рая, ведь дал ты людям свободу выбора, значит, дал и ответственность за выбор, а если снимаешь ты ответственность с людей, то лишаешь их свободы, того, что сам им дал?

Иисус не отвечал Иосифу, смотрел на него с иконы светлыми, чистыми глазами и молчал. Иосифу стало страшно от своих мыслей, ему показалось, что он сходит с ума, не находя ответа в Библии на вопросы, возникающие в воспаленном мозгу. Что делать? Спросить у отца Варфоломея? Нет, нельзя, нельзя

спрашивать такое, он знал, ответа не будет, будет осуждение, наказание и изгнание из семинарии, но ответа не будет, только он, Иосиф, сам должен найти ответ на этот страшный вопрос.

В двери кельи раздался тихий стук, Иосиф обернулся, двери отворились, в келью вошел отец Варфоломей.

- Извини, что прервал молитвы твои, один старец, человек весьма почтенный, желает видеть тебя. Иди за мной, я проведу тебя нему.

Они вышли во двор, где в самом углу, под широко раскинувшим листья платаном сидел старик в черной монашеской одежде, когда отец Варфоломей подвел Иосифа к старцу, тот поднялся со скамьи, сделал шаг навстречу им, поклонился отцу Варфоломею и попросил оставить их с Иосифом одних. Старец долго смотрел в глаза Иосифу, а потом сказал:

- Я знаю, какие мысли не дают покоя тебе, какие вопросы мучают тебя. Придет время, и ты получишь ответ. Тебе дана будет большая власть, много испытаний выпадет на долю твою, пред тобой будут преклоняться и трепетать повелители иных народов, но после смерти твоей имя твое будет опорочено надолго, однако придет время, когда истина восторжествует.

- Кто ты? Отчего ты решил, что такая судьба мне уготована?

- Это решил не я.

- А кто?

- Ты, – старец прочел стихи:

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: "Проклятый,
Пей, осуши до дна…
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!"[1]

- Это твои стихи?

- Мои, – ответил Иосиф.

- Это твоя судьба, ты сам определил ее, каждый человек имеет от Бога свое предназначение на Земле, но только он сам может выбрать, идти ли ему дорогой, предначертанной Богом, или другим путем. Написав эти стихи, ты выбрал свой путь, и пройдешь его до конца, и придется тебе испить чашу отравы, поднесенную теми, ради которых ты прошел свой путь. А ответ на свои вопросы найдешь ты в древних рукописях, где записаны слова Иисуса из Назарета, называемого Христом, Спасителем. Слова эти записал помощник Понтия Пилата, которому тот велел следить за проповедником и записывать все его речи, обращенные к народу. Кесарь требовал от прокуратора отчета о том, кто подбивает народ на восстание против Рима, кесарю доложили, что некий проповедник, по имени Иисус, призывает народ к восстанию. Все Евангелия написаны спустя века после событий тех лет, а эти рукописи написаны свидетелем тех событий. Рукописи эти искали, чтобы уничтожить, но не нашли, обнаружил их один странствующий художник, он спрятал их в горах Франции. На двух его картинах зашифровано место, где хранится рукопись, кто найдет эти картины, тот и узнает, где сокрыта истина. Я должен был сказать это тебе, а теперь прощай, да благословит тебя Бог!

С этими словами старец повернулся и направился к выходу, но Иосифу показалось, будто он растворился в воздухе, не дойдя до ворот.

---

1 Стихи Джугашвили, перевод с грузинского, опубликованы в газете «Иверия», в 1895 году.

Розалина

Виконт Рене де Ламбер жил в уединении, в своем замке, построенном на высоком холме, среди диких лесов, у самой реки, полукольцом охватывающей подножие холма. Был он уже не молод, но еще и не стар, волосы, тронутые ранней сединой, борода с проседью и черные, опущенные ниже губ усы, да усталые серые глаза выдавали человека, умудренного жизненным опытом, склонного к одиночеству и неторопливому образу жизни. Некогда удачливый рыцарь, баловень судьбы, постоянный участник всех балов и ристалищ, победитель турниров, он неожиданно для всех, довольно рано оставил службу у короля и уединился в своем замке, навсегда уйдя из светской жизни, и вскоре был бы забыт, если бы не одно обстоятельство.

Большой любитель цветов, виконт де Ламбер, заполучив саженцы роз, привезенные рыцарями с Ближнего Востока во время одного из крестовых походов, устроил в своем замке великолепный розарий, собрав все известные на то время сорта. Об этом розарии было известно всей Фландрии и Франции, и знатные вельможи время от времени навещали виконта, чтобы полюбоваться великолепной коллекцией роз. Ухаживал виконт за розами сам, не доверяя этого деликатного дела садовнику.

Но главным украшением замка де Ламбера была, несомненно, его прекрасная дочь, по имени Розалина. Воспитывал ее виконт один, жена его, красавица Луара, блиставшая на королевских балах, исчезла при невыясненных обстоятельствах. Обладая даром, унаследованным ею от прабабки, она могла лечить людей травами, заговорами и прочими средствами, которые вполне могли навлечь на нее гнев инквизиции, но она не только избегала преследования со стороны церковных иерархов, но и пользовалась их покровительством, избавив от тяжелой болезни одно влиятельное духовное лицо, пожелавшее остаться неизвестным. Однажды, собирая травы, она ушла в лес и не вернулась. Поиски не дали никаких результатов, прелестная Луара исчезла таинственным образом, не оставив никаких следов.

Это странное трагическое событие и послужило причиной уединения виконта, пережившего страшное потрясение. Всю свою любовь, предназначавшуюся Луаре, он отдавал своей дочери и розам. Дочь виконта, Розалина, с трех лет оставшись без матери, воспитанная отцом и старушкой-няней, выросла и

превратилась в прекрасное юное создание, оберегаемое отцом, как самый драгоценный цветок. Ее черные, густые, волнистые волосы падали на плечи, а в глубине зеленых глаз отражались темные чащи лесов. Беззаботная детская веселость ее сменилась легкой грустью и печалью по непознанной, но желанной первой любви. Виконт чувствовал, что настала пора вывозить дочь в свет, но боялся этого и всячески оттягивал тот момент, когда ему придется представить это, не знавшее лжи и грязи создание, на обозрение погрязшего в интригах и кутежах двора.

Розалина унаследовала от матери дар лечения людей, обнаруженный совершенно случайно, когда смертельно раненая диким вепрем во время охоты ее любимая собака, которую лекарь, сочтя безнадежной, оставил умирать, вдруг выздоровела, возвращенная к жизни легкими прикосновениями рук плачущей Розалины. Не зная названий трав, она чувствовала их лечебные свойства и собирала, высушивала их, готовя различные отвары и настойки. Узнав о проявлении дара, отец запретил ей пользоваться им, собирать травы и лечить кого-либо, помня историю ее матери. Но, несмотря на запрет, она продолжала тайно делать то, к чему побуждал ее дремавший до времени, и проявившийся однажды, природный дар.

Как-то раз, ранним утром, когда отец Розалины уединился в розарии, ухаживая за цветами, она выскользнула за ворота замка и направилась в лес, собирать травы и полевые цветы. Увлекшись, она зашла далее, чем обычно, и набрела на бегущий среди камней ручей, которого прежде никогда не видела. Ей показалось, что родник, дающий начало ручью, где-то совсем рядом, и она побежала вверх по течению, в надежде отыскать источник. Птицы весело щебетали над ней, молодые зеленые листья нежно касались ее волос, она смеялась, приветствуя лес, птиц, деревья и этот ручей. Забыв о времени, бежала и бежала она вдоль ручья. Остановилась она на зеленой поляне, под скалой, покрытой мхом и лишайником, из расщелины которой и бил родник, дающий начало ручью.

Поляна упиралась в скалы, далее поднимался склон горы, поросший густым лесом. Вершины не было видно, она терялась где-то в зеленой листве, сквозь которую пробивался солнечный свет, падая на поляну тремя лучами, сверкающими в мириадах брызг, поднятых небольшим водопадом. Вода, вырвавшись на свободу из расщелины у вершины скалы, пролетев несколько мет-

ров, падала на каменный уступ и, соскользнув с него, летела до самой земли, разбивалась о камни, устремляясь вниз бурным потоком. Розалина восторженно смотрела на внезапно открывшуюся картину, и вдруг поняла, что заблудилась. Можно было бы вернуться вниз по течению, но она никак не могла припомнить, где, в каком месте, вышла она к этому ручью, она испугалась и заплакала. Трагическая история матери вспомнилась ей, испуг превратился в страх, страх в ужас. Она застыла, не в силах двинуться с места, мыслей не было, и когда слева от скал, где-то на склоне горы раздался неясный шум, который приближался с каждой минутой, она решила, что кто-то идет, чтобы убить ее.

Ветви деревьев раздвинулись, и на поляну выехал всадник на серой лошади, в серой простой одежде, черезседельные сумки из серой грубой ткани висели позади седла, на поясе всадника черной кожей отсвечивали на солнце ножны меча. Розалина окаменела, вся сжалась, ожидая самого худшего. Когда он спешился, придерживая меч рукой, и шагнул к ней, она вскрикнула, и застыла, прижав руки к губам.

- Не бойтесь меня, – улыбнувшись, сказал незнакомец, – я не разбойник, я просто странствующий художник.

Розалина молчала и смотрела полными страха глазами на его меч.

- Говорю Вам, не бойтесь, я не причиню Вам зла, – незнакомец подошел ближе, и Розалина смогла, наконец, разглядеть его. Он был высок, строен, крепок в плечах, светлые волосы, падающие на плечи, были перетянуты на лбу лентой, глаза, показавшиеся Розалине серыми, оказались голубыми, весь вид его внушал доверие и спокойствие. Он смотрел на нее и улыбался. Розалина наконец-то пришла в себя и слабо, сквозь еще не высохшие слезы, улыбнулась в ответ.

- Что с Вами? – спросил незнакомец. – Вы плакали? Может, кто обидел Вас?

- Я… – Розалина огляделась растеряно, – я…я просто заблудилась, пошла в лес и вдруг поняла, что не смогу отыскать дорогу назад, к дому.

- А где же Ваш дом?

- Я живу в замке де Ламбера.

- Виконт де Ламбер?! – воскликнул незнакомец. – Кем Вы приходитесь ему?

- Я его дочь, – ответила Розалина, и ответ ее привел всадника состояние восторга и удивления.

- Вы знаете моего отца? – спросила она, увидев, какое впечатление произвел на незнакомца ее ответ.

- Я не имею чести знать его лично, но слава первого рыцаря королевства прочно закрепись за этим именем. Кроме того, слухи о прекрасном розарии его замка бродят далеко за пределами Франции. Я художник, и мечтаю посмотреть, хоть краешком глаза на это чудо, созданное руками Вашего отца.

- Вы увидите его, я обещаю, если, конечно, поможете мне добраться домой.

- Не беспокойтесь, сударыня, мы легко отыщем дорогу к замку Вашего отца. Садитесь на лошадь, я пойду рядом.

Незнакомец помог Розалине взобраться в седло и сказал, обращаясь к лошади:

- Ну что, Ромина, довезем прекрасную сударыню до замка ее отца? Ступай осторожно, не оброни нашу прелестную спутницу.

- Ее зовут Ромина? – засмеялась Розалина. – Как мило! А меня зовут Розалина, но как же Ваше имя, храбрый рыцарь?

- Мое имя – Гаральд, но я вовсе не рыцарь, я художник.

- Но, если Вы художник, то зачем же Вам меч? – спросила Розалина.

- Я ведь не просто художник, а художник странствующий, дороги в наше время небезопасны, вот и приходится иметь при себе не только кисти и холсты, но и оружие.

Розалина успокоилась, сама не зная почему, она вдруг прониклась доверием к молодому человеку, так вовремя появившемуся на лесной поляне, когда она, потеряв всякую надежду отыскать дорогу домой, пребывала в отчаянии. Молодой человек, назвавшийся Гаральдом, довольно хорошо ориентировался в лесу, безошибочно определив, непонятно каким образом, направление к замку де Ламбера. Верховая езда была привычна для Розалины, отец с детства приучал ее к езде на лошади, фехтованию и другим наукам, считавшимся занятием мужчин, рассудив, что девушке, выросшей без матери, нужно уметь себя защитить. Но сейчас на ней вместо костюма для верховой езды было длинное платье, и она располагалась в седле той дамской посадкой, при которой удержать равновесие было возможно только при спокойном поведении лошади. То ли

почувствовав это, то ли вняв словам своего хозяина, Ромина шла безупречно спокойно, осторожно переступая через камни и корни деревьев, спускаясь по склону горы. Такое поведение лошади не требовало от Розалины напряжения, чтобы удержать равновесие в седле, и она, склонив голову набок, с интересом рассматривала молодого человека, ведущего лошадь за повод. Странное, не испытанное прежде чувство возникало в ее душе при виде этого спокойного, сильного, красивого и уверенного юноши.

Он рассказал ей, что возвращается из путешествия, из дальней страны на Ближнем Востоке, где много лет назад произошли события, связанные с возникновением христианства. Гаральд делал эскизы древних городов: Иерусалима, Вифлеема, Назарета; берегов Мертвого моря, и других мест, где родился, жил и странствовал с учениками Иисус Назареянин. Рассказывал он увлеченно, страстно, так, будто бы сам был свидетелем тех давних, изменивших мир, событий.

Розалина, слушая его, все более проникалась симпатией к этому, много успевшему повидать на своем недолгом веку, странствующему художнику. Так, незаметно, они вскоре добрались до замка виконта де Ламбера. Сам виконт, встревоженный отсутствием дочери, встретил их у ворот. Розалина представила отцу своего спутника, умолчав об обстоятельствах их знакомства и своем безрассудном поступке, который мог бы иметь весьма печальные последствия, если бы не эта необыкновенная встреча.

Виконт был польщен тем, что слава о его розарии разнеслась далеко за пределы страны и, узнав, что художник хотел бы сделать несколько эскизов, которые, возможно, лягут в основу картины, предложил ему пожить несколько дней в замке. Розалина была несказанно рада такому решению отца, поскольку молодой художник все более волновал ее, и когда тот согласился на предложение виконта, щеки ее вспыхнули румянцем и она, смутившись, убежала к себе наверх.

Старый слуга виконта, по имени Готфруа, седой, суровый воин, сопровождавший его во всех былых походах, провел Гаральда в отведенную ему комнату, чтобы тот смог отдохнуть и переодеться к обеду. Туда же отнесли и его вещи. Гаральд расстегнул сумки, выложив эскизы, холсты, кисти, краски, аккуратно разложил их; затем он достал одежду, выбрал тот, единственный костюм, вполне достойный для торжественных случаев. Однако, пролежав дли-

тельное время в довольно тесной черезседельной сумке, костюм изрядно помялся, Гаральд позвал слугу и попросил его привести измятую одежду в приличный вид. Он волновался: внезапная встреча с прекрасной незнакомкой, заблудившейся в лесу, приглашение виконта провести несколько дней в его замке, были столь неожиданны, что путешественник, привыкший преодолевать трудности и опасности, был несколько растерян, он опасался, что его внешний вид окажется недостойным общества прекрасной девушки и ее благородного отца.

Но опасения его оказались напрасны, через некоторое время слуга вернул ему костюм безупречном состоянии. Гаральд успокоился, он оделся и вошел в зал, где уже был накрыт стол.

Жрец

Гаральд де Гир происходил из древнего рода, берущего начало от западных славянских племен, что проживали когда-то на острове Руян[2], прадед Гаральда, Дарий, занимал в крепости Арконы[3] пост военачальника, и после того, как войска короля Дании Вальдемара штурмом взяли Аркону, а Дарий погиб в неравном бою, семья его была вывезена с острова, и дед Гаральда был усыновлен графом де Гиром. Что стало с родственниками, оставшимися на территории острова, никто не знал.

Граф Азар де Гир, следуя традиции своего рода, в совершенстве овладел воинской наукой, которую старался передать своему сыну, Гаральду, мечтая о том, что сын, продолжив дело своего отца, станет воином. Но Гаральд, охотно и с легкостью осваивая воинское мастерство, все свободное время отдавал рисованию. Отец не препятствовал увлечению сына, рассматривая его, как необходимые, но бесполезные детские забавы, потребность в которых с возрастом проходит. Но желание стать художником не оставляло юного графа, хотя отец считал, что заниматься этим всерьез не подобает дворянину, потомственному

2 Ныне этот остров в Балтийском море называется Рюген.

3 Столица Руяна, в городе находилась крепость и храм бога Световита.

рыцарю, воину, и никто из них не знал, что судьба готовит Гаральду совершенно иное предназначение, чем предполагал отец, и к чему стремился сын.

Однажды Гаральд рисовал пейзаж горной долины. Высокие, крутые скалы, поднимающиеся к небу, пики вершин, уходящие в облака, зеленая растительность долины и горный поток, водопадом слетающий со скалы, возникали на холсте четкостью и ясностью линий под кистью художника. Где-то вдали Гаральд заметил фигуру путника, идущего по долине в его сторону, силуэт его, как нельзя кстати, оживил природу горной долины, и тут же возник на холсте.

Когда путник приблизился к художнику, тот поклонился, приветствуя его, и путник ответил на его приветствие, остановившись около холста. Путником оказался человек неопределенного возраста с седой бородой и длинными седыми усами, но удивительно светлым, не изрезанным старческими морщинами лицом. Он был в дорожном плаще с капюшоном, в руках держал посох, но ни мешка за плечами, ни сумки, обычно висящей через плечо, при нем не было. Попросив разрешение взглянуть на холст, он похвалил работу художника, лестно отозвавшись о таланте молодого человека.

- Ты мог бы стать знаменитым художником, и люди, столетия спустя, вспоминали бы твое имя, – сказал он Гаральду, – ты мог бы стать рыцарем, военачальником, одержать победы над врагами, и тем прославить имя свое в веках. Но иная участь суждена тебе, ты исполнишь великую миссию, но имени твоего не останется в памяти людей.

- Кто так решил? – встревожено спросил Гаральд.

- Каждый человек на этой земле имеет свое предназначение, и определено оно Богом, но только сам человек может решать, следовать ли Божьему предназначению, или же идти иным путем.

- Что же это за предназначение, если и имени моего никто не вспомнит? – удивился Гаральд словам путника.

- Не в славе людской заключается промысел Божий, но если людская слава прельщает тебя, то ищи ее и найдешь, но благодать Божью потеряешь.

- Кто ты, странник, и от чьего имени говоришь?

- Кто я, скажу тебе, если готов ты следовать предназначению своему, а говорю я от имени Бога, и тех, на кого возложил он ответственность за этот мир, который создал.

- А на кого же возложил Бог ответственность за этот мир?

- Бог создал человека по образу и подобию своему, и на человека возложил он ответственность за все, что происходит на этой земле.

- Ты, человек, говоришь со мной, с человеком, от имени людей? – изумился Гаральд.

- Все люди, да не все человеки, – ответил путник. – Человеком становится тот, кто следует предназначению Божьему, и кто готов взять на себя ответственность за этот мир. Скажи, ты готов выполнить то, что предначертано тебе свыше?

- Но я не знаю, что предначертано мне, как я могу ответить?

- Поиск истины – вот твоя судьба.

- Поиск истины? Да, я люблю докапываться до сути вещей, я ведь не просто рисую пейзажи, я ищу суть, я хочу познать истину.

- Тогда скажи, готов ли ты искать истину, если тебе придется ради этого переплывать моря, идти через пустыню, сражаться с теми, кто станет у тебя на пути?

Гаральд посмотрел на путника, на долину, лежащую в своем великолепии перед ним, и тихо сказал:

- Готов.

- Тогда слушай, что расскажу я тебе, – сказал путник, присаживаясь на камень, и показал рукой на валун, лежащий рядом, предлагая Гаральду присесть, из чего следовало, что разговор будет долгим.

- Более трех тысяч лет назад, – начал свой рассказ путник, – жрецы бога Амона в Египте, получив знания, скрыли их от людей, знания дают власть, власть ведающих истину над толпой невежд. Даже с фараонами не делились они тем, что знали сами, власть их была безгранична, и решили они, что людей следует разделить на господ и рабов. Так было сотни, тысячи лет, и захотели они, чтобы было так во веки веков. Но Бог создал людей свободными, и не должны люди никого обращать в рабов и называть господином кого-либо из людей. Бог дал откровение фараону, по имени Эхнатон, и сказал Эхнатон людям, что есть лишь одни Бог для всех, живущих на земле, и имя ему – Атон. Он запретил почитать всех других богов, выстроил новый город, Ахетатон, и построил там храм Атона. Высшей ценностью религии Атона была любовь, Эхнатон и его жена, красавица Нефертити, являли собой образец такой любви. Египет во времена Эхнатона не вел ни одной войны.

Но знал фараон, когда он отойдет от власти, жрецы Амона уничтожат новую религию, вернут прежних богов и прежнюю власть. И решил он для спасения новой веры вынести ее за пределы Египта. Для этого выбрал он народ иудейский, который должен был принять и сохранить веру в единого Бога. Пророк из рода фараонов, по имени Ра Мозес, что означает дитя Солнца, должен был возглавить этот народ и увести его в новые земли. В Европе его называют Рамсес, иудеи называли его – Моисей.

Ветхий завет гласит, что Моисея нашла и воспитала семья фараона, но это вымысел. Царская семья никогда не стала бы воспитывать подкидыша, член царской семьи наследует власть, а власть не могут передать тому, в чьих жилах течет чужая кровь. Нет, Моисей был египтянином, он даже с трудом владел иудейским языком, и к нему был приставлен переводчик, Аарон, названный в Ветхом завете его братом, который и сыграл злую роль в судьбе Моисея. К тому времени, как вывел Моисей народ иудейский из Египта, Эхнатона уже не было среди живых. Жрецы Амона отравили его, вернули культ прежних богов и извратили учение, которое Моисей должен был дать людям. Вместе с Моисеем и иудеями тайно ушли и жрецы Амона, назвавшись левитами, они присвоили себе право быть священниками среди иудеев. Они подстрекали народ, оставивший свои жилища и вынужденный скитаться и терпеть лишения, к восстанию против Моисея, участвовал в заговоре и Аарон, сделав золотого тельца, он объявил его богом, который вывел народ иудейский из Египта, и призвал людей молиться идолу.

Моисей, вернувшись с горы Синай после молитвы, был поражен вероломством своего соратника, Аарона, восставшие убили пророка, разбили скрижали с заветами Божьими. Восстание было жестоко подавлено левитами, и место Моисея занял жрец Амона, чтобы народ не заподозрил подмены, он покрывал свое лицо во время беседы с людьми, сославшись на то, что от лица его исходит сияние, которое может напугать людей. Вместо разбитых скрижалей он показал людям новые, на тех, разбитых, было начертано: «Бог – есть любовь», а на тех, что были даны взамен: «Око за око – зуб за зуб».

Прошли века, родился Иисус, пророк, он получил откровение от Бога, чтобы донести истину до людей. Он дал людям Новый завет, но жрецы Амона вновь исказили закон, объявив Христа Богом. Христос учил, чтобы люди не делали себе идолов, а они сделали идолом его. Все Евангелия написаны людьми

спустя столетия после того, как Христос учил народ истине, но есть записи слов Иисуса, написанные теми, кто был свидетелем и участником тех событий. Это доклады Антония, ближайшего помощника Понтия Пилата, своему начальнику. Жрецы Амона знают об этих документах, они поведали об их существовании ордену тамплиеров, который служит им. Тамплиеры ищут эти записи, чтобы скрыть от людей истину, которую нес им Христос.

Ты можешь найти эти документы раньше их. Это трудный и опасный путь, скажи готов ли ты пройти его до конца, так, что ни угроза гибели, ни людское забвение не остановят тебя? Посмотри мне в глаза.

Гаральд посмотрел в глаза путника и повторил:

- Я готов, но скажи мне, кто ты?

- Я жрец Атона, потомок одного из тех, кому удалось уцелеть после того, как повержена была истина, которую нес людям Эхнатон. Предки мои, жившие во времена Христа, сохранили документы и оставили тайные знаки, чтобы можно было найти их. Жрецам Амона эти знаки неведомы, ты художник, рисуй места, которые я тебе укажу, и ты найдешь тайные знаки, и отыщешь записи речей Иисуса.

- А потом? Что с ними делать потом?

- Донести до людей истину, которая написана там.

Варавва

Дом, где некогда родился царь Давид, стоял на холме, на окраине Вифлеема. Окруженный высокими стенами, сложенными, как и сам дом, из серого, грубо отесанного камня, выглядел он мрачным и суровым, словно старый воин на склоне лет.

Когда необычной яркости звезда возникла на фоне ночного неба, повиснув над самым домом Давида, трое путников постучали в ворота. На вопрос, кто беспокоит жителей в столь поздний час? Один из них ответил:

- Мы, жрецы, пришли с Востока, ибо видели звезду, которая привела нас сюда. Не здесь ли родился великий вождь, который спасет народ Иудейский от рабства римского, как сказано о том в Писании?

- Мириам родила младенца, отец его, Иосиф, дал ему имя Иисус, как было велено пророком.

- Мы пришли поклониться ему, – ответил путник, – ибо он и есть царь Иудейский из рода Давида и Соломона, имя ему Бер Авва, Сын Божий, именем этим называют всех наследников царского рода.

Путники вошли в дом, низко поклонились младенцу и положили у колыбели его дары: золото, ладан и смирну. Иосиф, отец новорожденного, накормив гостей, уложил их спать, отведя самые почетные покои. Наутро жрецы, еще раз низко поклонившись младенцу, покинули дом.

А по Иерусалиму, который жрецы посетили прежде, чем отправились за звездой в Вифлеем, распространились слухи о рождении вождя, царя Иудейского, который спасет народ от римского рабства. О том, что рождение мессии изменит тяжкую долю еврейского народа, давно предрекалось пророками, и вот жрецы, пришедшие с Востока, возгласили – свершилось пророчество, родился тот, кто поведет за собой народ.

Дошла эта весть и до царя Ирода, приведя его в состояние тревоги и крайнего беспокойства, кто может претендовать на трон, кроме его законных наследников? Но мнение народа, порожденное предсказаниями пророков, может стать серьезным препятствием для династии Ирода. Его, выходца из чуждой, враждебной идумейской земли, народ иудейский не любил. Трон получил он не по праву наследования, а из рук римского кесаря, после того, как привел римские легионы к стенам Иерусалима. И когда голова Антигона, последнего законного монарха династии Хасмонеев, слетела с плеч, Ирод стал царем, признанный Римом и ненавидимый народом.

Нелегко далось ему это царствование, чтобы подавить недовольство, ему пришлось казнить сорок пять членов синедриона, предать смерти свою первую жену и жениться на Мириам, Хасмонейской принцессе, но и ее он казнил, и двух сыновей, ею рожденных, последних из Хасмонеев. Было много крови, но он никогда не жалел о содеянном, он всегда был уверен в своей правоте, и тогда, когда служил Марку Антонию и Клеопатре, и тогда, когда принес присягу их врагу, Октавиану.

Неужели все это напрасно? И угрожает ему несмышленый, только что появившийся на свет младенец? Нет! Не бывать этому!

Ирод велел позвать Марка, римлянина, приближенного им к своей пер-

соне еще во времена Антония и Клеопатры, иудеям он не доверял.

- Слышал ли ты, Марк, – спросил Ирод, – говорят, будто в Вифлееме родился вождь, новый царь Иудейский?

- Не стоит предавать слухам слишком большое значение, повелитель, – ответил Марк. – Тот, кто распространяет подобные слухи, просто глупец. Только кесарь может решить, кому может принадлежать трон, не слухи же управляют миром.

- Ты не прав, Марк. Тот, кто распространяет слухи, знает, мысль, якобы случайно брошенная в толпу, и толпой этой подхваченная, может изменить мир. Приход вождя, который освободит народ иудейский от Рима, предсказан пророками. Я хочу, чтобы об этом забыли, чтобы никто никогда не вспоминал о младенце, родившемся в Вифлееме.

- Но я не могу заткнуть рот каждому в этом городе, – усмехнулся Марк.

- А я и не требую от тебя затыкать гражданам рты, я хочу, чтобы ты устранил саму причину этих слухов.

- Повелитель хочет, чтобы я убил младенца?

- Ты правильно понял меня, Марк, – ответил Ирод.

- Но как я найду его? – удивился Марк. – Волхвы, что пришли с Востока, бросив слух в толпу иудеев, ушли, они не вернулись в Иерусалим.

- Так убей всех младенцев! – закричал царь, ударив о землю жезлом, глаза его налились злобой, на губах выступила пена. – Всех! Всех! Всех, кто родился в этом проклятом городе! Всех младенцев от двух лет и менее!

- Я римлянин, – ответил Марк, – я могу исполнить твой приказ, но ты иудей, как возьмешь ты на душу грех сей? Душа младенца безвинна.

- Я не иудей, – ответил Ирод, взрыв бешенства мгновенно утих, он снова был спокоен и уверен в себе, – я идумеянин, а идумеяне всегда были врагами иудеев, и мне плевать, безвинны ли души младенцев иудейских. Иисус Навин истреблял филистимлян: и детей, и женщин, и младенцев, и овец их – еврейский Бог благословил его на это, так и мои Боги благословят меня на истребление младенцев иудейских. Только не торопись, Марк, убивать первого, кто попадется тебе, сперва выведай все: кто, где, когда и у кого родился, только потом действуй, иначе они укроют того, кого мы ищем.

- Я сделаю все, как надо, повелитель, – ответил Марк.

Несмотря на то, что население Иудеи, в большинстве своем, просто нена-

видело царя Ирода, сеть тайных осведомителей охватывала не только всю Иудею, а и Галилею, и Самарию, и Идумею, и ни одно событие не могло пройти мимо его внимания незамеченным. Пользуясь этой разветвленной сетью, Марк начал собирать сведения о всех младенцах, родившихся в Вифлееме и его окрестностях в то время, как яркая звезда зажглась на небе над Иерусалимом, а так же тех, кому на этот момент было отроду не более двух лет.

Ни Иосиф, ни Мириам, ни домашние их еще не ведали об опасности, нависшей над ними, когда в поздний вечерний час одинокий путник, закутанный до глаз плащом, постучал в ворота дома Давида, слуга открыл ему, и он попросил позвать хозяина. Иосиф, недовольно ворча, вышел на зов слуги. Выглядел он уставшим и осунувшимся, весь день младенец вел себя беспокойно.

- Собирайся, Иосиф, – сказал путник, не открывая лица, – бери младенца и матерь его и беги в Египет, царь Ирод ищет младенца, чтобы уничтожить его.

Иосиф устало и тревожно смотрел на путника, он хотел спросить его: «Кто ты, почему я должен верить тебе? Разве Господь Бог не сохранит того, кого послал он в мир, чтобы спасти народ Израиля?» Он вспомнил, как неспокоен был младенец весь день, как терзалась Мириам, не понимая причины своих волнений, и не стал ни о чем спрашивать путника, он знал – надо уходить.

- Мы уйдем, – ответил он путнику, – уйдем, как только солнце взойдет.

- Уходите сейчас, – ответил путник, – когда солнце взойдет, Ирод перекроет все дороги, никто не сможет уйти из города.

- Ночь темна, – пытался возразить Иосиф, – как мы найдем дорогу?

- Луна осветит ваш путь, – ответил незнакомец.

Он не стал ждать ответа, повернулся и ушел, Иосиф стоял у ворот и смотрел, как таял в темноте силуэт неизвестного путника; он посмотрел на небо, оно было затянуто облаками, луны не было. Потом он закрыл ворота и вошел в дом.

- Мириам! – крикнул он супруге. – Собирайся, собирай младенца, мы уходим из Вифлеема, уходим прямо сейчас.

Она ничего не ответила Иосифу, она слышала его разговор с путником, вздохнув, тихо всплеснула она руками и начала собирать вещи, а Иосиф стал запрягать ослика в маленькую тележку.

- Куда мы идем, Иосиф? – тревожно спросила Мириам.

- В Египет.

- Египет большой, кто нас ждет там?

- Идем в Александрию, – ответил Иосиф, – там живет мой дальний родственник, Иаков, он примет нас.

Иосиф, ведя под уздцы ослика, запряженного в тележку с нехитрым скарбом, вышел из ворот, облаков на небе не было, огромная, полная луна висела над миром, освещая путь.

Когда они добрались до Синайской пустыни, солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Иосиф шел, ведя ослика под уздцы, а Мириам сидела с младенцем в тележке, им предстоял трудный и долгий путь. Бегство из Вифлеема было столь неожиданным, что они не успели запастись пищей и водой, без чего в пустыне их ждала бы верная смерть, но люди в селениях, через которые проходили они, снабжали их водой, едой, приносили все, что могло пригодиться в дороге.

Они благополучно миновали пустыню, добрались до дельты Нила, и вскоре, после переправы, великолепный древний город Александрия возник перед беженцами, как награда за долгий и трудный путь.

Иаков не удивился, когда в дом его явился Иосиф с женой и маленьким сыном, он словно ждал своего дальнего родственника. Жизнь в Александрии протекала спокойно, младенец рос, крепчал, и лишь тоска по родному дому, оставленному в далеком Вифлееме, омрачала их пребывание в спокойном, благодатном месте.

Первый портрет

С верхнего этажа в зал опускалась полукругом лестница с покрытыми позолотой перилами. Гаральд, услышав легкие, невесомые шаги, взглянул на лестницу и обомлел – по ней величественной походкой спускалась та самая девушка, которую он встретил на лесной поляне, несчастную и растерянную. Сейчас ее трудно было узнать, на ней было длинное красное платье, нежная рука ее чуть касалась перил, другой рукой она поддерживала край платья, нога в изящной туфельке показалась из-под края платья, чуть склоненная набок голова, легкая улыбка и светящиеся зеленым светом глаза.

Гаральд замер, не в силах оторвать взгляд от нее, и когда Розалина подошла к столу, преодолевая смущение, спросил:

- Позволите ли Вы, прекрасная Розалина, написать бедному художнику Ваш портрет? Здесь, на этой лестнице, в этом платье?

Вид молодого человека был настолько растерян, что он совсем не был похож на того самого всадника, возникшего перед девушкой на лесной поляне в минуту ее отчаяния, и Розалина невольно рассмеялась.

- Чему Вы смеетесь? – удивился молодой человек. – Неужели в моей просьбе есть что-либо смешное?

- Нет, что Вы, я буду рада, если Вы напишите мой портрет. Я смеюсь, потому что еще никто не рисовал меня. И еще потому, что Вы .., – она остановилась, не зная как продолжить фразу, чтобы не обидеть молодого человека. – Да, ладно, не стоит смущаться, право. Я так благодарна Вам!

Она бросила на Гаральда нежный взгляд, значения которого еще не знала сама, поскольку чувство, охватившее ее, не было еще ни разу испытано, и лишь туманные видения снов всколыхнулись в глубине подсознания, связав образы, возникавшие там, с образом этого молодого человека.

Художник приступил к работе сразу же после обеда, ему не терпелось написать портрет как можно скорее, пока образ, возникший внезапно в его сознании, еще не растаял, размытый новыми впечатлениями. Когда портрет был готов, он показал его Розалине и ее отцу. Розалина нашла, что на портрете она гораздо красивее, чем на самом деле, а виконт долго глядя на этот портрет, сказал:

- Скажите, могу ли я приобрести у Вас эту работу? Она прекрасна, и я готов заплатить любую сумму, которую Вы назовете.

- Ну, что Вы, виконт, – ответил Гаральд, – я очень польщен Вашей оценкой, но я и не думал брать деньги за этот портрет. Он Ваш, я писал его специально для Вашей дочери.

- Благодарю Вас, Гаральд, но неужели Вы не нуждаетесь в деньгах?

- Поверьте, виконт, несмотря на то, что я всего лишь странствующий художник, в деньгах я действительно не нуждаюсь.

После обеда Розалина предложила Гаральду прогуляться верхом к реке. Гаральд с радостью согласился, высказал лишь желание переодеться, переоделась и Розалина, сменив роскошное красное платье на костюм для верховой ез-

ды. Гаральд облачился в дорожный наряд, в котором впервые увидела его Розалина, и нацепил меч. Розалина, увидев на меч, бросила на Гаральда тревожный взгляд с немым вопросом.

- Кто знает, какие опасности могут таить окрестные леса, – с улыбкой ответил художник, – не предавайте простой предосторожности слишком большое значение.

Когда они подъезжали к реке, погода начала портиться, на небе, еще недавно голубом, безоблачном появились тяжелые, темные тучи, они клубились, словно чудовища, пожирали друг друга, превращаясь в еще более страшных, зловещих чудищ, грозящих поглотить и этот лес, и реку, и замок, и дорогу с едущими по ней всадниками.

- Не вернуться ли нам в замок? – сказал Гаральд. – Вот-вот разразится гроза.

В это время где-то вдалеке прозвучали раскаты грома, еще далекого, но тяжелого, неотвратимого. Розалина пригнулась к шее лошади, вздрогнув от неожиданности.

- И правда, – ответила она тихим, взволнованным голосом, – пожалуй, стоит повернуть назад.

Они еще не успели повернуть лошадей, как вдали, со стороны реки показались силуэты трех всадников. Эти трое быстро приближались к ним.

- Кто это? Что им надо? – встревожилась Розалина.

Гаральд молча сжал рукоять меча. Всадники приближались, три рыцаря в доспехах, они не сбавляли темпа, в руке первого из них блеснул меч.

- Розалина! – крикнул Гаральд, выхватывая меч из ножен. – Скачите в замок! Быстрее!

- Нет! Я не оставлю Вас!

- Скачите! Скачите в замок, я Вам говорю!

Он поднял меч и бросил свою лошадь навстречу врагу. Атаковав первого всадника, он ударом своего меча срезал меч противника у самой рукоятки, но тут к нему подскочил второй всадник, и обрушил удар сзади справа, метя в спину незащищенного доспехами Гаральда.

- Сзади! Справа! – крикнула Розалина. И это было вовремя, Гаральд, не оборачиваясь, нанес удар вправо-назад, одновременно пригибаясь, уходя от удара. Меч противника просвистел над его головой, его же удар достиг цели,

ранив нападавшего в руку, несмотря на то, что рука его была защищена доспехами.

- Чертова баба! – воскликнул третий рыцарь и бросился к Розалине, но она впилась взглядом в глаза его лошади, и та встала на дыбы, потом осела, пятясь и испуганно храпя.

- Ведьма! – закричал рыцарь, пытаясь совладать с обезумевшей лошадью. Но лошадь его развернулась и понеслась прочь. Первый, обезоруженный, рыцарь и второй, раненный в руку, последовали за ним. Атака была отбита.

В замок! Быстрее! – крикнул Розалине Гаральд, и они понеслись в сторону замка. Вновь раздались раскаты грома, и первые капли дождя упали на землю.

Когда они достигли замка, разразился настоящий ливень. Потоки воды хлестали по стенам, ветер гнул и ломал ветви деревьев, потемневшее небо разрывали вспышки молний.

- Мне нужно срочно покинуть этот замок, – сказал Гаральд, – это тамплиеры, они выследили меня, теперь мое пребывание здесь становится опасным для Вас. Я уеду тут же, как только утихнет гроза.

- Но кто Вы? И почему тамплиеры на Вас напали?

- Я граф де Гир, я ищу то, что ищут тамплиеры, и, кажется, в отличие от них, нашел. Нужно только проанализировать все сделанные мной эскизы, и я буду знать, где нужно искать.

- Вы ищете священный Грааль? Ведь это его ищут тамплиеры?

- Нет, Розалина, они ищут совершенно другое.

- То, что дает власть над миром?

- Нет, то, что может лишить власти тех, кто ее имеет. Все Евангелия написаны спустя столетия после Христа, учение его во многом извращено, но есть записи тех, кто был непосредственным свидетелем и участником тех событий. Это доклады ближайшего помощника Понтия Пилата, Антония, своему господину. В них то, что говорил Христос народу, Понтий Пилат поручил ему записывать каждое слово, император Тиберий требовал от прокуратора отчета, он опасался, что Иисус мог призывать народ к восстанию против Рима. Антоний добросовестно выполнял поручение, и потому его записи самые достоверные. Тамплиеры ищут их, чтобы уничтожить, я – чтобы народ знал то, чему на самом деле учил Христос. Я должен ехать немедленно, нужно уединиться в

своем замке и проанализировать все мои эскизы, думаю, я близок к решению загадки.

- Но тамплиеры убьют Вас!

- Нет, Розалина, не убьют, я им нужен живым. Но не дай бог попасть к ним в руки, они передадут меня инквизиции, чтобы под пытками выведать все, что мне известно. Мне нужно ехать, пока те трое не добрались до своего отряда, думаю, рана, которую я нанес одному из рыцарей, серьезна, они вынуждены будут где-то задержаться для лечения.

- Как Вам удалось? – спросила Розалина. – Я видела, меч лишь скользнул по его руке, но, несмотря на доспехи, Вы нанесли ему рану. А тот, меч которого сломался?

- Он не сломался, я просто перерубил его меч своим, – Гаральд вытащил меч и провел по лезвию рукой. – Это дамасская сталь, в Европе нет меча, равного этому, он рубит железо, как сахар. Но если они нагрянут сюда всем отрядом, то и он мне не поможет, они и Вас не пощадят, если узнают, что я здесь, в Вашем замке.

Гаральд

Гаральд торопился, гроза уходила на юг темными, лиловыми тучами, предвечернее солнце осветило землю, омытую дождем, ожила зелень травы и листья деревьев, защебетали птицы; воздух был свеж, дышалось легко и свободно. Нужно было успеть добраться до перевала раньше, чем наступит ночь, хотя и виконт предлагал остаться в замке до утра, Гаральд решил ехать немедленно, он опасался, что тамплиеры могут вернуться, и, покидая замок, сказал де Ламберу:

- Если тамплиеры придут и захотят осмотреть замок, не препятствуйте им, пусть убедятся, что меня в замке нет, скажите, что я уехал вдоль реки на запад. Самый удобный путь к моему замку действительно пролегает вдоль реки, но я поеду через перевал, так короче, хотя горная дорога трудна и небезопасна, но в долине может располагаться лагерь тамплиеров, те трое прискакали оттуда.

На перевале, под скалой, у самого обрыва, находилась пещера монаха-отшельника, жившего здесь с незапамятных времен. Кем он был и какому богу молился, никто не знал, ходили слухи, что он колдун, и может заклинаниями и травами изгнать из тела любую болезнь, но жители окрестных деревень никогда не приближались к жилищу отшельника, опасаясь обвинения в общении с нечистой силой. Гаральд, еще до путешествия на Святую землю, бродил по этим горам в поисках пейзажей для своих картин и случайно наткнулся на одинокое жилище монаха. Несмотря на добровольное уединение от мирской суеты, старик-отшельник был рад этой случайной встрече, предложив гостю заночевать у него, угощая Гаральда напитком из трав и отваренными грибами.

Вот и сейчас он надеялся провести ночь в жилище монаха на перевале, уверенный в том, что никто не додумается искать его в тех местах, которых избегали путешественники. Лошадь его, Ромина, отдохнувшая за время пребывания Гаральда в замке виконта, шла бодро, уверенно ступая по камням, поднимаясь по крутой извилистой тропе. Местами тропа пролегала у самого обрыва, любой неосторожный шаг мог оказаться последним, иногда камень, сорвавшись из-под копыта, с шумом катился в пропасть, заставляя путника вздрогнуть и замереть. Прошло уже немало времени с тех пор, как Гаральд покинул замок виконта, солнце клонилось к закату, и нужно было спешить, чтобы тьма, которая наступает в горах быстро, лишь скроется солнце за вершиной, не застала путника на этой узкой, опасной тропе.

Ближе к перевалу лес стал редеть, сделалось светлее, и вскоре седло перевала уже очерчивалось на фоне темнеющего неба, с окрашенными последними лучами заходящего солнца, легкими перистыми облаками. Когда Гаральд выехал на перевал, почти стемнело, но справа, под скалой, горел огонь, обозначая жилище монаха-отшельника. Старик встретил Гаральда так, как будто бы давно ждал его – в котелке варился суп, для лошади заготовлено сено, а в пещере, на деревянном настиле, была приготовлена постель из свежей, пахнущей ароматом высокогорья, травы. На удивленный вопрос Гаральда старик ответил:

- Я знал, что ты сегодня должен приехать, просто знал, потому и ждал тебя. Как прошло твое путешествие? Нашел ли ты, что искал?

- Ты и об этом знаешь? – снова удивился Гаральд. – Раз я жив, значит путешествие прошло удачно, а о находках смогу судить после того, как разложу

все свои эскизы, и как следует рассмотрю их, все вместе, в определенном порядке.

- Можешь оставаться у меня, тут и рассмотришь свои картины.

- Спасибо, старик, – ответил Гаральд, – но задерживаться у тебя мне нельзя, я тороплюсь домой, в свой замок, отец с матерью ждут меня.

- Боюсь, что там тебя могут ждать не только отец с матерью, но и те, кто преследует тебя, – старик коснулся рукой одежды Гаральда, предлагая ему присесть.

- Они не знают, кто я, как они могу знать, что там, в долине, замок моего отца? Скорее они могут нагрянуть сюда, в твой скит.

- В мой скит никто не нагрянет, меня считают колдуном, и общаться со мной – это прямая дорога на костер.

- Но я-то общаюсь с тобой, – сказал Гаральд, присаживаясь на сколоченный из грубых досок табурет у вкопанного в землю деревянного стола.

Старик разлил по глиняным мискам суп, разломил хлеб и предложил Гаральду поужинать.

- Ты другое дело, – ответил он, – ты свободный человек, и не молишься выдуманным богам.

- А каким богам молишься ты, старик?

- Бог един, – ответил старик, поднимая голову к небу, – Ему, Единому и Всевышнему молюсь я, все остальное – выдумки людей.

- А каким именем ты его называешь?

- Каким именем? – старик посмотрел на Гаральда, показал рукой на небо, на горы, на долину, что лежала внизу во тьме, и сказал: – Каким именем назовешь ты это небо и звезды? Каким именем назовешь ты ветер, что клонит верхушки сосен, и гонит по небу облака? Каким именем назовешь ты дождь, что проливается на землю? А пение птиц? А те чувства, которые испытывает человек, когда видит все это, все, что окружает тебя, все что живет в душе твоей – все это и есть Бог.

- Ты смущаешь меня, старик, – сказал Гаральд, – я верю в Господа Бога нашего, Иисуса Христа, отдавшего жизнь свою за грехи людей, а ты, ты, разве не веришь в него?

- Вот ты говоришь, верить в Бога, ты веришь в то, что Бог существует, и что он приходил на Землю в образе Иисуса Христа. Вера возникает там, где не

достаточно знаний, а если я знаю, что Бог существует, что он везде, и в шепоте травы, и в шелесте дождя, и в рокоте грозы, и в пении птиц, то верить надо Богу, верить тому, что говорит он тебе, отвечая на молитвы твои.

- Я молился, но не слышал, чтобы Бог отвечал мне, – Гаральд посмотрел на старика с сомнением во взгляде. – Откуда ты знаешь все это?

- Откуда я знаю все это? – старик погладил бороду, усмехнулся. – Я спрашиваю Его в молитве своей, и он отвечает мне, отвечает ветром, проснувшимся вдруг среди тишины, камнем, сорвавшимся со скалы, путником, явившимся ко мне в поздний вечерний час. Спроси, и он ответит тебе, нужно только уметь прочесть этот ответ, и верить, верить Богу.

- А Иисус Христос? – не унимался Гаральд. – Кем он был?

- Он был человеком, и называл он себя не иначе, как Сыном человеческим, когда его почитали как Сына Божьего. Он был пророком, получавшим откровение Божье, он учил людей истине, но прошли века, и его слова исказили, он учил, чтобы люди не поклонялись кумирам, а они сделали кумиром его.

- Я уже слышал это, – тихо сказал Гаральд, вспомнив странника, встретившегося ему в горах, того, что наполнил новым смыслом его жизнь.

Утром, на следующий день, Гаральд собирался в путь, собирался не спеша, без суеты, как собираются люди в трудную и опасную дорогу, тщательно проверил подпругу, стремена, крепление черезседельных сумок, уздечку, поводья. Он положил руку лошади на холку, погладил ее, посмотрел в глаза и сказал:

- Ну что, Ромина, пора в дорогу.

- Не стоит тебе ехать, – сказал старик, – чую, беда ждет тебя в замке твоем, тревожно мне.

- И мне тревожно, потому ехать надо, я буду осторожен, старик, в замке отец и мать, и если с ними беда, не могу я здесь сидеть, – ответил Гаральд и вскочил на лошадь.

- Да, хранит тебя Бог! – крикнул старик.

Но только Гаральд тронулся с места, только ступила лошадь на узкую каменистую тропу, как раздался гул, переходящий в рев камнепада, камни, сорвавшись со склона, катились, прыгали, перелетали через тропу, низвергаясь в пропасть, поднимая облака пыли. Гаральд застыл на месте. Вскоре все стихло, пыль, клубясь над тропой, медленно оседала.

- Это был знак, – сказал старик, подойдя к лошади, – не надо ехать, я молился за тебя, я спросил Бога: можно ли тебе ехать в свой замок? Вот и ответ. Ехать нельзя.

- Это случайность, старик, – ответил Гаральд, – камнепады нередки в этих местах, хорошо, что я не успел сделать и десяти шагов, иначе был бы сейчас там, на дне ущелья.

- Случай – это язык Бога, я спросил – он ответил.

- И все-таки, я должен ехать, – сказал Гаральд, – но здесь уже не пройти.

- Я покажу тебе другой путь, но помни, Бог предупредил тебя, будь осторожен, это был знак, – сказал старик и, взяв лошадь за узду, повел прочь от заваленной камнями тропы.

Они обогнули скалу, под которой укрылось от ветров и глаз случайного путника жилище монаха-отшельника, и направились вверх по склону. Безлесный, поросший травой, усеянный камнями склон вел к вершине, темнеющей на фоне бледного неба. Слева была пропасть, за ней, внизу лежала долина, в которой и был построен много лет назад замок графа де Гира. У самой вершины росла одинокая сосна, принявшая причудливую форму под воздействием ветров, постоянно дующих с северной стороны, за сосной и начиналась тропа, о которой знали немногие путешественники.

- Ну вот, – сказал Гаральду старик, – здесь ты можешь спуститься в долину. По этой тропе и вернешься, если что… Я буду ждать тебя.

Гаральд слез с лошади, попрощался со стариком и, ведя Ромину за собой, ступил на тропу. Тропа серпантином вилась среди скал, и с долины невозможно было рассмотреть ни саму тропу, ни идущего по ней. Вскоре скалы закончились, и густой лес охватил путника и лошадь, пахло хвоей и можжевельником, высокие сосны скрывали бледное, еще не проснувшееся небо, и трудно было представить, что какая либо опасность может таиться в этой первозданной, дышащей спокойствием тишине.

Ирод Великий

Царь Ирод умирал, умирал тяжело, страшно. Тело его покрылось гниющими язвами, и никто из врачей не смог избавить Ирода от этой болезни. Временами он впадал в беспамятство, его преследовали кошмарные видения, пред ним вставали люди, когда-то загубленные им, убитые по его приказу, их образы всплывали из небытия, немым укором смотрели они на умирающего царя. Его бывшая жена, Мириамна, Хасмонейская принцесса, казненная по приказу Ирода, стояла у постели умирающего и молча глядела на него. Она была единственной, которую он, царь Ирод действительно любил, но и любовь эта не спасла ее от казни.

Мириамна, внучка Гиркана, последнего царя Хасмонеев, первосвященника, втайне готовила свержение Ирода, ее мать, дочь Гиркана, Александра, бывшая в хороших отношениях с царицей Египта, Клеопатрой, всячески препятствовала Ироду в его политике, используя претензии на территории Иудеи амбициозной правительницы Египта, любовницы Марка Антония. Интриги Александры и Мириамны дорого обошлись царю, царство его потеряло последний порт на берегу Средиземного моря, пришлось Ироду сдать в аренду Клеопатре рощи финиковых пальм и Мертвое море, где добывали асфальт и целебные грязи, более того, арендную плату платила не Клеопатра ему, а он ей. Клеопатру это вполне устраивало, она получала деньги, не прилагая к тому никаких усилий. Ссориться Ироду с Клеопатрой было опасно, используя связь с Антонием, она могла взять под свое управление владения Ирода, и тогда Иудея перестала бы существовать. Клеопатра требовала у Марка Антония, чтобы тот передал ей Иудею, но он не настолько был подвержен ее влиянию, чтобы лишиться Иудеи, служившей заслоном от набегов на римские владения воинственных арабских племен.

Призрак Мириамны преследовал Ирода всю его жизнь, он возникал из тьмы, бродил по дворцу, и тогда царь метался в бреду, призывая имя любимой, казненной им жены.

- Прости, прости меня, – бормотал он, с трудом выговаривая слова, он задыхался, слезы накатывались на глаза, но она молча стояла у постели смертельно больного царя, глядя на него взором, полным упрека и тоски.

- Видит Бог, я не хотел твоей смерти, я любил тебя, не ради себя, не ради

власти своей отдал я тебя на смерть, всю свою жизнь только одна цель стояла передо мной – сохранить государство наше, дать мир и спокойствие иудейской земле. Цена высока, столько смертей, столько крови на мне, но сохранилось и укрепилось царство мое, я строил города и дворцы, строил порт в Кесарии, чтобы корабли наши плыли во все концы земли, чтобы слава и величие Иудеи затмили славу и величие всех стран, ради этого приняла ты смерть, прости, но не было у меня выбора. Это все она, твоя мать, змея, готова была отдать Клеопатре земли наши, только ради того, чтобы уничтожить меня. Я и ее казнил, она заслужила, если бы я предал ее смерти раньше, может быть, и ты бы осталась жива. Но ведь ты бы не простила мне ее смерть? Скажи, не простила бы? Но ведь она свидетельствовала против тебя! Если бы не твоя мать, никто бы не смог доказать твою вину.

Мириамна ничего не ответила, призрак ее растаял в полутьме, перед Иродом возник Гиркан с отрезанными ушами. Гиркан, который и привел Ирода к власти, который спас его от суда Синедриона, Гиркан, которому Ирод вынес смертный приговор, последнему из рода Хасмонеев, оставшемуся в живых. Он уже был стар и не претендовал на трон, не мог он быть и первосвященником, парфяне отрезали ему уши, а человек с физическими недостатками или увечьями по законам иудеев не мог занимать столь важный пост. Но никто не мог знать, как бы поступил Октавиан, если бы Гиркан был жив, вместо Ирода, верно служившего врагу Октавиана, Марку Антонию, он мог назначить правителем Гиркана, а тот никогда не сумел бы сохранить Иудею.

Сохранить Иудею. Сохранить и укрепить, умножить царство, доставшееся Ироду стараниями его отца, советника Гиркана, Антипатра, которого отравил Малих, пытавшийся поднять народ иудейский против Рима. Он заплатил за смерть отца Ирода, заплатил жизнью своей, и не Ирод убил его, а римляне расправились с тем, кто хотел восстать против них. Малих, захвативший Иерусалим, пошел на переговоры с Кассием, правителем Рима после убийства Цезаря, но Кассий знал цену договора с Малихом, и после переговоров римский воин пронзил его мечом.

Сохранить Иудею. Любой ценой. Ирод никогда не ошибался, ни тогда, когда, спасаясь от нашествия парфян, просил он защиты у Марка Антония, правителя восточных окраин римской империи, ни тогда, когда принес клятву верности врагу Антония, Октавиану. «Я верно служил Антонию, и так же верно

буду служить тебе», – заявил Ирод, он не оправдывался перед Октавианом за то, что служил его врагу, он был честен, и это решило его судьбу, Октавиан признал Ирода царем Иудеи, и расширил его царство, вернув пальмовые рощи и побережье Средиземного моря.

Сохранить Иудею. ***«И будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать». «Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их — служить тебе. И будут всегда отверзты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы приносимы были к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, – погибнут, и такие народы совершенно истребятся».***

Но закончились славные времена Давида и Соломона, времена Маккавеев, восставших против Селевкидов, с Севера римская империя расширяла свои владения, с Востока теснили иудеев парфяне. Где Мессия, что поднимет народ против поработителей? Где тот, кто исполнит Завет Господа, избравшего иудейский народ и обещавшего ему власть над всеми народами?

После взятия Иерусалима Помпеем законный царь династии Хасмонеев, Антигон, решил, что парфяне исполнят роль Мессии, избавителя народа от римского владычества, они признали его царем и первосвященником. Когда Антигон штурмом взял Иерусалим, Ирод, отверженный иудеями, но признанный Римом, со своим братом Фасаилом и первосвященником Гирканом привели свои войска под стены города. Парфяне пригласили их для переговоров, предлагая миром решить противостояние двух иудейских царей. Но Ирод сразу почувствовал подвох, он понял, – переговоров не будет, их схватят и казнят, но ни Гиркан, ни Фасаил не поверили в вероломство парфян. Фасаил был убит, а Гиркану, первосвященнику, назначенному Римом, Антигон лично отрезал уши, чтобы тот никогда не смог более посягнуть на пост первого священника великого народа, избранного самим Господом Богом.

Когда армия Ирода вместе с одиннадцатью римскими легионами и шестью тысячами всадников после пятимесячной осады взяла Иерусалим, Антигона, закованного в цепи, Ирод отправил Марку Антонию, который казнил мятежного Хасмонейского царя.

Ирод знал, римляне пришли сюда надолго, война против них приведет лишь к тому, что некогда великое царство иудейское навсегда перестанет суще-

ствовать, это он усвоил еще от своего отца, мудрого политика Антипатра. Если врага не удается победить силой, нужно сделать его своим другом, и тогда одолеть его можно не мечом, а тем, что сильнее меча – идеей, идеей Единого Бога, что поглотит язычество, и ростовщичеством, что сделает должниками иудеев всех царей земных.

- Александра, интриганка, змея, злая фурия, – шептал онемевшими губами сквозь предсмертный хрип Ирод, – что, что смотришь ты на меня? Уйди! Не хочу в свой последний час видеть тебя. Ты добилась своего? Сына, Аристобула, брата Мириамны, выродка малолетнего назначил я первосвященником. Народ ликовал, он посчитал его Мессией, что освободит их из-под римского владычества. Какой же ты Мессия, Аристобул, если позволил утопить себя, как котенка? И Бог не спас тебя, нет, не мог ты стать Мессией, ведь сказано в Писании, что придет Мессия из рода Давида, а ты, Хасмоней, и ведешь свой род не от него, и даже не от левитов, не от Аарона, Хасмонеи приняли власть от Селевкидов, греков. Кто ты сам, и откуда род твой?

Хотя Ирод и объявил смерь Аристобула несчастным случаем, устроил ему пышные похороны, Александра не поверила в случайность, она написала донос Клеопатре и требовала устранить Ирода, обвинив его в предумышленном убийстве. Клеопатра добилась того, чтобы Антоний вызвал Ирода в свою резиденцию, в Лаодикею[4], для объяснений. Покидая дворец, Ирод приказал мужу своей сестры, Саломеи, Иосифу, казнить Александру и Мирамну, если он из Лаодикеи не вернется.

Антоний зла на Ирода не держал, юный Аристобул, представитель династии Хасмонеев, был известен ему своими антиримскими настроениями, и иметь его в качестве первосвященника, влияющего на настроения народа больше, чем царь, послушный воле Рима, Антонию не хотелось. После неудачной военной кампании против парфян, ему нужны были войска Ирода, чтобы добиться победы над противником, и он не стал требовать объяснений от иудейского царя, устроив ему пышный прием, достойный царской особы.

Ирод был доволен, он получил благословение на то, что сделал, он не ошибся и на этот раз, он никогда не ошибался, но, вернувшись, он вновь ощутил жало этой змеи, своей тещи, Александры, его вновь предали, и на этот раз тот, от которого предательства он ожидать никак не мог, муж его сестры,

4 Латтакия на сирийском побережье.

Иосиф, поверив слуху, что Антоний Ирода казнил, рассказал Александре и Мириамне о своей трагической миссии, – убить их, если царь из Лаодикеи не вернется.

Узнал он и о том, что жена его и теща собирались искать защиты у римских легионеров, – сестра его, Саломея, донесла о предательстве Иосифа. И еще одна голова близкого ему человека слетела с плеч.

Призраки казненных им сыновей являлись Ироду, Александр и Аристобул, рожденные Мириамной, и его сын от первой жены, Дорис, Антипатр, – все они замышляли заговор против отца, хотели иродовой власти? Они достойны смерти! Все![5] Со смертью Александра и Аристобула кончился род Хасмонеев. «Только сыновья самаритянки Малфаки, Архелай, Антипа и Филипп, достойны наследия моего, меж ними разделю я царство свое».

Последний хрип сорвался с уст царя, он впал в забытье. Весть о смерти Ирода пронеслась по Иерусалиму, народ ликовал, люди сбили с ворот храма ненавистный им символ римской власти, золотого орла, и разбили его на куски. Но рано радовались они, Ирод еще не умер, собрав последние силы, он поднялся с постели и потребовал привести к нему смутьянов.

- Что? Радуетесь смерти моей?! – крикнул он, – Сами, сами примете смерть раньше, чем я!

- Ты осквернил храм, – был ему ответ, – мы с радостью примем смерть за веру нашу.

- С радостью?! Нет! Не будет этого, не будет радости на лицах ваших, когда пламя охватит ваши тела! Сжечь! Сжечь живьем! – приказал Ирод.

Последние силы покинули его, он тяжело опустился на кровать.

- Саломея, – ослабевшим голосом позвал он сестру, – исполни все, что я прикажу, выполни мою последнюю волю. Я не желаю, чтобы люди радовались моей смерти, я хочу, чтобы плакали они, горько плакали, когда я умру. Собери всех знатных людей этого города, и когда издам я последний вздох, прикажи казнить их всех, всех до одного! Пусть плач несется над Иерусалимом в день смерти моей.

---

5 Историки утверждают, что Александр и Аристобул были несправедливо оговорены сестрой Ирода, Саломеей, и сыном от первой жены, Антипатром, желавшим устранить своих братьев, претендентов на трон.

В страшных мучениях покинул царь Ирод этот мир, но даже его сестра, Саломея, не решилась исполнить последнюю волю царя, она отпустила с миром тех, кого должна была предать смерти.

Тамплиеры

Лес закончился, внизу уже был виден замок, на самом берегу реки, на холме. Какая-то странная, тревожная тишина висела над замком, ни звука не доносилось с его двора, не было видно никого ни на самом дворе, ни в окрестностях замка, хотя до него было рукой подать. Пологий безлесный склон, поросший низкой травой и усеянный серыми валунами, опускался к самому замку, к дороге, ведущей в деревню. Гаральд вспомнил дурное знамение, с которого начался его путь, и решил, что безопаснее подойти к замку незаметно, и получше все рассмотреть. Идти нужно не напрямик, а вдоль долины по склону, не выходя из леса, и спуститься вниз не по тропе, а через заросли тамариска. Но с лошадью пройти под прикрытием кустарника незаметно не удастся. Лучше было бы оставить лошадь в лесу, но где спрятать ее? Справа по склону горы он увидел скалу, которая, казалось, вплотную прилегает к склону, но при внимательном изучении он заметил, что между скалой и склоном горы есть небольшое ущелье, вход в него обнаружить сразу не так-то просто. Войдя в ущелье, Гаральд подумал, что лучшего места, где можно спрятать лошадь, пожалуй, не сыскать.

Он привязал Ромину к дереву, выбрался из ущелья и спустился вниз. Заросли тамариска скрывали его от нежелательных наблюдателей. Подойдя к замку настолько, насколько позволяла местность оставаться незамеченным, он затаился и стал ждать. Но ожидание его ни к чему не привело, казалось, что замок был пуст, не просматривалось никакого движения, никакие звуки не доносились оттуда.

«Что могло произойти? – думал Гаральд. – Возможно, обитатели почувствовали опасность и покинули замок? Но что, что могло случиться?». Первым желанием было покинуть свое укрытие, войти в замок, возможно, он увидит то, что даст ответ на его вопросы, но недоброе предчувствие сдерживало его по-

рыв. Продвигаясь под прикрытием кустарника, он спустился вниз по реке, к деревне, где жили крестьяне, работавшие на земле графа. Деревня жила своей обычной жизнью, и Гаральд осторожно подошел к первому дому. Тут ему встретился крестьянин по имени Жак, который в те времена, когда Гаральд еще был подростком и учился премудростям верховой езды, служил у старого графа на конюшне. При виде Гаральда на лице Жака отразились одновременно испуг и удивление, он застыл на месте с широко раскрытыми глазами, прижав правую руку к груди, как если бы выходец с того света неожиданно явился перед ним.

- Что случилось, Жак, – спросил тихо Гаральд, – чем ты так испуган? Почему в замке тишина, будто все обитатели покинули его?

Жак задрожал, замотал головой, бормоча что-то невнятное, он жестом велел Гаральду следовать за ним и почти бегом направился в свой дом. Гаральд вошел в дом Жака, где тот, наконец, немного успокоился, закрыл все ставни в доме, шепотом произнес:

- Это случилось неделю назад, в замок приехали рыцари, они перебили всех, и мать, и отца Вашего убили, и всех слуг тоже. Они Вас искали.

- Откуда знаешь?

- Ваш повар, Жульен, он убежал через подземный ход, когда все это случилось.

- Где он сейчас? – Гаральд сжал рукоять меча.

- Он у меня, в погребе, он боится, если рыцари узнают, что ему удалось сбежать, найдут его и убьют.

- Они были здесь, в деревне?

- Нет, но он боится, чтобы кто из деревенских не выдал его.

- А деревенские знают, что произошло в замке?

- Нет, не знают, но если увидят Жульена, начнутся расспросы, почему он здесь, он так перепуган, что лучше бы ему посидеть у меня.

- Я хочу видеть его, – твердо сказал Гаральд.

- Сейчас, сейчас, – торопливо ответил Жак, – я приведу его.

Жак вышел, и вскоре привел в дом растрепанного, перепуганного человека, в котором Гаральд с трудом узнал Жульена, графского повара. Жульен с плачем бросился к ногам своего господина, умоляя простить и помиловать его.

- Встань, Жульен, встань, – сказал Гаральд, – я не собираюсь тебя наказывать, в том, что произошло, нет твоей вины, встань и расскажи все, как было.

Жульен встал, но ноги его подкашивались, и Жак усадил его на табурет. Всхлипывая, размазывая слезы по немытому лицу, он начал рассказ:

- Когда рыцари подъехали к замку, никто не думал ни о чем плохом, мессир сам вышел их встречать, главным у них был мессир Гийом, старый знакомый нашего мессира.

- Гийом? – воскликнул Гаральд. – Так вот почему они знали, где меня искать.

- Да, мессир, это был Гийом, – продолжал Жульен. – Мессир Азар де Гир приказал мне приготовить обед, чтобы накормить всех этих почтенных господ. За обедом они все спрашивали о Вас, я слышал, мессир Азар попросил, чтобы я обслуживал их во время обеда, как бывало в особо торжественных случаях. Отобедав, они схватились за мечи и изрубили всех, первым пал Ваш отец, потом мать, а после и все слуги. Никто не успел даже схватиться за оружие, один рыцарь бросился за мной, я убежал на кухню, схватил нож и заколол его, а после через подземный ход, он ведет к реке, я убежал, и прямо сюда, к Жаку.

- Как думаешь, рыцари не знают о подземном ходе?

- Нет, не знают, иначе они бы уже нашли меня.

- Сколько их?

- Их было восемь, мессир, восемь, но теперь их осталось только семь, не думаю, что тот, которого я заколол, выжил, я заколол его, как барана, под ребро, прямо в сердце, когда он поднял свой меч, он не ожидал, что у меня может оказаться оружие.

Первой мыслью Гаральда было ворваться в замок и отомстить, но он понимал, что шансов на победу у него не много, кроме того, его ждут, и появление в замке, как бы он ни старался, неожиданным для противника быть не может, хотя.., если воспользоваться подземным ходом… Но даже победа в неравном бою ничего решить не сможет, вместо тех, семерых, придут другие. Главное – это выполнить то, что после встречи с одиноким путником в горной долине стало делом всей его жизни, нужно расшифровать свои эскизы и найти рукопись современника Иисуса Христа.

- Вы хотите идти в замок, мессир? – спросил Жак. – Хотите сразиться с ними?

- Хочу, Жак, хочу, – ответил Гаральд, – но я не сделаю этого, у меня есть очень важное дело, а с ними мне еще придется встретиться.

- Возьмите меня с собой! – воскликнул Жульен. От его былой растерянности не осталось и следа. Он вскочил с табурета, глаза его горели огнем.

- Путь мой опасен, те, кто преследует меня, не пощадят никого, придется сражаться с рыцарями, которые владеют мечом не хуже, чем ты поварешкой или кухонным ножом. Ты можешь погибнуть, но ведь ты не воин, зачем это нужно тебе?

- Но ведь и Вы художник, мессир, и если это нужно Вам, то значит, нужно и мне. Я столько лет служу Вашему роду, а теперь у меня кроме Вас никого не осталось. А здесь? Здесь мне делать нечего, я просто умру от страха, что рыцари меня найдут и убьют.

- Ну, что ж, пойдем, только учти, ни оружия, ни лошади для тебя у меня нет, все это придется добыть в бою.

- Зато у меня есть нож, мессир! – Жульен вытащил спрятанный в поясе нож, и Гаральд удивился, он и не догадывался, что у повара в одежде спрятано оружие.

- Мессир! – воскликнул Жак. – У меня есть все, что необходимо! И лошади, и меч, и копье, а еще лук и стрелы! Возьмите и меня, мессир! Вот увидите, не пожалеете!

- Что ж, – ответил Гаральд, – трое воинов, лучше, чем один. Собирайтесь, время не ждет.

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, когда трое путников: Гаральд, вооруженный мечом, Жак, с мечом на поясе и копьем на перевес, Жульен с луком за плечами, ведя лошадей и стараясь пройти незамеченными, быстро вышли из деревни и направились к лесу. Лес поглотил их, скрыв в тени ветвей от палящего полуденного солнца и посторонних глаз. Гаральд привел свой небольшой отряд к тому ущелью, где была привязана его лошадь, но с ужасом обнаружил, что его Ромины на месте нет.

- Где же она? – дрогнувшим голосом воскликнул Гаральд. – Не могла же она сама отвязаться.

Он побледнел, мысли путались, там, в черезседельных сумках были эскизы, ради которых он отправился в это трудное и опасное путешествие, те эскизы, на основе которых он мог определить, где нужно искать древние рукописи. Если тамплиеры захватили их.., но они ведь не знают, что означают эти эскизы.

Нет, если бы тамплиеры нашли его лошадь, они бы не уводили ее, а устроили засаду, но кто, кто тогда мог похитить Ромину?

- Мессир! – воскликнул Жак. – Я вижу следы! Вот следы лошади, а вот след человека, который ее увел, нет, это след не от рыцарского сапога, это простой деревенский башмак.

Жак пошел по следу, Гаральд и Жульен последовали за ним. Следы вели на опушку леса, дальше вел только след лошади.

- Здесь он сел на лошадь, мессир! – сказал Жак, он нагнулся, поднял комок земли, выброшенный копытом, растер его пальцами, и сказал: – Земля свежая, он не мог далеко ускакать, мы догоним его, мессир!

- Поехали! – сказал Гаральд. – Жульен, оставайся здесь, жди нас.

Жак и Гаральд, оседлав лошадей, помчались в погоню, первым скакал Жак, стараясь не потерять следы копыт, за ним Гаральд. Следы вели в деревню, напрямик, по открытому полю, и двое всадников неслись во весь опор, так что из замка их могли заметить, но нужно было во что бы то ни стало догнать похитителя. Жак был прав, далеко он не уехал, его нагнали под стенами замка, на дороге, ведущей в деревню. Заметив погоню, похититель пустил лошадь галопом, но Гаральд позвал Ромину условным свистом, означающим команду «стой», известным только ему и лошади. Ромина, услышав знак хозяина, остановилась сходу, пригнув голову, и похититель, не ожидавший от нее такого действия, перелетев через голову лошади, упал на землю. Жак подскочил к нему, уткнув копье в грудь, и закричал:

- А, это ты, Касьен-бездельник! Воруешь лошадей у честных людей!

- Я не знал, не знал! – оправлывался Касьен, закрываясь рукой, и отворачиваясь от копья. – Думал, просто лошадь заблудилась в лесу, вот и забрал, спросить, не отыщется ли хозяин.

- Лошадь, привязанная за толстый ствол дерева, заблудилась? – возмутился Жак. – Да ты в своем уме, бездельник? Сейчас проткну тебя этим копьем, скажу, что ошибся, хотел почесать тебя за ухом!

- Не убивай меня, Жак! – взмолился Касьен.

- Оставь его! – крикнул Гаральд. – Нет времени с ним возиться!

Гаральд взял за узду Ромину, и, подав ей знак следовать за ним, пришпорил лошадь, возвращаясь обратно к лесу. Но из замка их заметили, и не успели

они достичь опушки леса, как кованные ворота распахнулись, и трое всадников, поднимая копытами клубы пыли, устремляясь вслед за Гаральдом и Жаком.

- Придется нам принимать бой! – воскликнул Жульен, встретив Гаральда и Жака на опушке леса, он поднял лук и погрозил им в сторону скачущих к ним рыцарей.

- Это нам сейчас ни к чему, – ответил Гаральд, – за мной! Скорее наверх! Укроемся там, за скалой! Если рыцари и найдут вход в ущелье, то войти туда им будет непросто, в проход может протиснуться только один воин, и он тут же наткнется на наши мечи.

Они укрылись в ущелье, Гаральд прижался к скале слева у входа, обнажив меч, Жак стал по другую сторону, направив на вход копье, а Жульен подготовил лук, нацеливая его на того, кто первым войдет в ущелье. Первый же, кто попытается прорваться за скалу, будет сражен, естественное, природное укрепление позволяло выдержать не только атаку трех рыцарей, но и длительную осаду целого войска.

Рыцари подошли к скале, но входа в ущелье, который Гаральд предусмотрительно замаскировал ветвями деревьев, не заметили. Из-за скалы доносились их приглушенные голоса.

- Куда они подевались? – произнес первый голос. – Ведь не провалились же они в преисподнюю?

- Они, видимо, пошли влево по склону, больше им деваться некуда, справа обрыв, – ответил второй голос.

Третий голос возразил:

- Но следов нигде нет! Они кончаются здесь, у этой скалы.

- Какие могут быть следы? – отозвался первый голос. – Дальше только одни камни. Не будем терять времени, мы скоро догоним их!

Раздался топот копыт по камням, постепенно отдаляясь.

- Уехали, – сказал Гаральд, – я выйду, посмотрю, а вы пока оставайтесь на месте.

Он вышел из укрытия и, убедившись, что рыцари действительно уехали по ложному следу, подал знак остальным выходить.

- Теперь идите за мной, осторожно, след в след, лошадей ведите за повод, одно неосторожное движение – и можно сорваться вниз.

Рождение Иисуса Назареянина

Десять лет прошло с той поры как в Вифлееме, в доме Давида, родился Иисус, названный Вараввой. После того, как сын Ирода Великого, Архелай, этнарх Иудеи, был отстранен от власти, а Иудея передана под непосредственное управление Римской империи, кесарь Август Октавиан издал указ о переписи населения. Согласно этого указа, каждый житель подчиненных Риму земель должен прибыть для переписи в те места, откуда был родом.

Сырой, холодный ветер дул с севера, солнце уже упало за горизонт, и последние лучи его золотили холодным цветом разорванные облака, звезды проступили на темнеющем небе, одна из них, особенно яркая светила там, куда шли они – Иосиф и жена его Мириам, которая вскоре должна была родить.

Шли они из далекого галилейского селения Назарет в Вифлеем, туда, где много лет назад родился Иосиф. В небольшом городке, собравшим множество людей, что пришли сюда для переписи населения по указу римского кесаря, не нашлось приюта для немолодого плотника и его супруги. Они стояли в растерянности на окраине Вифлеема, не зная, что делать. Ночь была холодна, а Мириам вот-вот должна была разрешиться от бремени. Она очень страдала, устав от долгого перехода.

Недалеко от них, в степи, сбилась в кучу отара овец, пламя костра металось по ветру, и какие-то люди сидели вокруг него.

- Идем, – сказал Иосиф супруге, – идем к людям, может быть, они приютят нас.

- Приветствуем вас, добрые люди, – сказал Иосиф, подойдя к костру.

- Привет и вам, добрые странники, – ответил пастух. – Что привело вас к нам в столь поздний час?

- Мы идем в Вифлеем, на перепись населения, идем из Назарета, а родом я из этих мест. Указ кесаря требует, чтобы каждый записывался там, откуда он родом. В гостинице нет мест, слишком много народу пришло на перепись, не сможете ли приютить нас?

- Твоя жена, как я погляжу, вот-вот родит, негоже вам оставаться на ночь под открытым небом. Если не побрезгуете простым нашим уютом, среди пастухов и овец, то и для вас найдется место в пещере.

- Мы, люди простые, я плотник, Иосиф, имя жены моей, Мириам. Нас

устроит и пещера, а если найдется и охапка соломы, чтобы прилечь, то будем вдвойне благодарны вам.

- Идите за мной, добрые люди, – сказал пастух. Он встал, взял посох, и направился к пещере.

В пещере было сухо и тепло, костер, разложенный у самого входа так, чтобы дым от него шел наружу, согревал и освещал это скромное жилище, служившее одновременно и загоном для овец. Пастухи постелили на пол солому, устроив для путников постель прямо на полу. В ту же ночь и разрешилась Мириам от бремени, Иисусом нарекла она первенца своего. Вскоре после его рождения к пещере стали приходить люди, простые пастухи.

- Не здесь ли родился пророк, о котором сказано в Завете? – спросили они Иосифа. – Мы видели звезду, она вела нас и остановилась над самой пещерой.

- Жена моя родила младенца, – ответил Иосиф, – но отчего вы решили, что он и есть тот, о котором сказано в Писании?

- Сказано было, – отвечали они, – родится пророк, что понесет свет истины людям, звезда укажет место его рождения, мы шли за звездой, и она привела нас сюда.

- Входите, добрые люди, – ответил Иосиф.

Пастухи вошли, поклонились младенцу, ни овцы, что стояли в глубине пещеры, ни обилие народа не вызывали беспокойства новорожденного, встречала людей с улыбкой и Мириам.

Ночь была на исходе, поблекли звезды на небосклоне, а люди все шли и шли, шли с дарами, каждый нес, что мог, и не было здесь ни золота, ни ладана, ни смирны, было лишь то, что растет на полях, да те продукты, что дают овцы: молоко, сыр, масло, брынза – этими скромными дарами простых людей наполнилась пещера. Это было кстати, по иудейским обычаям женщина после родов не могла выходить из дому тридцать три дня. Принесенные пастухами дары позволили семейству питаться положенный срок, проживая в пещере, которая стала для них временным приютом до того, как младенца можно будет принести в Иерусалимский храм по требованию обычая. Мириам и Иосиф были гостями в Вифлееме, хотя и род Иосифа вел свое начало именно отсюда, но не было у него здесь родни, которая могла бы приютить их. Простой народ принял плотника, его жену и младенца, дав им пищу и кров.

Когда истек срок, Иосиф и Мириам с младенцем на руках, покинув свое

пристанище, направились в Иерусалимсуий храм. Утро было спокойно и торжественно, дневное светило поднималось над землей, даря миру тепло, радость и покой, ни одно облачко не проплывало светлому небу, воздух был прозрачен и чист, и птицы пением своим приветствовали входящего в мир, того, кто понесет людям истину и любовь.

В храме было тихо и малолюдно, семь рожков меноры горели ровным светом, пламя не колебалось, языки его тянулись ввысь, не оставляя ни копоти, ни дыма. Запах ладана, исходивший из золотой кадильницы, заполнял святилище, в которое из святая святых, помещения, где хранится Ковчег завета, и куда никто из простых смертных входить не может, вышел старец Симеон. Он был так стар, так долго жил на этой земле, что никто уже не помнил, сколько ему лет, знали только, что не сможет он помереть, пока не увидит мессию, спасителя, что принесет свет истины и просвещение всем народам.

Симеон увидел женщину с младенцем на руках, лицо ее озаряла легкая улыбка, наполнившая храм таким светом, что он понял – на руках у этой женщины тот, чьего прихода так ждал он. Священник подошел к Мириам, взял на руки младенца, высоко поднял его и сказал:

- Исполнилось все, что было Богом начертано! Вот тот, кто принесет славу Израилю, кто поведет народ его к истине, кто понесет свет просвещения язычникам и всем народам земли. Теперь Господь отпустит меня с миром, я сделал все, что должен был, и теперь спокойно могу отойти в мир иной.

Он вернул младенца матери, склонив перед ней голову.

В тот же день Иосиф и Мириам с младенцем вернулись в Вифлеем, зарегистрировались у чиновника, что вел перепись населения, и отправились в свое родное селение, называемое Назаретом.

Приют странников

Гаральд, Жак и Жульен пошли туда, где, по словам рыцарей, был только обрыв, не каждый мог заметить узкую тропу, идущую вдоль обрыва, она терялась из виду сразу же за поворотом. Тропа, обогнув утес, уходила вверх и становилась менее опасной, постепенно отдаляясь от обрыва. Кто и когда проло-

жил эту тропу, неизвестно, ни Гаральд, ни Жак, ни Жульен, ни прочие местные жители об этой тропе ничего не знали, и лишь старик-отшельник знал все тайные тропы этих гор, проложенные, возможно, и не людьми, а то ли дикими зверями, то ли некими таинственными существами, населяющими горы и леса, вызывающими ужас у путников, которым когда-либо доводилось с ними встречаться или слышать их зловещие голоса.

Они ушли уже достаточно далеко от того места, где их преследователи свернули на ложный путь, опасность, которой, казалось, был пропитан воздух, уже не ощущалась так остро, и красота природы, свежее дыхание ветра, голоса птиц – сулили покой. Тропа была уже достаточно безопасна для верховой езды, она серпантином поднималась меж высоких сосен, минуя скалы, поросшие серым лишайником и мхом, выступающие из пологости склона, местами нависающие над тропой. На пути лежала лесная поляна, покрытая пятнами солнечного света, прорвавшегося сквозь густые кроны деревьев, на поляне стайка куропаток щипала траву. Жульен обогнал ехавшего впереди Гаральда и подал ему знак рукой остановиться. Он вскинул лук, вытащил из колчана две стрелы, послал их одна за другой в стаю куропаток, куропатки взлетели, наполняя воздух хлопаньем крыльев, но две из них остались на земле. Жульен спрыгнул с лошади, поднял добычу и, привязывая ее за лапы к седлу, сказал:

- Солнце уже клонится к закату, нужно подумать об ужине, эти жирные куропатки придутся как нельзя кстати.

- А ты неплохо владеешь луком! – воскликнул Гаральд. – Если бы не видел тебя на нашей кухне, никогда бы не подумал, что ты можешь быть поваром!

- А что Вы скажете, мессир, когда я приготовлю из этих прелестных птиц замечательный ужин? Всю дичь, которою я подавал к графскому столу, я добывал сам, я никому не доверял это дело. Только настоящий повар знает, какая дичь может украсить стол, я стреляю из лука без промаха. Конечно, лук и стрелы – это не для дворян, это оружие простого мужлана, для дворянина не благородно всадить в противника стрелу, гораздо благороднее перерубить его мечом, батюшка Ваш никогда не брал лук в руки, да и Вы, мессир, никогда не упражнялись в стрельбе.

- Думаю, твои способности в этом деле пригодятся нам не только для того, чтобы насытить наши желудки, но и для того, чтобы уберечь наши головы от мечей тамплиеров, – ответил Гаральд.

За поляной начинались скалы, пришлось спешиться и вести лошадей за повод, верховая езда была бы слишком опасной на узкой, каменистой тропе, где лошадь, отяжеленная всадником, оступившись, могла сломать ногу. Когда небольшой вооруженный отряд достиг подножия вершины, солнце уже низко висело между двумя пологими холмами на западе плоскогорья, отбрасывая длинные тени от разбросанных по всему плато камней, из-под которых, как таинственные огоньки, блестели во мраке глаза ящериц, в изобилии населяющих здешние места.

Старик-отшельник встретил путников у своей хижины, и Гаральд, приветствуя его, сказал:

- Ты был прав, старик, в замке меня ждали тамплиеры, они убили всех, и отец мой, и мать, и вся родня, и все слуги пали под их мечами, у меня теперь нет никого, кроме этих двоих верных друзей. Я должен отомстить, кровь де Гиров взывает ко мщению, но сперва я должен исполнить то, что обещал, отыскать древние рукописи. Но пока я не отомщу, душа моя не успокоится.

- Месть – не лучшее средство для успокоения души, – ответил старик, – исполни свой долг, и душа твоя успокоится, а местью никого не воскресишь, смерть врага не принесет радости мятежной душе, лишь исполненный долг даст успокоение и отраду.

- Может быть, ты и прав, старик, – ответил Гаральд, – ты ждал меня одного, а нас трое, и мы не уместимся в твоем гостеприимном жилище.

- Я знал, что ты прибудешь не один. Разместитесь, пещера достаточно просторна и для вас, и для ваших лошадей, не оставлять же их на плато, ночи в горах холодны.

Пещера находилась сразу за высокой скалой у склона, вход был достаточно просторен для того, чтобы лошадь могла спокойно пройти, но все равно оставался незаметным, и лишь тот, кто знает, сможет отыскать его среди теней, отбрасываемых скалами даже тогда, когда солнце висит высоко над горами. В пещере было два просторных зала, в первом, где старик уже заготовил сено, путники оставили лошадей, а во втором, расположенном ниже первого, они расположились сами. Пока Жульен, взяв себе в помощники Жака, занимался

приготовлением ужина из двух добытых по дороге куропаток, Гаральд лег на сосновые лапы, заготовленные стариком, пользуясь возможностью первый раз за этот день спокойно обдумать сложившуюся ситуацию.

То, что произошло сегодня, было не просто катастрофой, это была первая невосполнимая потеря в жизни Гаральда, которая складывалась до этого времени довольно спокойно, и даже дальнее путешествие рассматривалось им не столько как опасное мероприятие, а скорее, как увлекательное приключение, которое непременно должно закончиться благополучно. Впервые он осознал всю серьезность опасности, которую представлял путь, выбранный им, опасности, грозящей не только ему, но и всем близким и дорогим ему людям. Все, кто был ему по настоящему дорог, были убиты, его родовой замок, который казался крепостью незыблемой, способной защитить его ото всех невзгод, был захвачен врагом, Гаральд остался один, без жилья, без родителей, которые так любили его, без всего, что было дорого и привычно. Впрочем, были друзья, точнее верные слуги, но насколько они надежны? В Жаке сомневаться причин не было, Гаральд знал его с раннего детства, Жак обучал его не только верховой езде, но и той таинственной науке общения с лошадью, овладеть которой мог далеко не каждый наездник. Но Жульен! Сперва он умирал от страха, прячась в подвале Жака, а теперь готов рисковать жизнью ради своего господина. Жульен был слугой, лакеем, он не мыслил себе жизни без того, кто бы являлся его покровителем, он был предан своему хозяину, как хорошая собака, но, оставшись один на один с жизненными обстоятельствами, он потерял и мужество, и уважение к себе, и вообще способность совершать поступки, которые совершать он мог лишь по причине осознания необходимости их для блага своего господина. Гаральд не сомневался, что если он прикажет, то Жульен пойдет и на смерть, но он сомневался, сможет ли тот принять какое-либо решение, оказавшись в ситуации, когда только от него одного будет зависеть жизнь остальных, но рядом не окажется никого, кто бы мог вдохновить его на мужественное и смелое действие. Гаральд понимал, что он, возможно, уже никогда не сможет вернуться в свой замок, и теперь эта пещера, это временный приют надолго останется единственным местом, где он сможет спокойно уснуть, не опасаясь внезапного нападения.

Он потерял всех близких ему людей, но встретил ту, воспоминание о которой перехватывало дыхание, наполняя душу неясной грустью и радостью. И

он с ужасом подумал, что и ей теперь может грозить опасность, тамплиеры, поняв, что он уже никогда не вернется в свой родовой замок, могут ворваться в замок де Ламбера. Но он представить себе не мог и доли той страшной опасности, которой подверглась Розалина после знакомства с ним.

Варавва

Прошло не больше года, как до Александрии дошел слух о кончине царя Ирода, жаждавшего смерти Иисуса, и можно было бы вернуться домой, но в Иудее произошли события, которые надолго отложили возвращение Иосифа с женой и младенцем на родную землю. После смерти Ирода Великого царство его должны были унаследовать сыновья: Архелай, Антипа и Филлип, разделив его, при этом титул царя доставался старшему из них, Архелаю, но перед его поездкой в Рим для утверждения титула наследника римским кесарем, народ Иудеи восстал против династии Иродов. Произошло это в день празднования Пасхи, когда множество народу из разных иудейских земель съехалось в Иерусалим.

Архелай поднял войска для подавления мятежа, три тысячи человек были убиты, многие брошены в тюрьмы, восстание было подавлено с жестокостью, достойной отца Архелая, Ирода Великого.

Римский кесарь Август, опасаясь новых волнений, не утвердил царский титул Архелая, а предоставил ему должности этнарха, правителя народа, отдав под его управление Иудею, Идумею и Самарию, братьям его, Антипе и Филиппу достались титулы тетрархов, Антипе было поручено управлять Галилеей и Переей, а Филиппу досталась Итурея, Батанея и Южная Сирия.

Подчиненные Архелаю провинции стонали от репрессий, людей хватали по любому, самому незначительному, поводу: подозрению, доносу; их увозили, уводили стражники, и больше их никто никогда не видел. Возвращаться в Вифлеем Иосифу с Мириам и младенцем было не просто опасно, а смертельно опасно, и они продолжали жить в Александрии, ожидая, когда, наконец, можно будет вернуться в свой старый, но крепкий дом, дом Давида, в котором витал дух великих царей Израиля.

Но не долго продолжалось правление Архелая, однажды он, вызванный к кесарю в Рим, больше в Иудею не вернулся, его сняли с должности, отправили в ссылку, а имущество все конфисковали. Владения Архелая передали сирийскому легату, управление на месте осуществлял назначаемый римским кесарем прокуратор, и тогда, когда Иисусу Варавве уже исполнилось десять лет, Иосиф с семьей вернулся в свой дом, стоящий на окраине Вифлеема.

Трудный переход, пески Синайской пустыни, холодные ночи и жаркие дни, волнения и тревоги – все это подорвало здоровье Мириам, с трудом добравшись до дома, она слегла, и больше не поднималась. Она таяла, догорала, как свеча, и вскоре покинула этот мир, оставив Иосифа одного с рано повзрослевшим Иисусом Вараввой. Иосиф, похоронив жену, собрал свои пожитки и отправился в Галилею, в небольшое селение Назарет, где проживал его дальний родственник, так же, как и он, носивший имя Иосиф, он тоже происходил из рода Давида, но не от ветви Соломоновой, а ветви, ведущей свое начало от брата Соломона, Нафана.

Там он узнал, что родственник его, плотник Иосиф, будучи уже в весьма преклонных годах, надорвался, поднимая тяжелое бревно, и через две недели помер, оставив вдовою Мириам, родившую ему сына Иисуса в пещере, в Вифлееме, когда он с женою отправился туда для того, чтобы присутствовать на переписи населения, проводимой по указанию императора Августа.

Так Иосиф, отец Вараввы, Мириам, мать Иисуса Назареянина и двое детей, носивших одинаковые имена, Иисус, стали жить одной семьей в небольшом селении Назарет, в Галилее.

Варавва взрослел, он занимался боевыми искусствами, великолепно владел мечом, готовя себя к миссии вождя, который освободит народ Израиля от римского ига. Он читал все, что можно было прочесть о великих битвах, знаменитых полководцах, ему, как наследнику царского трона, были доступны рукописи, что хранились в библиотеке Кесарии[6], основанной его злейшим врагом царем Иродом.

Назареянин же, который был младше своего брата на десять лет, как только научился разбирать письмена на арамейском, греческом и латинском

6 Принято считать, что библиотека Кесарии существовала с 3 по 7 век нашей эры, была основана христианским философом Оригеном и утрачена во времена арабских завоеваний, однако историки предполагают, что, возможно, она начала формироваться еще при Ироде Великом.

языках, увлекся чтением Торы и иных рукописей духовного и исторического характера. Уже в раннем возрасте он имел глубокие суждения о том, о чем иные не имеют никакого понятия и в старости.

Когда Варавва хотел приобщить брата к воинскому искусству, тот ответил:

- К чему мне учиться владеть мечом, когда у меня есть оружие более сильное, чем меч – слово.

- Ты шутишь, брат, – возразил Варавва, – разве слово может остановить меч, занесенный врагом?

- По слову Господа нашего создан мир, слово может предотвратить войны на земле.

- Народ наш пребывает в рабстве у тех, кто завоевал земли эти не словом, а мечом, Ирод, выходец из земли идумейской, привел иноверцев к стенам Иерусалима, и не уйдут римляне с наших земель по слову, только силой можно сокрушить Рим. Сильный побеждает слабого, так устроено среди зверей, так живут и люди.

- Но людям Бог дал разум и волю, – возразил Назареянин, – и негоже людям жить так, как звери, а жить следует, как человекам, без войн и распрей, и только слово и любовь Господня может остановить меч.

Инквизитор

Инквизитор, отец Филат, был молод и, наверное, считался бы красивым мужчиной, если бы не мрачное одеяние, свойственное его суровой должности. Он был высок, строен, имел орлиный профиль и резкие, но не слишком грубые черты лица, придающие ему выражение суровости и беспощадности, подчеркнутое строгостью сутаны. К обязанностям своим он относился с ревностью истинного католика, считающего главным делом своей жизни борьбу за чистоту веры, борьбу бескомпромиссную и жестокую, борьбу против ереси и всего прочего, что может нанести вред власти церкви, власти пастыря над овцами, которые, непременно, разбегутся и погибнут во мраке, если власть эта будет утрачена или ослаблена.

Но душа его, несмотря на внешнюю суровость, тонко чувствовала красоту и гармонию мира, не знающая женской любви и семейной привязанности, находила отраду она в созерцании великолепия цветов. Отец Филат в своем доме устроил великолепный розарий, собирая все известные в Европе сорта этих нежных, завезенных с Востока, цветов. Ухаживал за розами он сам лично, не доверяя это тонкое и деликатное дело садовнику. После общения с еретиками, ведьмами и колдунами, которое было обусловлено его должностью, особенно после присутствия на аутодафе, он уходил в свой розарий и, подолгу созерцая красоту этих великолепных, чистых и величественных созданий Творца, очищал свою душу от тягостного и мучительного состояния, вызванного общением со служителями нечистой силы.

Приор ордена тамплиеров, Гийом, находился, если не под прямым началом отца Филата, то, по крайней мере, под его попечительством. Именно ему инквизитор приказал отыскать и уничтожить рукопись Антония, ближайшего помощника Понтия Пилата, которая, судя по преданиям, дошедшим до нынешних дней, противоречила церковным догматам и несла угрозу власти католической церкви.

Отец Филат поливал кусты роз, когда монах доложил ему, что мессир Гийом желает видеть его по весьма важному делу.

- Проводи его сюда, – ответил инквизитор монаху, решив принять Гийома здесь, в розарии, не отвлекаясь от работы, он был весьма недоволен действиями тамплиеров, до сих пор не сумевших выяснить, что удалось обнаружить некому искателю приключений, по имени Гаральд.

Гийом вошел, поклонившись, и, выдержав некоторую паузу, сказал:

- Ваше преосвященство, трое моих рыцарей встретили Гаральда в долине реки возле замка виконта де Ламбера в компании молодой особы, по-видимому, дочери виконта.

Инквизитор молча продолжал поливать розы, он обошел со всех сторон куст, направляя воду из лейки на корни куста, стараясь, чтобы капли не попали на листья или лепестки, казалось, новость, высказанная рыцарем, не возымела на него никакого действия. Гийом молчал, ожидая ответа отца Филата, а тот закончил поливать куст, поставил на землю лейку, внимательно осмотрел каждый цветок, и только после этого выпрямился, повернувшись к рыцарю, и сказал:

- И ради этой новости Вы решили потревожить меня? Проскакали в ненастную погоду, поздним вечером от своего замка к монастырю? Чем важна эта новость? Что из этого следует?

- Мы устроим засаду в замке виконта, уверен, что Гаральд рано или поздно вернется туда.

- Не стоит так усердствовать, Гийом, – ответил инквизитор. – Вы уже устроили засаду в замке графа де Гира, перебив весь род и всю прислугу, и что? Где результат? Этот юноша оказался хитрее вас, он не поехал в замок, а сперва наведался в деревню. Почему вы думаете, что теперь он сломя голову помчится в замок де Ламбера? Вас никто не уполномочивал истреблять дворян, славных рыцарей и добрых католиков, Вам было поручено только схватить Гаральда, но и этого Вы не сумели.

- Да, мы истребили весь род де Гиров, и теперь только дочь виконта остается единственным близким Гаральду человеком. Он не может не попытаться встретится с ней.

- Так это была дочь виконта или, по-видимому, дочь виконта? – спросил отец Филат.

- Думаю, что это была именно она, Ваше преосвященство. Но это еще не все, – Гийом выдержал паузу, и, уловив на себе пристальный взгляд инквизитора, продолжал: – Она колдунья. Она взглядом заставила лошадь рыцаря отступить и обратиться в бегство.

- А, может, это рыцарь обратился в бегство, смущенный взглядом дамы, или тем, как Гаральд расправился с первым рыцарем?

- У меня нет оснований обвинять в трусости своих рыцарей, Ваше преосвященство. Все было именно так, как я говорю, – ответил Гийом, немало удивленный столь детальной осведомленностью инквизитора о стычке в долине реки.

- Ну что ж, – ответил отец Филат, – если дочь виконта действительно общается с нечистой силой, святая инквизиция поступит с ней должным образом. И, если Вам нечего больше сказать, то я Вас не задерживаю, идите, Гийом, и больше не устраивайте засад с убийством достойнейших дворян. Я запрещаю Вам приближаться к замку виконта, борьба с ересью и колдовством – это моя забота, а не Ваша. Найдите Гаральда, следите за каждым его шагом, но не тро-

гайте его пока, не он нам нужен, а еретическое писание, в поисках которого он преуспел, по-видимому, более Вас.

Произнеся это, инквизитор отвернулся от рыцаря, словно того и не было в розарии, и продолжал заниматься своим любимым делом. Гийом молча поклонился и вышел.

Все, что рассказал инквизитору рыцарь, не было для него новостью, сеть осведомителей была достаточно широка, и рыцарские ордена не стали исключением. Да и то, что дочь виконта может владеть тайнами колдовства, ни сколько не удивило отца Филата. Для него не было секретом, что ее мать, Луара, могла травами и заговорами лечить людей. Его преосвященство, отец Филипп, занимавший должность инквизитора прежде, страдал страшным, неизлечимым недугом, внезапные приступы головных болей, будто сжигали его мозг адским пламенем, ни один лекарь не мог ему помочь, и тогда он обратился к жене виконта де Ламбера, Луаре. О ее способностях он знал от вездесущих осведомителей, знал и то, что дар свой Луара никогда не использовала во вред людям. Естественно, долг его требовал, чтобы ведьма была изобличена и понесла заслуженное наказание, но мудрый служитель церкви думает не только о том, чтобы слепо исполнять свой долг, а и о том, что иногда выгоднее отложить исполнение его до лучших времен. Обратился он к ней под видом малоизвестного, бедного дворянина, зная, что денег за лечение Луара никогда не брала, но его сан не стал секретом для той, которая могла не только видеть недуги, но и читать мысли обратившегося к ней человека.

Луара определила, что недуг инквизитора исходит от того, что одна ведьма, которую он обрек на страшную смерть на костре, прокляла его, и с тех пор приступы головных болей доводили инквизитора до безумия, он готов был не то, чтобы закрыть глаза на ведьму, что живет среди придворных и пользуется дьявольским даром, а и сам продать душу дьяволу, лишь бы избавиться от страшных, невыносимых мук. Луара сумела ему помочь, недуг отступил, но проклятие сожженной ведьмы было столь могуче, что когда очередная ведьма с проклятиями в его адрес отправлялась на костер, недуг возобновлялся. Тогда отец Филипп вновь обращался к Луаре. Он понимал, что постоянные обращений за помощью к ведьме не могут долго оставаться тайной для церкви, и ему следует или отказаться от должности инквизитора, и тогда недуг, излеченный Луарой, перестанет преследовать его, или...

Он выбрал второе, однажды Луара, отправившись в лес собрать целебные травы, была похищена и определена в монастырь святой Корнелии под именем сестры Анны. Регулярные посещения инквизитором женского монастыря не могли вызвать подозрений, и он продолжал лечение своего недуга, возникавшего вновь после того, как пламя костра поглощало тело очередной колдуньи. И лишь настоятельница монастыря, сестра Августа, знала о том, кто скрывается под именем скромной монахини. После того, как отец Филипп по причине преклонного возраста оставил пост инквизитора, и услуги этой скромной монахини более ему не требовались, настоятельница женского монастыря святой Корнелии была удушена неизвестными лицами в своей келье. Сестра Анна попрежнему продолжала жить в монастыре, и лишь отец Филат, приемник отца Филиппа, был посвящен в эту тайну.

Он еще не решил, как поступить с дочерью ведьмы, проживающей в монастыре, о чем, естественно, ни Розалина, ни ее отец и не догадывались. К виконту де Ламберу инквизитор питал чувство уважения и соперничества, он знал о розарии виконта, и соперничество в области разведения роз побуждало его присвоить замок виконта вместе со знаменитым питомником, но уважение к этому знатному дворянину не позволяло ему этого сделать. Колдовские способности Розалины давали инквизитору повод, под видом борьбы с ведьмами, присоединить к монастырским владениям, а значит и к своим, и замок виконта и розарий. Но с принятием решения он не торопился, возможно, ведьма эта может еще пригодиться ему в ином качестве. И он решил посетить замок виконта, посмотреть на розарий, о котором был наслышан, но которого, по понятным причинам, ни разу не имел удовольствия видеть, а заодно и пообщаться с юной ведьмой, и подумать, как можно будет ее использовать в своей игре.

Поиски

Гаральд никак не мог уснуть, он старался не думать, не думать о том, что произошло, забыться, раствориться в тишине ночи. Но где-то над перевалом завывал ветер, где-то в недрах пещеры капала вода, настойчиво, монотонно долбя камни, где-то раздавались шорохи, вызываемые невидимыми обитателями пе-

щеры, то ли ящерицами, снующими меж камней, то ли летучими мышами, отправляющимися на охоту в ночи. Временами Гаральд впадал в полузабытье, но звуки не исчезали, и, казалось, что кто-то тихо шепчется в глубине пещеры, кто-то говорит о нем, о Гаральде, и стоит ему только уснуть, как клинок вонзится в его грудь, он вздрагивал, вслушивался в тишину, но ничего, кроме капель воды, завывания ветра да шороха невидимых обитателей не слышал. Только тихо сопел во сне Жульен, долго еще ворочался и вздыхал Жак, но, наконец, и он уснул, а Гаральд все лежал на спине, на мягких сосновых лапах, вслушиваясь в тишину, вглядываясь во тьму.

Он думал, что, по-видимому, напрасно доверился он странному путнику, встретившемуся ему в горах, совершенно напрасно сломя голову бросился он в это, казавшееся невероятно заманчивым, приключение, не осознавая всей опасности, которой подвергся сам, на которую обрек близких ему и любимых им людей. Он еще никак не мог осмыслить всей трагедии произошедшего, все представлялось ему каким-то нелепым, кошмарным сном, будто случилось это все не с ним, а с кем-то другим, но временами реальность произошедшего острой болью отзывалась в груди, вызывая жгучее желание мести, мести немедленной и страшной, и, казалось, нет в мире таких мук, которых он не пожелал бы своим врагам.

Так прошла ночь, и когда тусклый серый свет обозначился у входа в пещеру, Гаральд поднялся и вышел наружу. Его охватил утренний холод, прогоняя остатки полусна-полубреда. Справа от себя, на скале он увидел старца-отшельника, поднявшего руки к небу в немой молитве. Старец, заметив его, спустился со скалы и подошел, приветствуя Гаральда.

- Ты так рано встаешь, старик? – спросил Гаральд. – Еще и солнце не взошло.

- Я всегда встаю до восхода, чтобы приветствовать солнце, встретить новый день, вознести свои молитвы к Богу, а тебя что подняло так рано?

- Я не сомкнул глаз этой ночью, – тяжело вздохнул Гаральд, – я много думал и решил, пока не отомщу, не смогу жить дальше.

- Я уже говорил тебе вчера, нельзя делать месть целью жизни, ты потратишь все силы на то, чтобы уничтожить своего врага, но когда достигнешь цели, дальнейшая жизнь станет бессмысленной.

- Но я не могу поступить так, как учил Христос, подставить другую щеку, когда тебя ударят по одной, я должен нанести ответный удар! – воскликнул Гаральд.

- Христос не учил подставлять другую щеку под удар, он говорил, обрати вторую щеку ко врагу, покажи, что не боишься его, пусть не покорится душа твоя и не ожесточится. Если встретятся тебе твои враги на пути твоем, не щади их, но не делай месть целью жизни своей, дай возможность Богу наказать того, кто заслужил наказание. Ты, конечно, можешь убить Гийома, но этим только избавишь его от страшной, мучительной смерти.

- Но я ничего не говорил тебе о Гийоме, – насторожился Гаральд, – откуда ты знаешь? Какая смерть суждена ему?

- Откуда знаю? – старик задумчиво посмотрел на небо. – И дела и мысли людей не исчезают бесследно, они навсегда остаются записанными в книге жизни, нужно только научиться ее читать, я ведаю, что было в прошлом и что возможно в будущем. Гийом умрет страшной смертью, его сожгут на костре, если, конечно, ты не убьешь его прежде.

- Не может такого быть! – удивился Гаральд. – ведь Гийом служит самому инквизитору!

- Нет, не инквизитору служит он, а тем, кому служит и инквизитор, тем, кто взял на свои плечи груз управления этим миром, и по их воле орден тамплиеров будет уничтожен, и многие рыцари умрут в страшных муках.

Гаральд слушал старика и не верил его словам, то, что говорил он, казалось Гаральду чем-то совершенно нереальным. Он вопросительно смотрел на старца, ожидая объяснения. И старец продолжал:

- Помнишь, что записано в Ветхом Завете, во Второзаконии? ***«Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что возможно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею».*** Тамплиеры исполняют эту заповедь, они обладают богатством и властью, большею, нежели власть королей. Придет время, и власть их станет сильнее власти Ватикана, но не это приведет их к гибели. Они лишь инструмент в руках тех, кто управляет миром, а инструмент хорош лишь тогда, когда он послушен руке мастера, но если инструмент решит, что сможет обходиться и без мастера, то его сломают и заменят другим.

Гаральд знал о том, что тамплиеры дают деньги взаймы под проценты, его отец не раз брал ссуду у Гийома, он как-то сказал, что если не удастся выплатить проценты по долгам, то скоро и замок и деревня перейдут в собственность тамплиеров, а мы либо станем их рабами, либо пойдем по миру. Но тогда Гаральд не придал всей серьезности этой, брошенной невзначай, фразе отца, он не мог допустить мысли, что их замку, их родовому гнезду, может угрожать какая-либо опасность, опасность, с которой не смог бы справиться отважный рыцарь де Гир.

- Тамплиеры обладают властью большей, чем сам король? – спросил Гаральд старика.

- Власть и могущество определяет не титул, а деньги, – ответил старик, – король тоже брал ссуду у тамплиеров, и, несмотря на то, что формально Гийом – вассал короля, фактически король стал его вассалом, поскольку и он сам, и его наследники будут выплачивать проценты по долгам ордену тамплиеров.

- Так что же мне делать? – в отчаянии воскликнул Гаральд.

- Прежде всего, ты должен завершить то, что начал, невозможно сокрушить власть денег силою меча, финансовые силы выше силы оружия, но есть сила, которая превосходит и оружие и деньги – это истина. Христос нес эту истину людям, но те, кто сегодня правит миром, извратили слова Иисуса, а истинное слово его схоронили в тайне. Ты должен найти манускрипт и донести истину до людей. Отыщи место, где спрятан он, разложи свои картины и работай, ищи.

- Но я не могу, не могу! – Гаральд в отчаянии сжал кулаки.

- Тогда молись, проси у Бога дать тебе спокойствие и рассудительность, проси его благословить тебя.

Гаральд молился весь день, он даже отказался от еды, чем очень опечалил Жульена, чьи кулинарные старания пропали даром, а ночью ему приснился странный сон. Снился ему странник, встретившийся в горной долине, он смотрел на Гаральда долгим пронзительным взглядом, смотрел и молчал, а после сказал:

- Святой Лука укажет тебе путь, ты рисовал свои эскизы в разных местах пребывания Иисуса Христа, разложи их в том порядке, в котором упоминаются эти места в Евангелии от Луки, и прочти надпись, которую увидишь.

Проснувшись, Гаральд долго еще находился под впечатлением сна, бывает, что увидев необычные картины и события во сне, мы никак не можем отличить их от реальности, кажется, то, что пригрезилось нам, имело место в действительности, возможно, не сейчас, а некогда раннее, хотя и понимаем умом, что это всего лишь сон, впечатление того, что где-то, когда-то с нами это уже происходило, не покидает нас и по прошествии времени. Гаральд поверил своему сну, он ничуть не сомневался, что именно в этом расположении рисунков и следует искать разгадку. Отмахнувшись от завтрака, так настойчиво предлагаемого Жульеном, он разложил свои рисунки на полу пещеры и долго всматривался в них, пытаясь увидеть некий знак в мозаике рисунков. Но ничего осмысленного увидеть не смог. Дело в том, что в одном месте было сделано множество эскизов, а в какой последовательности расположить их – неясно. Он разложил по вертикали рисунки, сделанные в одном месте, а по горизонтали последовательно, в порядке упоминания мест пребывания Иисуса в Евангелии от Луки: Назарет, Вифлеем, Иерусалим, Иордан, Капернаум. Он менял порядок рисунков по вертикали, но ничего увидеть так и не смог.

Так прошел день, Жульен был в отчаянии, Гаральд отверг все попытки его накормить, работа так увлекла его, что он напрочь позабыл и о еде и об отдыхе, и лишь когда в пещере наступили сумерки, и уже невозможно было продолжать работу, он, изможденный, повалился на постель из сосновых лап и, проворчав нечто невразумительное в ответ на предложение Жульена отведать отменное рагу из грибов, уснул тревожным сном. Он старался вызвать вновь видение, посетившее его прошлой ночью, чтобы задать вопрос, но как ни старался он держать перед глазами образ странника, образ этот расплылся, сменившись какими-то картинами из далекого детства, и вскоре он уснул, провалившись в теплую, однообразную мглу.

Проснулся он бодрым и отдохнувшим, но не видевшим во сне ничего, что бы хоть как-то приблизило его к разгадке. Он, наконец, отозвался на предложение Жульена позавтракать, но не высказал ничего по поводу предложенной еды, чем опечалил повара, старавшегося доставить удовольствие хозяину своим кулинарным искусством. Окончив трапезу, он встал, поблагодарив Жульена, и вновь вернулся к своим рисункам. Он долго смотрел на них, затем все смешал, и стал раскладывать в новом порядке: по вертикали соответственно с упоминанием святых мест у Луки, а по горизонтали – в порядке, подсказанном какой-то

неясной интуицией, иногда он задумывался, менял рисунки местами, затем снова продолжал их раскладывать и, когда работа была завершена, отошел на некоторое расстояние, позволяющее охватить разложенные рисунки одним взглядом. Он даже вскрикнул от удивления, прочитав в сплетении линий четко определившееся слово: КЕСАРИЯ.

Он уже не сомневался, что искать рукопись следует в Кесарии, где находилась резиденция Понтия Пилата, прокуратора Иудеи, но где именно может находиться она, Гаральд не имел ни малейшего понятия. Он рассказал старику-отшельнику о результатах своих исследований и получил ответ:

- Была в Кесарии библиотека, в ней хранилось много документов, отражающих события тех времен, когда первые христиане несли по Земле учение Иисуса, но много лет назад библиотека эта сгорела. Однако, я думаю, что некоторые документы находились в подземных хранилищах, и не были уничтожены пожаром, то, что ты ищешь, нужно искать там.

- Благодарю тебя, старик, – ответил Гаральд, – сейчас же отправляюсь в дорогу!

- Не торопись, – ответил старик, – к путешествию нужно как следует подготовиться, все продумать, а пока отдохни.

- Да, ты прав, но сначала мне нужно навестить виконта де Ламбера, – сказал Гаральд, вспомнив о Розалине, прекрасной девушке, названной именем дивного цветка Востока.

Помолвка

Гаральд ехал в замок виконта той же дорогой, на которой он встретил Розалину, но на этот раз ехал он не один, Жак и Жульен сопровождали его. Когда они достигли поляны, где странствующий художник встретил испуганную девушку, Гаральд отправил Жака вперед, выяснить обстановку в окрестностях замка. Жак ушел пешком и без оружия, под видом крестьянина, собирающегося выменять что-либо у местных жителей. Еще солнце, запутавшееся в кроне дерева, не успело выбраться из ветвей, а Гаральду казалось, что прошло ужасно много времени с тех пор, как Жак скрылся в чаще леса. Жульен предлагал ско-

ротать время обедом, достав из мешка, аппетитно пахнущую, жареную куропатку, но Гаральд отказался от еды, он уселся на камень, грызя стебелек травы и неотрывно вглядываясь туда, куда ушел Жак.

А Жак, между тем, добравшись до места назначения, ничего тревожного не заметил, крестьяне работали на поле, а из ворот замка выехала телега с бочкой. Возница, крепкий мужик с черной короткой бородой, выгрузив бочку около работающих крестьян, вернулся обратно в замок. У самых ворот Жак перехватил его:

- Послушай, любезнейший, – обратился он к мужику, – а не знаешь ли ты, у кого можно обменять пару безделушек на еду?

- Что можешь предложить? – спросил он, натягивая поводья, останавливая лошадь.

- Да вот, – Жак протянул мужику кольцо с зеленым камнем, которое ему дал Гаральд, – может, господа дадут что за это колечко?

Мужик взял кольцо, покрутил, внимательно осмотрел со всех сторон, и сказал:

- Покажу молодой госпоже, возможно, ей и понравится, – он спрятал кольцо в карман и тронул лошадь.

- Эй-эй! Так не пойдет! – возмутился Жак. – Верни кольцо! А вдруг обманешь? Или верни кольцо или меня бери с собой!

- Ладно, садись на телегу, – ответил мужик.

Они въехали в ворота, и мужик сказал:

- Ну, ты здесь подожди, а я пойду, госпоже колечко твое покажу.

Когда мужик показал Розалине кольцо, та вскрикнула и побледнела, узнав кольцо Гаральда. Она схватила кинжал и кинулась к Жаку, спокойно сидящему на телеге:

- Говори, подлец, откуда у тебя это кольцо?! Где взял? Что ты сделал с его хозяином? Говори, а то проткну тебя этим кинжалом!

- Успокойтесь, госпожа, – произнес Жак, никак не ожидавший такого напора, – хозяин этого кольца жив и здоров, это он послал меня передать его Вам, засвидетельствовать свое почтение и узнать, может ли он явиться к Вам, госпожа.

- Может ли он явиться ко мне? И ты еще спрашиваешь?

- Мессир просил разузнать, – Жак понизил голос до шепота, – нет ли чужих людей в замке? Не приходил ли кто, не спрашивал ли о нем?

- Нет, никто не приходил, – ответила Розалина, успокоившись, – передай, что он может смело ехать сюда, чужих людей не было.

Когда Жак вернулся на поляну, Гаральд бросился к нему, но не решался задать вопрос, ожидая самого худшего, но хотя по тому, как спокойно и уверенно шел Жак навстречу своему господину, было ясно, что ничего страшного не произошло.

- Все в порядке, мессир! – бодрым голосом поспешил доложить Жак, видя беспокойство Гаральда. – Мы можем спокойно ехать в замок, она ждет Вас.

- Ты видел ее? – тревожно спросил Гаральд, он все еще не мог успокоиться и ждал подробного рассказа Жака.

- Больше, чем видел! – воскликнул Жак. – Она едва не проткнула меня кинжалом, когда увидела Ваше кольцо, подумала, что я ограбил Вас и, упаси Боже, сделал с Вами что-то недоброе.

Когда Жак подробно рассказал обо всем, окончательно успокоив Гаральда, постоянно перебивающего рассказ вопросами, все трое двинулись в путь. Добравшись до замка, они увидели, что виконт, Розалина и трое слуг уже встречают их у ворот. Виконт распорядился накрыть стол в честь дорогого гостя, и Жульен вызвался помогать на кухне. Стараясь угодить своему господину, он постоянно вмешивался в процесс приготовления пищи, давая указания повару виконта, Жерару, который только из уважения к гостю не посмел выгнать вон с кухни его назойливого слугу. Взяв кастрюлю с соусом, понюхав его, попробовав, Жульен закатил глаза и воскликнул:

- Да разве это соус бешамель? Здесь не хватает … Да здесь всего не хватает! Ну, кто так готовит соус бешамель?! Возьмите, вылейте это в помойное ведро! Я покажу вам, как готовится соус бешамель!

С этими словами он вылил содержимое кастрюли в помойное ведро. Жерар вскрикнул, и сжав кулаки, проревел:

- Да это вовсе был не соус бешамель! Это был мой фирменный, бреанский соус! Что ты наделал, мерзавец!

- Бреанский соус? Вы утверждаете, что это был бреанский соус? И этому человеку доверяют готовить пищу моему господину! Да это месиво так же по-

хоже на бреанский соус, как коза на кобылу! Смотрите! Смотрите и учитесь, я покажу Вам, как готовить бреанский соус!

Когда, наконец, несмотря на активность Жульена, все было готово, виконт пригласил гостя за стол. Во главе стола восседал виконт, по правую руку его сидел Гаральд, а по левую – Розалина.

После тоста, произнесенного виконтом в честь гостя, Гаральд, преодолевая волнение, сказал:

- Достопочтеннейший виконт, я прибыл к Вам, чтобы просить руки Вашей прелестной дочери, если, конечно, она не возражает.

Розалина при этих словах покраснела, опустив глаза, она теребила скатерть левой рукой, правой, нервными движениями поправляла прическу.

- Что же ты молчишь, дочь моя? – спросил виконт. – Что ответить мне графу? Да или нет?

- Да, да, тысячу раз да! – ответила Розалина, подняв глаза на Гаральда.

- Тогда и я не против, – сказал виконт, – почту за честь породниться со славным родом де Гиров, передайте графу и графине приглашение посетить мой замок.

- Увы, – с грустью ответил Гаральд, – ни отца моего, ни матери нет в живых, отряд тамплиеров, возглавляемый Гийомом, перебил весь род де Гиров, не пощадил и слуг, только Жульену чудом удалось спастись.

- Как? – удивился виконт. – Гийом посмел напасть на замок Вашего отца? Никогда бы не мог и подумать ни о чем подобном!

- Нет, он не нападал, он был принят как гость, но во время обеда рыцари обнажили мечи и перебили всех в замке.

- Неслыханное вероломство! – возмутился виконт. – Как мог себе позволить такое рыцарь, дворянин?

- Им нужен был я, – ответил Гаральд, – они устроили засаду в нашем замке, и чтобы никто не смог предупредить меня, убили всех. И если бы Жульену не удалось спастись, то меня бы уже схватили. Потому я и опасался за вас, тамплиеры видели меня, когда мы с Розалиной прогуливались у реки.

- Розалина рассказала мне о Вашей миссии, теперь я вижу, то, что Вы делаете, действительно очень опасно, но, не смотря ни на что, я согласен на Вашу помолвку, и мы сыграем свадьбу до Вашего отъезда.

- О, нет, виконт, – возразил Гаральд, – я прошу отложить свадьбу до моего возвращения, ведь я хочу, чтобы Розалина стала моей женой, а не вдовой.

Через несколько дней после помолвки небольшой отряд Гаральда отправился в путешествие, чтобы на корабле пересечь Средиземное море и высадиться в Кесарии, где, согласно его эскизам, и нужно искать следы рукописи Антония, ближайшего помощника Понтия Пилата.

Долг и страсть

Вскоре после отъезда Гаральда, в замок к виконту де Ламберу явился монах и сообщил, что инквизитор намеревается посетить его, имея целью ознакомление с прекрасным розарием. Весть эта виконта не удивила, он был одним из немногих, кто знал о том, что инквизитор увлекается выращиванием роз, и желание ознакомиться с одним из великолепнейших розариев Европы казалось естественным для него, но что-то насторожило де Ламбера. Какое-то неясное, тревожное волнение возникло в его душе, предчувствие беды ощущалось так остро, как запах воздуха перед грозой. Однако изменить что-либо он не мог, что-то подсказывало ему, нужно сделать так, чтобы Розалина не попадалась на глаза его преосвященству.

День визита инквизитора выдался мрачным и хмурым, низкие черные тучи ползли над долиной, цепляясь за вершины гор. Внутри туч блистали молнии, все клубилось и клокотало, но ни одной капли дождя не пролилось на высушенную вчерашним солнцем землю, надежды виконта, что погода помешает его преосвященству осуществить свои намерения, не сбылись. Ровно в полдень карета инквизитора, сопровождаемая четырьмя всадниками, въехала в ворота замка.

Виконт, встретив его преосвященство со всеми полагающимися почестями, предложил отобедать, столы уже были накрыты, но инквизитор ответил:

- Нет, нет, виконт, прежде я хотел бы осмотреть то, ради чего так стремился сюда, Ваш великолепный розарий.

Знакомство с розарием происходило в полном молчании, когда виконт захотел что-то объяснить, рассказать об особенности того или иного сорта цве-

тов, инквизитор поднял руку, жестом заставив его молчать. По выражению лица его преосвященства невозможно было определить, доволен ли он тем, что увидел, лицо его оставалось спокойно и недвижимо, как маска, он внимательно рассматривал каждый куст роз, но иногда он поднимал глаза, обводя взглядом все пространство розария, будто искал что-то, что очень надеялся увидеть, но не видел.

Окончив осмотр, он сказал виконту:

- Великолепно. Немало слышал о Вашей коллекции роз, но такого великолепия увидеть не ожидал.

Затем, помолчав немного, сказал:

- У Вас нет «Звезды востока». Слышали что-либо об этом цветке?

- Да, Ваше преосвященство, слышал, – ответил виконт, – но видеть его ни разу не приходилось.

- Я так и думал. Теперь можно и отобедать, надеюсь, за обедом Вы представите меня своей дочери? Отчего я не видел ее в саду?

- Она, вероятно, занята своими делами, и я подумал, что ее присутствие среди таких высоких гостей было бы не уместно, – смутившись, ответил виконт.

- Уместно. Отсутствие ее можно расценить как неуважение к моей персоне, – ответил инквизитор, и по лицу его нельзя было определить, шутит он или говорит серьезно.

Лицо виконта окаменело, самые худшие его опасения оправдались, с раннего детства заменивший Розалине мать, отец интуитивным чутьем, свойственным обыкновенно только женщинам, ощущал опасность для своей дочери, и самое страшное было в том, что он никак не мог эту опасность предотвратить. Он поднялся в комнату Розалины и сказал:

- Оденься поскромнее и спускайся в зал к столу.

- Но ты же просил не показываться на глаза его преосвященству? – удивленно спросила она.

- Да, просил, но инквизитор считает необходимым твое присутствие на обеде.

Когда отец ушел, Розалина открыла шкаф: «Какое же платье выбрать по сему торжественному случаю? Отец просил одеться скромнее, а что если..?» В

глазах ее мелькнули лукавые бесики, взгляд упал на роскошное красное платье, в котором она присутствовала на обеде, данном в честь Гаральда.

Представляя Розалину инквизитору, виконт с ужасом думал: «Что делает она? С кем шутит? Что это, вызов? Неужели не понимает она, какой страшной властью обладает этот человек?» А когда его преосвященство покинул замок, он подошел к дочери и сказал:

- Это было излишне. Это платье. Я просил.

Розалина пыталась что-то возразить отцу, но тот не стал слушать, молча повернулся и ушел. Ему не в чем было упрекнуть свою дочь, вела она себя тихо и скромно: ни одного дерзкого взгляда, ни одной улыбки, ни одного слова не произнесла она во время обеда, но ее яркий наряд был как вызов, брошенный гостям в черных монашеских одеяниях.

Когда инквизитор увидел Розалину в роскошном красном платье с цветком розы, приколотым на груди, странное, доселе неведомое чувство проснулось в нем, он, презиравший женщин, считавший их сатанинским отродьем, вдруг ощутил страстное влечение, которое окрыляло и в то же время ужасало его. Ничем не выдав своего состояния, по окончании обеда он поспешил покинуть замок виконта.

Вернувшись в свой дом, построенный на территории монастыря, он направился в розарий, но чувство, возникшее за обедом у виконта, не покидало его. Он покинул розарий, вошел в комнату, взял библию, открыл книгу Иова и стал читать, но сквозь страдания праведника, сквозь муки его, неизменно проступал образ Розалины в красном платье с розой, приколотой на груди.

Отложив библию, он стал молиться, он просил Господа избавить его от этой невыносимой страсти, но облегчения не наступало, и образ девушки в красном платье с приколотой на груди розой вновь возник на фоне распятия. Тогда инквизитор взревел, как дикий зверь, разрывая на себе сутану, схватил кнут и стал истязать свое тело, надеясь, что боль вернет ему прежнее состояние, пока в изнеможении не опустился на пол.

Просидев некоторое время неподвижно на полу, он встал, привел себя в порядок, переоделся и кликнул монаха, который исполнял при нем роль слуги:

- Позови палача, ту ведьму, что вчера бросили в темницу, – в камеру пыток, я хочу сам допросить ее.

- Но ее допрос назначен на завтра, – посмел робко возразить монах.

- Я сказал – сегодня! Сейчас!

Бедная женщина, которую арестовали по обвинению в колдовстве, проживала на самом краю деревни, она, по причине своего слабоумия, ни с кем не общалась, вела уединенный образ жизни, и местные жители побаивались ее, а когда в деревне из-за неизвестной болезни начался падеж скота, то по округе поползли слухи, что именно она навела порчу на животных. Несчастную схватили и бросили в подземелье монастыря, следствие по делу ведьмы было назначено на завтра, но инквизитор решил сегодня же подвергнуть ее пыткам, надеясь, что вид мучений женщины вернет ему былую уверенность и заглушит страсть.

Ее привели в комнату пыток и приковали цепями к стене, палач готовил орудия.

- Отвечай, каким образом навела ты порчу на скот? – строго спросил инквизитор.

- Видит Бог, – взмолилась бедная женщина, – я не делала ничего дурного, прошу Вас, не мучьте меня, я ничего не знаю.

- Отчего же тогда умирают коровы и козы в вашей деревне?

- Отпустите меня, Ваше преосвященство, я не знаю, я не сделала ничего!

- Начинай, – скомандовал палачу инквизитор.

Палач выполнял свою работу спокойно, размеренно, применяя самые изощренные пытки, женщина кричала и билась в цепях. Инквизитор смотрел на нее, смотрел, надеясь, что мучения жертвы выжгут из души его страсть к женщине, погасят жгучее желание, но образ Розалины неизменно возникал в душе его сквозь крики, мольбы и слезы несчастной. Наконец, она затихла, безжизненно повиснув на цепях.

- Все, – сказал палач, – она не вынесла пыток.

- Жаль, – ответил инквизитор, – жаль, что душу ее не сможет очистить пламя святого костра, она достанется дьяволу.

Он повернулся и вышел. Вернувшись в дом, он бросился на кровать, и лежал, неподвижно глядя в потолок. Вид страданий несчастной женщины утомил его, утомил до изнеможения, но не излечил от страсти. «Что, что происходит?» – думал он. Он всегда считал, что главное в его жизни выполнять безупречно свой долг, очищая святую веру от ведьм, колунов и еретиков, долг был для него превыше всего, и вот.., что-то, он сам еще не понял что, вошло в его

жизнь, что-то стало для него важнее долга, важнее всего на свете. Как он, одержимый дьяволом, может теперь судить и отправлять на аутодафе других, когда ему самому место на костре?

За всю ночь инквизитор не сомкнул глаз, а наутро пошел в женский монастырь, где под именем сестры Анны томилась в заточении мать Розалины Луара и попросил настоятельницу монастыря проводить его в келью монахини и оставить одних. Он рассказал о том, что произошло, не упоминая подробностей, а именно, ни обстоятельств знакомства с некой молодой особой, ни имени ее. Сестра Анна, выслушав его рассказ, ответила:

- Вы должны быть счастливы, ваше преосвященство, ведь Вас посетила любовь.

- Любовь к Господу сильнее земной любви, почему же земная любовь приносит мне столько страданий? Можешь ли ты избавить меня от них?

- Любовь к Господу не может стать помехой любви земной, избавить от любви я не могу, да и к чему избавляться от благодати Божьей? Бог – есть любовь, так говорил Иисус, – ответила сестра Анна.

- Но жизнь моя посвящена Господу, и в сердце моем не может быть места для земной любви, она терзает меня и не дает исполнять свой долг.

- Любовь превыше долга, она превыше всего, можно оставить службу и вернуться в мир, следуя за своей любовью. Но можно и сохранить любовь в своем сердце, продолжая выполнять долг, если воспринимать ее не как страдание, а как благодать Божью.

- И ты ничем не можешь мне помочь?! – гневно сверкнул глазами инквизитор.

- Не могу, – тихо сказала монахиня, опустив глаза.

- Но ведь помогала же ты отцу Филиппу! – воскликнул он.

- Я избавляла его от проклятия, но от любви избавить я не могу, над любовью никто не властен, кроме Господа.

- Как знаешь, – с угрозой в голосе произнес инквизитор и вышел из кельи.

Когда дверь за инквизитором закрылась, бедная Луара в изнеможении опустилась на пол, чувство тревоги заполнило ее душу, не хватало воздуха, тесное пространство кельи давило, чувство опасности пронизывало, не знала она, не могла знать, что предмет любви этого страшного человека – ее дочь, но

те невидимые нити, которые связывают близких людей, поведали ей о беде, страшной, неминуемой.

Признание

Когда замок виконта вновь посетил инквизитор, приехав один, верхом, в обычном наряде дворянина, Рене де Ламбер был изумлен и растерян, он не знал, как себя вести, что означает этот неожиданный визит и столь необычное одеяние для священника? Но принял его достойно, как требует того этикет. Маска непроницаемости, казалось, была снята с лица его преосвященства вместе с мрачной сутаной, виконт был, пожалуй, одним из немногих, а возможно, и единственным, увидевшим улыбку на лице человека, одно имя которого приводило в священный трепет любого, даже самого истинного католика.

Он непринужденно говорил с виконтом о политике, об искусстве, о различных сортах роз и тонкостям ухода за ними, ни разу не коснувшись вопросов религии и церкви.

- Я привез Вам «Звезду востока», – сообщил он виконту, – думаю, она займет достойное место в Вашем розарии.

- Я благодарен Вам, ваше преосвященство, – ответил виконт, склонив голову.

- Можно без титулов, – сказал инквизитор, слегка улыбнувшись, – я ведь приехал к Вам как частное лицо.

После обеда он попросил Розалину показать ему сад, а когда виконт собрался было сопровождать их, ему:

- А Вы тем временем подыщите в розарии место для «Звезды востока», я хотел бы увидеть, как впишется она в общую картину.

Таким образом, ему удалось остаться с Розалиной наедине, найдя причину, казавшуюся вполне естественной, виконт же, заподозрив недоброе, не посмел возразить гостю, уступив его просьбе, которая была равносильна приказу.

Когда Розалина с инквизитором шли по аллее сада, меж ними возникло напряженное молчание, Розалина не знала о чем говорить с высоким гостем, опасаясь затронуть тему нежелательную, инквизитор же, утомленный своим

поведением, ему не свойственным, не имея опыта общения с представительницами противоположного пола, кроме допросов ведьм, также шел молча.

Не зная, как объясниться, он высказал свои чувства с привычным ему осознанием собственного превосходства:

- Я явился сюда, чтобы предложить Вам, как говорят рыцари, свою руку и сердце, думаю, у Вас нет причин отказать мне.

Розалина остановилась, пораженная его внезапным признанием, она молча глядела на инквизитора взглядом полным недоумения и страха.

- Что же Вы молчите? Вам нечего мне ответить? – спросил он.

- Что же я могу Вам ответить? – со слезами на глазах сказала она. – Ведь Ваш сан...

- Мой сан? – перебил ее инквизитор. – Я могу оставить должность и жить как обычный дворянин.

- Вы... пойдете на это ради меня, ваше преосвященство? – произнесла она тихо, прижав руку к груди.

- Да, ради Вас, – инквизитор сам не верил в то, что он говорил, как может он ради женщины, пусть даже внешне приятной наружности, оставить должность, которая не только приближает его к Богу, но и дает неограниченную власть над людьми? Он не представлял, что предпримет в следующую минуту, если Розалина вдруг согласится с его предложением и, получив отказ, испытал облегчение. Он знал, что теперь употребит всю свою власть на то, чтобы овладеть этой гордой девушкой.

- Чем же Вы мотивируете свой отказ? – спросил он тоном, от которого у Розалины похолодело все внутри.

- Я помолвлена, когда мой суженый вернется из дальнего путешествия, мы повенчаемся, – ответила она.

- Ваша помолвка освящена в церкви?

- Нет, ваше преосвященство, но он подарил мне кольцо, отец мой благословил нас.

- Значит помолвка не действительна. Куда уехал Ваш суженый? На долго? Он рыцарь? – спросил он тоном, каким задавал вопросы на суде.

- Нет, он не рыцарь, он художник, уехал писать картины тех мест, где когда-то произошли значительные события, вернется он через год, а может и дольше продлится его путешествие, большего я сказать не могу.

- Даже имя его Вы мне не скажете?

- Нет, ваше преосвященство, – тихо, но твердо ответила Розалина.

- Впрочем, это и не важно, – ответил инквизитор. – А если он не вернется, если погибнет в дальних краях? Что тогда?

Розалина не ответила, она молча стояла, глядя мимо его преосвященства.

- Мы одни, – продолжал он, – надеюсь, у Вас хватит ума сообразить, что об этом разговоре никто не должен узнать.

С этими словами он повернулся и ушел, потребовал у слуги свою лошадь, и уехал, не попрощавшись с виконтом.

Когда Розалина, несмотря на предупреждение инквизитора, рассказала отцу об их разговоре, виконт понял, какая страшная беда нависла над их семьей.

- Тебе нужно уехать отсюда, – сказал он дочери, – инквизитор не оставит тебя в покое, но во всей Фландрии, Франции, да и во всей Европе не найдется места, где бы он не смог отыскать тебя. У меня есть кузен, он живет на Руси, я отправлю тебя к нему, я напишу ему, а пока придет ответ, поживешь в деревне.

- А если он вернется и спросит обо мне? Что ты ему скажешь?

- Скажу, что ты уехала к Гаральду.

- Ты назовешь инквизитору его имя? – спросила она.

- Он знает, с кем ты помолвлена, знает он и куда уехал твой суженый, и не ты им нужна, им нужен он.

Понтий Пилат

Понтий Пилат, пятый прокуратор Иудеи, не спеша шел по аллее своего дворца, некогда бывшего владения царя Ирода Великого, дойдя до колонны, он вернулся обратно, он ждал Антония, единственного из своего окружения, кому он доверял. Антоний был сыном его погибшего друга, он был не только воином, но и получил высшую степень образования, окончил риторскую школу, и являлся советником прокуратора.

Понтий Пилат получил письмо от кесаря Тиберия, который был обеспокоен тем, что здесь, в Иудее, зреет восстание против Рима. Некто, по имени Иисус, происходящий из рода царя Давида, воспринятый народом в качестве

мессии, призванного освободить Иудею от римского владычества, проповедует, собирая толпы народа, и призывает к вооруженному восстанию и гражданской войне.

«Не мир пришел я принести, а меч!», «Тот, кто не с нами – тот против нас!», «Я пришел, разделить сына с отцом, свекровь с невесткой!», «Кто не имеет денег, продай одежду, но купи меч!» – звучали в голове Пилата фразы из письма кесаря, – призывы проповедника по имени Иисус. Кто донес Тиберию об угрозе восстания в обход его, прокуратора Иудеи? Впрочем, своих информаторов кесарь не выдавал, а их хватало, и не только среди римлян, а и среди тех, варваров, иудеев.

Мысли прокуратора были мрачны, пока он с войсками находился в Кесарии, там, в Иерусалиме, зрел заговор против Рима, и об этом заговоре узнает он не от своих людей, а из письма Кесаря. Он уже пытался перенести свою резиденцию в Иерусалим, но этот грязный, варварский город не имел нормального водоснабжения, водопровод, построенный еще при персах, пришел в полную негодность. Когда же он велел своим воинам внести хоругви с изображением кесаря в Иерусалим, местное население возмутилось, эти дикари считали, что изображение лика человеческого оскорбляет их веру, их святые места. Хотя, что святого может быть у этих варваров?

Прокуратор не применил силу. Чтобы оставить хоругви в Иерусалиме, нужно было бы перебить все население этого проклятого города.

Антоний явился поздно, уже солнце клонилось к закату, тревожным багровым цветом налились на западе облака. Понтий Пилат взглянул на своего помощника и произнес вместо приветствия:

- Я слишком долго ждал тебя.

- Путь не близкий от Иерусалима до Кесарии, я торопился. Что потребовало такой спешки? Чем растревожен ты?

- Вот, прочти, – Понтий Пилат протянул Антонию письмо кесаря и, после того, как тот прочел, спросил: – Что можешь сообщить об этом Иисусе?

- О котором из них? – спросил Антоний.

- Как? Разве он не один? – удивился прокуратор.

- Их двое, один – Иисус Бер Авва, или Варавва, иудеи называют его сыном Божьим, второй Иисус Назареянин, его называют Христом, спасителем. И тот и другой проповедуют среди народа, но первый действует тайно, призывая

к войне, второй проповедует открыто, он учит людей миру и любви.

Понтий Пилат был удивлен тем, что услышал он от Антония, он знал только об одном проповеднике по имени Иисус, а оказалось, что их двое. Кесарю Тиберию доложили об Иисусе Назареянине, называемом Христом, приписав ему слова, сказанные другим Иисусом, Вараввой.

- Я отправляюсь с войсками в Иерусалим, – сказал Понтий Пилат Антонию, – ты же поедешь завтра, возьмешь одну центурию, думаю, сотни солдат тебе хватит, чтобы схватить того, кто призывает к восстанию против Рима.

- Схватить Варавву не так просто, народ укрывает его, в присутствии римлян он никогда не появится, он неплохо осведомлен обо всех перемещениях наших войск, – ответил Антоний.

- Кто он, этот Иисус Варавва?

- Говорят, он происходит из рода царя Давида, иудеи считают его мессией, чей приход предсказан пророками, принадлежит он движению зелотов, ярых врагов Рима, и возглавляет отряды сикариев, профессиональных убийц, они убивают не только римлян, но и тех иудеев, кто поддерживает нас.

- Как бы там ни было, и кем бы ни был он, – ответил Пилат, – хоть самим богом иудейским, он должен быть пойман и предан смерти. Желательно сделать это на Пасху, пусть это будет нашим поздравлением с праздником для этих варваров.

- Не только на Пасху, а и в преддверии ее по законам иудейским запрещается казнить кого-либо, – возразил Антоний.

- А мне наплевать на законы этих дикарей! – воскликнул прокуратор. – Нужно показать им, что мы здесь власть и сила, и только наши законы действуют в этой проклятой стране!

- Я сделаю все, как говоришь ты, – ответил Антоний, – но что делать с тем, вторым?

- Ходи за ним, записывай все, что он говорит, мне нужно написать подробный отчет кесарю. А теперь иди, тебе нужно отдохнуть, завтра возьмешь центурию Ксаверия и поведешь ее в Иерусалим. Делай, что хочешь, но к моему приезду Варавва должен быть в цепях.

Антоний поклонился и ушел, Понтий Пилат знал, он все сделает, как надо. Прокуратор поднялся на террасу, откуда открывался вид на море, диск солнца уже коснулся воды, красная дорога по зыбким волнам протянулась от

горизонта до самой террасы, она падала под ноги прокуратору, и он подумал, что тяжелый, кровавый путь предстоит ему по этой варварской, дикой иудейской земле.

Дух восстания уже витает в воздухе, там, в Иерусалиме звучат призывы к нему, а войска находятся в Кесарии. Нужно срочно перевести их в Иерусалим, но все равно, у прокуратора в распоряжении лишь вспомогательные войска, основные легионы находились в Сирии, у легата Вителлия.

Понтий Пилат знал, что среди иудеев нет единства, зелоты, евсеи, назореи, фарисеи, саддукеи – их разделяли взгляды не только религиозные, но и политические, в том числе и отношение к римлянам. Если возникнет восстание, то, играя на этих политических разногласиях можно втянуть их в гражданскую войну, и пусть тогда иудеи убивают иудеев, пока легионы Вителлия не придут из Сирии и не уничтожат их всех.

«Я пришел разделить отца с сыном, брата с братом, свекровь с невесткой ее, ибо, кто не с нами – тот против нас» – так, кажется, говорил этот проповедник, Иисус Варавва, – подумал прокуратор. – А тот, второй? Если он призывает к смирению, как утверждает Антоний, его нужно использовать в разжигании вражды между иудеями, вот и пусть воюют отец с сыном и брат с братом.

Любовь инквизитора

Старый слуга виконта, бывший его оруженосец, Готфруа отвез Розалину в деревню, где она поселилась у старухи Греты, под видом ее племянницы Абелии, всем же домашним было объявлено, что Розалина, по прихоти своей, поехала за суженым, но куда именно она уехала, не уточнялось. Жизнь ее в деревне протекала спокойно и размеренно, в скромной деревенской одежде трудно было узнать девушку, блиставшую своей красотой в замке отца.

Однажды, когда Розалина пасла коз на окраине деревни, к ней подошла хромая убогая женщина, половина лица которой была покрыта коростой. Она остановилась возле девушки и тихо сказала:

- Не пожалей, дитя, немного козьего молока для бедной больной старухи.

- Да-да, конечно, – ответила Розалина, – вот, возьмите, бабушка, попейте тут есть немного молока.

Она протянула несчастной кувшин с молоком, та взяла ее трясущимися руками, выпила все до дна и, бросив кувшин на землю, разбила его.

- Это для того, чтобы хворь моя не передалась никому, – пояснила она свой поступок, – люди боятся моей болезни, не хотят даже воды дать напиться, а ты, вот, и молока не пожалела. Совсем извела меня эта хворь, и никто помочь мне не может. А скажи, дитя, нет ли в деревне лекаря какого, что травами да заговорами людей лечит?

Розалина молча смотрела на старуху, не так давно она вылечила от такой болезни молодого крестьянина по имени Клаус, работавшего истопником в замке. Хотя отец и не разрешал ей применять свой дар, помня странную пропажу своей супруги, Розалина, сжалившись над молодым человеком, половина лица которого изуродовала короста, лечила его отварами и заговорами втайне от отца. Вскоре Клаус поправился, лицо его очистилось, и когда виконт, заметив удивительные изменения в облике своего истопника, спросил дочь, не она ли вылечила несчастного, Розалина в ответ промолчала, потупив взор.

- Больше никогда не делай этого, – тихо сказал виконт, – люди не благодарны по натуре своей, кто знает, что расскажет о своем чудесном исцелении этот крестьянин?

- Он обещал никому не говорить обо мне, – ответила Розалина, – если его спросят, он скажет, что молился деве Марии и она исцелила его.

- Не будь так наивна, дочь моя, – возразил отец, – никто не знает, что случилось с твоей матерью, но я уверен – ее погубил этот дар, способность лечить людей.

Розалина, смотрела на женщину и думала, что, пожалуй, ей не стоит нарушать запрет отца, опасавшегося дать людям повод для обвинения ее в колдовстве, ей было жаль несчастную, но отец, отправляя ее в деревню, сказал, чтобы она ни с кем из посторонних не общалась.

- Нет, я не знаю никого, кто бы здесь лечил людей, – ответила она.

- Да хранит тебя Бог, доброе дитя, – ответила старуха и, перекрестив Розалину, пошла прочь.

Розалина смотрела ей вслед, и сердце девушки сжималось от сострадания и осознания того, что она может помочь несчастной, но не смеет обнаружить свой дар.

- Постойте, бабушка! – крикнула она. Старуха остановилась и обернулась, Розалина подбежала к ней.

- Говорят, недалеко от деревни живет знахарь, который лечит людей заговорами и травами, я спрошу, сможет ли он Вам помочь, приходите завтра вечером вон к тому дому, я дам ответ.

- Спасибо тебе, доброе дитя, дай Бог тебе счастья, – ответила старуха и, повернувшись, пошла прочь.

К вечеру следующего дня Розалина собрала травы, сделала отвары, разлив их по глиняным бутылкам, вручила старухе, рассказав как и по скольку принимать, сославшись на некого знахаря, жившего неподалеку.

А через две недели девушку арестовали по обвинению в колдовстве и бросили в темницу, где ей предстояло провести свои последние дни в ожидании допроса и суда. Два дня провела она в сыром и темном подземелье; по влажным, покрытым мхом стенам сочилась вода, сквозь зарешеченное узкое окошко под самым потолком едва пробивался тусклый свет. На третий день лязгнул ржавый засов, дверь отворилась, и в камеру вошел инквизитор.

- Вот мы и встретились, прекрасная Розалина, а ты думала, что мы расстались навсегда? Или ты уже не Розалина, а Абелия, бедная пастушка? Я же просил тебя, чтобы разговор наш остался между нами, зачем ты рассказала все отцу? Глупо было прятаться от меня.

- Но как? – вопрос замер у нее на устах.

Инквизитор скривил губы в неком подобии улыбки:

- Как я узнал? Как я нашел тебя, несмотря на то, что виконт сделал все, чтобы навести на ложный след всех, кто захочет отыскать его дочь? Чтобы тебя не мучили сомнения, я скажу, ты об этом уже никому не расскажешь. Клаус.

Розалина вздрогнула, когда инквизитор назвал это имя, между тем он продолжал:

- Напрасно ты избавила истопника от недуга, нашлись люди, которые не поверили в его чудесное излечение по воле девы Марии. У Клауса был выбор: или отправиться на костер, или служить мне. Он выбрал второе. Он слышал твой разговор с отцом, не мог не слышать, не имел на это права. Теперь тебя

ждет допрос, пытки и костер. Женщина, которую ты вылечила – сестра Мелани, монашка монастыря святой Корнелии. Какой силой ты лечила ее? Люди не могут лечить эту болезнь, тебе помогал дьявол.

- Видит Бог, дьявол здесь не при чем, я вылечила ее волею Божьей.

- Не лги! Сестра Мелани видела, как ты колдовала над зельем, которым ты опоила ее! Она следила за тобой, подглядывала через окно, тебя уже никто и ничто не спасет от святого пламени аутодафе. Ты можешь избежать этой участи, если станешь моей. Нет, я не предлагаю тебе руку и сердце, как тогда, когда ты отвергла меня, во второй раз я этого не предложу, – сказал он, понижая голос и склоняясь над ней.

- Ты будешь жить в монастыре, в келье, тебя будут звать сестра Абелия, раз уж бы выбрала это имя. Ты не будешь нуждаться ни в чем, и я буду владеть тобой тогда, когда этого захочу, но за пределы монастыря ты не выйдешь, ты не будешь общаться ни с кем, кроме меня, я буду твоим суженым, твоей судьбой, твоим единственным, первым и последним.

- Нет, я никогда не буду Вашей, никогда! Слышите? Лучше уж пламя костра, чем Ваши объятия! Нет! Никогда я не буду Вашей!

- Будешь! – возразил инквизитор. – Здесь и сейчас.

Мессия

Ожидание прихода мессии[7], «помазанника» Божьего, некого святого, священника, посланного самим Господом для избавления народа от страданий было широко распространено во всем Средиземноморье. Когда наступает беда, народ обращается к Богу, вспоминает все, что говорили пророки о судьбе народа. Евреи верили своему Богу, и когда римляне покорили их земли, они ждали, что сбудутся слова пророков, что придет тот, который освободит народ от рабства. Не может Бог оставить свой народ, Бог, который обещал:

«И будешь господствовать над многими народами, а они над тобой

7 Слово «Мессия» (в русском тексте Библии «Избавитель») впервые появилось в сборнике «Псалтырь», который, видимо, относится к 50-м годам до н.э. и который на склоне внешне помпезного хасмонейского правления обращает взоры на определенно ожидаемое возвращение Давида.

господствовать не будут», «Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их – служить тебе...», «И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их.», «Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, – погибнут, и такие народы совершенно истребятся.», «И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя, и падут к стопам ног твоих все, презиравшие тебя...», «Не слышно будет более насилия в земле твоей, опустошения и разорения – в пределах твоих...».

Бог обещал. И евреи верили своему Богу. Они ждали прихода мессии, о котором писали пророки, ждали, что он освободит народ Израиля от римского рабства. Верили, придет Вождь, Царь из рода Давида, он поведет народ на борьбу против завоевателей и уничтожит их. Затем Хасмонеи решили, что мессия может быть и не из дома Давида, а может происходить от левитов по линии Аарона.

Восстания не прекращались с того времени, как Помпей взял Иерусалим и превратил Иудею в римскую провинцию. Восставали и против римлян, и против Ирода, строившего свою политику на основе дружеских отношений с Римской империей. Когда Ирод умер, поднялось восстание против его сына Архелая. Не успели подавить это, как Иуда Галилеянин поднял новое восстание, объявил Иудею независимым государством, подчиненным только самому Богу. Но и это восстание было жестоко подавлено, а сам Иуда Галилеянин был убит, казнены были и его сыновья, Иаков и Симон. Никому из предводителей восстаний не удалось собрать все разрозненные силы под единое руководство. Это мог сделать только тот, чьего прихода так ждал народ, Мессия.

Рождение Иисуса Вараввы из рода царя Давида, сына Иосифа, состоящего в родстве с Иудой Гилилеянином, отцы народа, саддукеи и фарисеи, восприняли как приход мессии. Его стали готовить к великой миссии освобождения иудеев от римского владычества. Казалось, теперь восстание непременно будет иметь успех, но препятствие возникло совершенно неожиданно. Его брат, точнее, дальний родственник Иисус Назареянин, начав выступать перед народом с проповедями, стал восприниматься людьми в качестве мессии, того, кто принесет духовное возрождение. Он отрицал насилие, призывал к миру, и никак не способствовал сплочению народа вокруг идеи восстания. Проповедников было

в те времена немало, но мессия мог быть только один.

По достижении совершеннолетия Иисус Назареянин ушел с караваном в дальние страны, и больше о нем никто ничего не слышал. Варавва же собирал сторонников решения проблемы независимости Иудейского царства военным путем, создавал боевые отряды, разрабатывал сеть тайных организаций, готовых в один момент по приказу вождя подняться против поработителей. Слух о мессии, царе Иудейском из рода Давида, распространялся по всей Галилее, Иудее и окрестных землях. Говорили об этом тихо, вполголоса, с тайной надеждой и тревогой.

И вот случилось то, чего никто из организаторов восстания предвидеть не мог, в Галилее объявился, ушедший много лет назад в далекие страны, Иисус Назареянин. Он проповедовал, он говорил, что есть земли, где люди живут не зная рабства, где никто не называет никого господином, и никто не имеет рабов. Так живут люди в далекой северной стране[8], и так нужно устроить жизнь везде, чтобы Царство Божие воцарилось на Земле, как и на Небе. Люди слушали его затаив дыхание, они не представляли себе, как можно жить, не деля людей на господ и рабов, ведь они так жили всегда, они не знали иной жизни, иного устройства мира. В памяти людей возникли строки из книги пророка Исаии: ***«И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима. И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать.»***

И сказали люди: «Он, Иисус из Назарета, и есть мессия, Христос, помазанник Божий, он поведет нас стезями Господа». Даже фарисеи, что считали себя истинными толкователями Закона, прислушивались к Иисусу, относились к нему с почтением и уважением.

Бывший первосвященник, тесть Каиафы Анна, был расстроен, все то, что выстраивалось много лет, ради чего были брошены все силы, дело обретения суверенитета Иудейского царства было под угрозой. И угроза эта исходила не

8 Существует предположение, что Иисус Назареянин провел свою юность в Индии, но вместе с тем, успел посетить Русь, где в те времена не было рабства, распространенного повсеместно в странах Средиземноморья.

от римских легионов, не от арабских войск, а от простого проповедника, который учит людей миру и любви, которого почитают они за мессию. Он пригласил к себе Каиафу, своего зятя, действующего первосвященника Иудеи. Когда тот вошел, он начал сразу, без предисловий:

- Что ты думаешь об этом проповеднике, Иисусе из Назарета? Говорят, он происходит из рода Давида?

- Да, от ветви Нафана, сына Давидова, брата Соломона. Его воспринимают как мессию, называют царем Иудейским, но он сам вряд ли может претендовать на эту роль, он сын плотника.

- Мессия?! – вскипел Анна, ударив посохом об пол. – Царь Иудейский?! А кто Варавва?! Мессия может быть только один! Один! Запомни это, Каиафа! Сын плотника! Давид тоже пас овец до того, как его признали царем. Нужно положить конец его проповедям!

- Но он не говорит ничего, за что его можно было бы привлечь к ответственности по Закону. Я же не могу заткнуть ему рот.

- А нужно! Нужно заткнуть ему рот! Мне не нужен второй мессия! Его нужно уничтожить. Так, чтобы все навсегда забыли о нем. По Закону, не по Закону! Наплевать! Подошли к нему сикариев, пусть зарежут его, как овцу!

- Но он не ходит один, вокруг него всегда полно народу, убить его тайно не получится.

- Тогда его нужно судить. Доказать – все, чему учит он народ – ересь. Нужно объявить его самозванцем, лжецом, лжепророком, чтобы люди отреклись от него. Ты хоть понимаешь, что под угрозой? Вся наша борьба за независимость может рухнуть в один момент, если люди пойдут за мессией, который проповедует мир и противится вооруженной борьбе. Как же! Перекуют народы мечи на орала! Но только после того, как этими мечами добудут себе свободу! Восстание назначено на Пасху, до этого времени нужно решить вопрос с этим Иисусом Назареянином.

- Восстание против Архелая тоже было на Пасху, когда много народу съехалось в Иерусалим, но оно было жестоко подавлено.

- Тогда не было главного, – Анна разгладил бороду, немного успокоившись от гнева, – не было того, кто мог бы объединить все силы. Каждый воевал за себя, даже раб, Симон, напялил на себя корону, решив, что теперь и он сможет стать царем. Единства не было. Это и погубило восстание. Теперь у нас

есть мессия, Варавва, Сын Божий. Люди верят ему, люди пойдут за ним. Но второго мессии быть не должно.

Пираты

Гаральд, его спутники: Жак и Жульен, верхом спускались по мощенной булыжником дороге в порт. Навстречу тянулись груженные товаром подводы, а внизу, у деревянных причалов стояли суда: грозные драккары викингов с головами чудовищ на носах, стройные многовесельные галеры, быстроходные византийские дромоны под косыми парусами и тяжелый, грузный трехмачтовый неф. Вдали, у входа в бухту, из самой воды поднималась стена крепости, увенчанная башней; голоса грузчиков, команды моряков, возгласы торговцев рыбой, крики чаек и шум волн смешались в сплошной, рокочущий гул, доносящийся вместе с запахом моря и рыбы.

Спешившись, ведя лошадей под уздцы, Гаральд и его спутники направились к причалу, у которого стоял неф, именно этого типа корабли отправляли тамплиеры к берегам святой земли с торговыми и военными целями; вооруженный отряд рыцарей для защиты корабля и груза от нападения пиратов, купцы с товаром да многоцветная толпа паломников – вот такая разношерстная публика собиралась на борту этого судна. Стать пассажиром мог любой, заплативший капитану определенную сумму. С причала на борт был переброшен трап в виде деревянного настила, по которому вереницей шли грузчики, неся на плечах тюки, мешки, бочки; у настила на берегу стоял человек в одежде моряка и вел учет груза, поднимаемого на борт.

- Могу ли я видеть капитана? – спросил Гаральд человека, стоявшего у трапа.

- Я капитан, – ответил тот, не отрываясь от своей работы.

- Не ответите ли странствующему художнику, как далеко отправляется Ваш корабль? – склонив голову в вежливом поклоне, спросил Гаральд.

- Мой неф направляется в Акру, отплываем не позднее завтрашнего утра, – ответил капитан, не удостоив Гаральда взглядом.

- Можете ли взять на борт меня и моих слуг? – спросил Гаральд. – Я заплачу сколько скажете.

- Вы опоздали, мессир, – сказал капитан, обведя взглядом небольшой вооруженный отряд, – неф загружен полностью, а вы еще и при лошадях, если я и найду место в трюме для них, то где мне взять лишний провиант и воду?

- О, не беспокойтесь, – вмешался в разговор Жульен, – я сейчас же закуплю все необходимое и организую доставку припасов и воды на корабль.

- Я еще не знаю, останется ли место в трюме, когда закончится погрузка товаров, и еще одно, – капитан внимательно осмотрел отряд, смерив оценивающим взглядом каждого с ног до головы. – Вы вооружены, а принимать на борт вооруженный людей я могу только с разрешения командора пути. Он находится вон в той башне, – капитан показал рукой на башню крепости, – если успеете сегодня получить разрешение, подойдите ко мне, я скажу, смогу ли вас взять, когда подсчитаю все, что грузится на корабль.

Обращаться к командору пути, назначаемому из числа тамплиеров, Гаральд не стал, опасаясь, что тот уже получил распоряжение относительно его ареста, и стал искать другую возможность отплытия на Святую Землю. Обойдя причалы и расспросив моряков и пассажиров, он выяснил, что свободный торговый люд отправляет в Кесарию караван судов. Одиночные плавания были по силам только таким крупным судам, как нефы, торговые же галеры и дромоны, плывущие в одиночку, могли стать легкой добычей пиратов, орудующих в Средиземном море, особенно вблизи африканского берега, потому обычно собирались караваны под командованием капитана конвоя.

Путь предстоял нелегкий и долгий, плавание из Марселя в Акру или Кесарию занимало не меньше месяца, а то и более, суда шли в пределах видимости земли, вдоль берега, от острова к острову, опасаясь выходить в открытое море; двигались только днем, а с наступлением темноты останавливались в удобных бухтах, спасающих от ветров, или высаживались на берег, продолжать путь ночью могли лишь немногие отчаянные капитаны. На всех судах, за исключением, конечно, нефов, было недостаточно места для запасов продовольствия и воды на весь путь, и приходилось делать длительные остановки для пополнения припасов, а если учесть, что кроме людей, и на военных, а иногда и на торговых судах, перевозили еще и лошадей, то остановки были необходимы, кроме всего прочего, для ухода за животными.

Капитана конвоя Гаральд нашел возле одного дромона необычной конструкции, со сплошной палубой, вместо двух рядов настила для гребцов верхнего яруса, с корпусом шире и выше обычного; такие дромоны использовались для перевозки лошадей, и капитан судна, отчаянно жестикулируя, спорил с капитаном конвоя о том, что дромон его будет недогружен, и ему не выгодно принимать участи в этом плавании. Капитан конвоя, в свою очередь, убеждал его в том, что если удастся закупить арабских скакунов, то это судно будет просто необходимо для доставки ценных, дорогостоящих лошадей в Марсель, поскольку другого такого корабля в составе конвоя нет.

Гаральду не сразу удалось добиться ответа от капитана конвоя, увлеченный спором, он еще не понял суть просьбы, но когда сообразил, что три пассажира с тремя лошадьми как раз то, что может заинтересовать капитана дромона, воскликнул:

- Ну вот, Понс! Вот и груз для твоего дромона! Теперь ты не станешь говорить, что плавание тебе не выгодно?

- Да, о чем ты говоришь, Ремай?! – обратился Понс к капитану конвоя. – Мой дромон берет на борт двенадцать лошадей! Понимаешь, двенадцать!

- Не беспокойтесь, господин Понс, – постарался унять разгоряченного спором моряка Гаральд, – я хорошо заплачу, кроме того, провизия и вода для нас и для лошадей за мной.

- Ну, если так, если так, тогда другое дело, – примирительным тоном ответил Понс, – можете грузиться, мы отходим через два дня. Идемте на корабль, я покажу, где можно разместить лошадей, а пока капитан конвоя проводит вас до конюшен, где ваши лошади могут переждать эти два дня. Не на дромоне же держать их все это время.

Жак, следуя за капитаном конвоя, отвел лошадей на конюшню, а сами путешественники разместились в ожидании отплытия на корабле. На следующий день, утром, Гаральд наблюдая, как отходит от причала неф, подумал, что хотя плавание на дромоне будет менее комфортным, чем на тяжелом нефе, но более безопасным, по крайней мере, встреча с тамплиерами будет менее вероятна.

Через день, после того, как ушел неф, ранним утром, под шум прибоя, крики чаек, команды капитана и голоса матросов, дромон отчалил, встраиваясь в кильватерную колонну торговых судов. Гаральд смотрел на уплывающие вдаль берега, и тревожное чувство охватило его, он знал, что увидеть эти берега

ему придется не скоро, а может случиться и так, что не суждено ему будет возвратиться на родную землю.

Первые две недели плавания прошли спокойно, добравшись до Сицилии, караван сделал трехдневную остановку для пополнения запасов продовольствия и воды, но когда им предстояло пересечь Ионическое море и доплыть до острова Крит, шторм, пришедший с севера, разметал корабли конвоя, нарушив ход плавания, складывавшегося поначалу так удачно. Моряки доромона под командованием Понса отчаянно боролись с волнами, и когда шторм утих, увидели на горизонте скалы африканского побережья. О том, чтобы пристать к берегу и отдохнуть после утомительной борьбы со стихией не могло быть и речи, нужно было, во что бы то ни стало, быстрее миновать опасное побережье, вблизи которого промышляли мусульманские пираты. Поначалу все шло спокойно, волнение улеглось, ветер стих, и дромон шел на веслах таким ходом, какой могли придать ему утомленные, измученные гребцы, но когда дромон поравнялся с островом, Понс заметил, как от него отошли две галеры и направились в их сторону.

- Эй, вы, бездельники! – орал Понс на своих гребцов. – А ну, шевелите веслами быстрее, если не хотите сделаться добычей пиратов!

Он кричал, ругался, пытаясь заставить команду увеличить темп гребли, пассажиры дромона, в том числе и Гаральд со своими спутниками сменяли изможденных гребцов, но галеры пиратов неумолимо приближались.

Орудовать веслом, весившим 130 килограмм, было не только нелегким, но и непростым делом. Для того, чтобы сделать замах веслом, гребцу нужно было встать со скамьи, называемой банкой, сделать одной ногой шаг вперед, отводя весло к носу корабля, затем, опустить его в воду и падая назад, на банку, всем весом тела и мышцами сделать гребок. При этом движения гребцов должны быть строго синхронизированы, любой сбой, задержка в движении хотя бы одного гребца, могла привести к тому, что весла перепутаются и переломятся, и тогда судно потеряет ход и направление.

Галеры пиратов с двух сторон подошли к дромону, и высокий человек с черной бородой, в чалме, стоявший на корме галеры, что подошла с правого борта, крикнул:

- Поднимите весла и прекратите грести! И если хоть одна стрела полетит в нашу сторону, на этом корабле никто не останется в живых! Это я говорю вам, Хайдарджан! А если сдадитесь, все останетесь живы!

После этого они крючьями подтянули галеры к дромону и взобрались на его палубу. Вооруженного сопротивления они не встретили, и обещание Хайдарджана было выполнено, пираты не тронули никого, один из них встал у руля и заставил гребцов идти между галерами к побережью. Причалив к берегу, они сняли с дромона весь груз, а людей: и команду, и пассажиров, загнали в длинный низкий барак. Через некоторое время туда вошел Хайдарджан, оценивая каждого, как товар, который можно выгодно продать.

- Ты кто? Что делать умеешь? – спросил он Гаральда, когда очередь дошла до него и его спутников.

- Я художник, – ответил Гаральд, – а это мои друзья, они помогают мне в моем путешествии.

- Откуда ты родом? – спросил Хайдарджан.

- Я родом из Фландрии, – ответил Гаральд, – плыл к берегам Святой Земли.

- Что же заставило тебя бросить дом и отправиться в дальние страны? Ведь ты не воин, не купец и не паломник, что ищешь ты, если не погибель свою?

- Я рисую Святые места, господин, те места, где жил и проповедовал Иисус Христос.

- Меня нарисовать сможешь? – с вызовом спросил пират, гордо подняв голову.

- Смогу, господин, – смиренно ответил Гаральд.

- Тогда рисуй, – сказал Хайдарджан.

- Прямо здесь? Лучше я нарисую тебя у моря, на фоне скал, но мне нужны мои холсты и краски, все, что отобрали у меня твои люди.

- Хорошо, – ответил пират, – ты получишь все, что тебе нужно, идем к морю, будешь меня рисовать, потомки должны знать, как выглядел Хайдарджан, гроза морей. Но если нарисуешь плохо, если не понравится мне твоя мазня, я отрублю тебе голову.

Когда работа была готова, Хайдарджан долго и внимательно всматривался в портрет и, оставшись довольным работой художника, произнес:

- Хороший портрет, мне нравится, но я все равно должен отрубить тебе голову, ведь Коран запрещает изображать людей.

- Я не мусульманин, и на меня не распространяется запрет Корана, – ответил Гаральд.

- Да, ты прав, голову рубить тебе я не буду, я хочу вознаградить тебя, ведь я – Хайдарджан, великий и благородный. Проси что хочешь, все, кроме свободы, я могу озолотить тебя, но отпустить на волю не могу, ты хороший художник, и за тебя мне должны хорошо заплатить, так говори, чего ты хочешь?

- Я хочу, чтобы меня продали вместе с моими друзьями, лошадьми и оружием, – ответил Гаральд.

- Но это уже не одно, это три, даже желания! Ты сам, твои друзья, лошади и оружие, – возразил пират.

- Это не три, это одно желание, и называется оно – торговое соглашение.

Хайдарджан рассмеялся:

- А ты не дурак! Ты еще и мудрец, почти суфий! За это, пожалуй, я возьму с покупателя дополнительную плату, а пока иди в барак, отдыхай, я выполню твое желание.

Тайная вечеря Вараввы

Глубокой ночью тайно собрал Варавва своих последователей.

- Не мир пришел я принести, но меч! – говорил он. – Я пришел разделить отца с сыном, брата с братом, свекровь с невесткой ее, ибо, кто не с нами – тот против нас! Те, кто ищут мира с поработителями, не достойны нас, а кто не достоин нас, тот не достоин жить на этой земле. Огнем и мечом поведем мы народ наш к свободе. Братья мои, что происходит с землей нашей? Что происходит с народом нашим? Вы, потомки Авраама, скажите мне, где слава Давида и Соломона? Где великое царство Маккавеев и Хасмонеев? Где слава Иисуса Навина? Доколе проклятым язычникам, что не знают Единого Бога, править народом великих пророков, народом, который породил Давида и Соломона, Мардохея и Эсфирь, народа, избранного самим Господом и благословленным им на владение всеми иными народами?

Разве не сказано в Завете, что Господь благословил народ наш на все, что делается руками его на земле, в которую идет он, чтобы овладеть ею? Разве не сказано, что сыновья иноземцев будут строить стены наши, а цари их служить нам? И что народы, которые не захотят служить нам, погибнут и вовсе истребятся? Разве не сказано, что лучший из гоев достоин смерти?

За Римом великая сила, но разве Давид, вооруженный лишь пращей, не одолел великана Голиафа? Вы, лучшие из зелотов, сикарии, вы станете пращей Давида, что сразит римского Голиафа! Я, потомок Давида и Соломона, Сын Божий, поведу вас за собой! К мечу призываю я народ мой! У кого нет денег, продай одежду, но купи меч, ибо все, что сказано обо мне, приходит к своему исполнению, и к разбойникам буду причтен, но разве разбойник тот, кто поднимет меч ради свободы народа своего?

Великий праздник Пасхи станет праздником борьбы нашей. На Пасху поднялся народ против Архелая, предателя и сына предателя, Ирода, что привел римлян к стенам святого города Иерусалима. Тогда Архелай погубил восставших, но мы поднимемся снова и снова, пока не одержим победу. На Пасху соберутся люди в Иерусалим со всех концов земли нашей, тогда и восстанем мы против Рима. Здесь, в Иерусалиме, у прокуратора лишь небольшой отряд легионеров, войска его находятся в Кесарии. Понтий Пилат хочет перевести их сюда, в святой город, но мы не дадим ему этого сделать, нужно поднять восстание раньше, чем римские воины осквернят эти святые стены.

В Кесарию из Рима пришел корабль, он привез оружие для легионов сирийского легата: мечи, копья, дротики, завтра оружие повезут в Сирию. Кесарь решил дать воинам новое оружие, длинный меч, спату, Рим меняет тактику, увеличивает долю кавалерии и уменьшает роль пехоты, этим нужно воспользоваться, оружие не дойдет до легионов Вителлия.

Завтра мы нападем на обоз, отобьем оружие, чтобы вооружить народ, что соберется на Пасху в Иерусалиме.

Варавва хорошо изучил тактику римского войска, его историю, и следил за всеми изменениями, происходящими в вооружении легионов. Основной ударной силой римлян всегда была пехота, вооруженная дротиками, копьями и короткими мечами, гладиусами, хорошо зарекомендовавшими себя в ближнем бою. Но римская пехота не могла противостоять атакам кавалерии арабов, использовавших лошадей и верблюдов, короткий меч здесь не годился, и воинов

стали вооружать длинными кельтскими мечами, которые ранее применялись римлянами в кавалерии, но доля кавалерии была в римской армии небольшой. Теперь же, используя опыт сирийских наемников, которыми комплектовались легионы на южных границах римских владений, доля кавалерии была увеличена.

Корабль с оружием действительно пришел в порт Кесарии, но прокуратор не спешил отправлять это оружие сирийскому легату. Был распространен слух о том, что обоз с оружием отправится накануне Пасхи, однако, вместо оружия в повозках прятались легионеры, прикрытые мешковиной. Об этой операции знали только двое: сам Понтий Пилат и его доверенное лицо, Антоний, лично возглавлявший отряд, который должен был захватить Варавву при нападении на обоз. А в том, что нападение состоится, прокуратор не сомневался, от своих информаторов он получил сведения, что Иисус Варавва, которого иудеи воспринимали как освободителя, мессию, готовит восстание именно на Пасху, в это время можно будет, не вызывая подозрений, собрать большое количество народа в Иерусалим. Это уже было в истории, когда поднялся народ против сына Ирода, Архелая. Предотвратить восстание можно было только одним способом – обезглавить его, захватив вождя.

Раб

Невольничий рынок в Александрии шумел, как пчелиный рой, работорговцы, рабы и покупатели заполнили центральную площадь города, превратив ее в место унижения человека до последнего скота, выставленного на продажу. Гаральд, Жак и Жульен вместе с лошадьми стояли, ожидая своего покупателя. Важный, толстый господин, в зеленом тюрбане с седой бородой, в сопровождении слуг, подошел к Гаральду и сказал, обращаясь к его продавцу, Хайдарджану:

- Здравствуй, дорогой Хайдарджан, какой товар можешь предложить мне сегодня?

- Здравствуй, дорогой Джафар! – ответил Хайдарждан. – Этот молодой человек, не простой галерный раб, он художник.

- Художник? – удивился Джафар. – он умеет рисовать? Это весьма кстати, мне нужно расписать узорами стену моего нового дома.

- Эй, ты! – обратился он к Гаральду. – Сумеешь разрисовать мой дом такими узорами, каких нет ни у кого в этом городе?

- Да, почтеннейший, – ответил Гаральд смиренно, поняв, что невольничий рынок не место для проявления гордости, ему было нестерпимо стоять так, на виду у толпы под палящим солнцем, он желал, чтобы все это поскорее закончилось, – сумею, но для этого мне нужно знать, какими узорами расписаны другие дома.

- Ты узнаешь это, – рассмеялся Джафар, – за этим дело не станет.

Он похлопал Гаральда по плечу, потрогал его мускулы, и сказал, обращаясь к продавцу:

- Пожалуй, я возьму этого раба, сколько ты за него просишь, уважаемый Хайдарджан?

- Он не продается один, вместе с ним идут эти два раба, – показал он на Жульена а Жака, – их лошади и оружие.

- Нет, нет, – возразил Джафар, – я покупаю только его.

- Джафар, дорогой, ты ведь знаешь меня не первый год, скажи, разве когда Хайдарджан обманывал тебя? Разве предлагал он тебе плохой товар? Один из этих рабов повар, другой конюх, они пригодятся тебе.

- Но мне не нужен ни конюх, ни повар, – возразил Джафар, – мне нужен только художник.

- Погоди, Джафар, дорогой, не торопись с выводами, – сказал Хайдарджан заговорщицким тоном, – я тебе сейчас что-то покажу, но поклянись, что ты никому не скажешь о том, что видел.

- Клянусь Аллахом, – ответил Джафар, – я еще никогда никому не давал повода усомниться в моей чести и порядочности.

- Тогда смотри! – он вынул из тюрбана свернутый портрет свой, нарисованный Гаральдом.

Джафар ахнул, рассматривая портрет:

- Клянусь Аллахом, ни один художник в этом городе не сможет нарисовать такое, ведь Коран запрещает изображать людей. Я знаю правоверных, которые, несмотря на запрет, заставляли художников рисовать портреты, но такого я еще ни у кого не видел.

- Я же говорил, дорогой Джафар, что Хайдарджан никогда не обманывал тебя! Ну что, берешь?

- Беру! Беру всех на твоих условиях! – согласился Джафар.

Сделка состоялась, и Гаральд, еще недавно свободный человек, имевший двух слуг, Жака и Жульена, стал собственностью толстого господина в зеленом тюрбане.

Условия содержания рабов у господина Джафара соответствовали той цене, которую он за них заплатил, потому Гаральд и его бывшие слуги оказались не в общем бараке, а в отдельном сарайчике, вполне пригодном для проживания. Здесь у каждого из них был свой, персональный, соломенный коврик в качестве постели, их не били плетью и кормили отдельно от других рабов. Жак был определен для работы на конюшню, а Жульен, работая на кухне, смог разнообразить меню господина Джафара, чем заслужил его особое расположение.

Гаральд был отдан суфию Аль Фараду с тем, чтобы тот научил художника мастерству арабского орнамента. Суфий с уважением отнесся к Гаральду, рассказывая ему об особенностях исламского изобразительного искусства, в котором запрещено создавать образы живых существ. Сам пророк Магомет никогда не говорил о том, что можно изображать, а что нельзя, да и суры Корана не содержали подобного запрета, однако хранитель исламских преданий Абу Хурайра учил, что художник, изображающий живое существо, посягает на роль Бога, единственного, кто может творить и вдыхать жизнь в свои творения.

- Для того, чтобы создать узор, равного которому не будет в этом городе, нужно не только знать все узоры, но еще и изучить Коран, – говорил Аль Фарад Гаральду, – ведь стены расписывают не только узорами, но и сурами из Корана.

- Но я не умею читать арабские тексты, – возразил Гаральд.

- Не беда, я научу тебя, – ответил Аль Фарад.

- Для этого потребуется немало времени, боюсь, господин Джафар не станет ждать, пока я научусь читать арабские письмена.

- Не беспокойся Гаральд, времени у тебя достаточно, ведь дом, который велел тебе расписать господин Джафар, еще не построен.

Когда Гаральд обучился арабскому языку и прочел Коран, суфий спросил его:

- Теперь, когда ты прочел Коран, скажи, какой стих изобразил бы ты на стене нового дома господина Джафара?

- Я бы изобразил шестьдесят четвертый аят суры Аль Имран: «Приходите к слову, равному для нас и для вас, чтобы нам не поклоняться никому, кроме Бога, и ничего не придавать Ему в сотоварищи, и чтобы одним из нас не обращать других в господ, помимо Бога», – ответил Гаральд.

- Ты достоин называться суфием, – ответил Аль Фарад, – еще никто не изобразил этого изречения из Корана нигде, и никто не произнес его перед своим господином.

Иисус из Назарета

День клонился к закату, солнце уже низко висело над горизонтом, озаряя последними лучами легкие перистые облачка. Иисус с учениками возвращался после долгой проповеди по пыльной дороге, на которую наискось ложились длинные тени от высоких деревьев. Ученики о чем-то спорили меж собой, обсуждая сегодняшнюю проповедь учителя. Иисус молчал.

Какая-то женщина, хананеянка, молча шла за ними, не смея приблизиться, Иисус, заметив ее, некоторое время продолжал идти, не обращая на нее внимания, но женщина не отставала, она все шла и шла, держась на расстоянии нескольких шагов. Тогда Иисус остановился, повернулся к ней, и знаком пригласил подойти.

- Говори, – сказал он, когда хананеянка подошла поближе.

- Не смею просить тебя, – ответила женщина, – я ведь не принадлежу к иудеям, которым послан ты, я из земли Ханаана, но я верю тебе и прошу, исцели дочь мою.

Она упала на колени перед Иисусом, поднимая руки в мольбе.

- Встань, женщина, – ответил Иисус, – встань, и иди домой, вижу веру твою, возвращайся, дочь твоя от болезни избавлена, избавлена Богом по вере твоей, а ты иди и живи с верой, которую обрела.

Он коснулся рукой ее чела, повернулся и возвратился к ученикам.

Ученики замолкли, наблюдая разговор Иисуса с хананеянкой, но как

только она ушла, громко загалдели, осуждая поступок своего учителя.

- О, что делает наш учитель! – возмутился один. – Ведь он послан нам, заблудшим овцам дома Израилева! Нехорошо взять хлеб у детей и бросить его псам!

- Но ведь и псы питаются крохами, которые падают со стола господ их, – возразил второй.

Иисус подошел, все смотрели на него с недоумением.

- Сегодня я говорил вам о любви к ближнему, что вы поняли из всего, что я говорил? Разве достойно сравнивать человека с псом?

- Но она хананеянка! – возразили ученики.

- А разве сыны земли Ханаана не люди? Чем хуже они сынов земли Иудейской?

- Ты говорил о любви к ближнему, а разве хананеяне ближние нам?

- Я расскажу вам притчу, – ответил Иисус. – Шел человек из Иерусалима в Иерихон, напали на него разбойники, ограбили, сняли с него одежду, а самого избили, изранили и оставили еле живого умирать на обочине. Шел мимо священник, посмотрел, покачал головой, да и пошел дальше. Проходил по той дороге левит, заметив несчастного, лежащего на обочине, только вздохнул, посетовал на бесчинства разбойников, но тоже ушел восвояси. И только самаритянин, житель иной земли, что проезжал мимо, поднял несчастного, омыл его раны, смазал маслом и перевязал их, усадил на своего осла и отвез в гостиницу, там заботился о нем, а отъезжая наутро, дал хозяину два динария, чтобы тот лечил и кормил пострадавшего столько, сколько потребуется, а если издержится хозяин более, чем та сумма, которую оставил ему самаритянин, то он обещал возместить хозяину все убытки.

- А теперь ответьте, – спросил Иисус учеников, – кто ближний ему?

- Конечно, ближний тот, кто позаботился о несчастном, хотя он и не иудей, – ответил тот, кто возмущался поступком учителя.

- Вот и вы поступайте так, как этот самаритянин, проявляйте любовь, и будете достойны любви.

Инквизиция

Когда виконт Рене де Ламбер узнал, что его дочь арестована инквизицией, он понял, что кто-то из тех, кому он доверял, донес инквизитору о его планах, ведь о том, что Розалина скрывается в деревне под именем крестьянки Абелии, знали лишь только самые близкие ему люди. Попытки выяснить что-либо о ее судьбе ни к чему не привели, инквизитор не принимал виконта, а от монахов он узнал, что некая девушка по имени Абелия, обвиненная в колдовстве, находится в женском монастыре святой Корнелии и молитвами пытается искупить свой грех. Прошел год со дня ареста Розалины, но ничего нового о ее судьбе узнать виконту не удалось, не было вестей и от Гаральда.

Розалина, тем временем, родила ребенка, которого у нее сразу же отобрали и определили на воспитание сестрам монастыря, они кормили новорожденного мальчика козьим молоком. Инквизитор, не посещавший узницу с тех пор, как выяснилось, что она ожидает от него ребенка, вновь вошел в камеру Розалины. Увидев его, она поняла, что сейчас ее предадут суду и отправят на костер, но ни страха, ни мольбы не было в ее взгляде – только ненависть, жгучая ненависть к тому, кто сломал ее жизнь.

Поймав ее взгляд, инквизитор усмехнулся:

- Не ожидала увидеть меня вновь? Или все-таки ожидала? Хочешь знать, какая участь ожидает тебя?

- Ничего хорошего от вашего преосвященства не жду, знаю, что ждет меня костер аутодафе, – ответили она гневно и резко.

- Правильно, – спокойно ответил инквизитор, – но ты ведь не хочешь этого? Хочешь, чтобы тебе вернули твоего ребенка?

Розалина молчала.

- Я могу сделать так, что суда не будет, и ребенка тебе вернут, ты будешь жить в доме, у тебя будет прислуга и все, что ты пожелаешь, – продолжал инквизитор, – но при одном условии: ты будешь моей.

- Зачем вашему преосвященству мое согласие? Вы уже доказали, что желание мое не имеет значения, – ответила Розалина.

- О, нет! Насилия больше не будет, я хочу, чтобы ты любила меня.

- Хотите купить мою любовь?

- Да, если тебе так нравится, – ответил инквизитор, – я хочу купить твою любовь, и ценою будет твоя жизнь.

- Лучше умереть, чем так жить! – воскликнула она.

- Но ты умрешь в страшных мучениях.

- Все равно, – ответила Розалина и отвернулась к стене.

- Даже если ценой будет не только твоя жизнь, но и жизнь твоего ребенка?

- Это не мой ребенок! – вскрикнула Розалина, резко повернувшись к инквизитору. – Я не хотела его от тебя! Это твой сын, можешь отправить его на костер вместе со мной!

- Сейчас ты иначе заговоришь, – ответил инквизитор, – Эй, Астор! – крикнул он, открывая дверь, и в камеру вошел человек в одежде монаха с кинжалом на поясе. Это был рыцарь ордена тамплиеров в монашеской одежде, всегда сопровождавший инквизитора, человек ему безгранично преданный, выполнявший поручения, о которых никому знать было не положено.

- Отведи ее в келью к сестре Анне, – приказал инквизитор тому, кого назвал Астором и вышел из темницы.

Астор, схватив Розалину за запястье, крепко сжав его, так что у девушки занемели пальцы, потащил ее вслед за инквизитором. Они дошли до конца коридора, где у двери, кованой железом, стоял рыцарь, вооруженный алебардой, на поясе его висел меч, справа от двери, под коптящим светильником, стояли несколько не зажженных факелов.

- Открывай, – скомандовал рыцарю инквизитор.

Рыцарь молча снял ключ с пояса, вставил его в замок двери и повернул два раза, затем толкнул дверь ладонью в железной перчатке, дверь медленно, бесшумно отворилась, затем он взял факел, зажег его от светильника и протянул инквизитору. Инквизитор принял факел и, держа его впереди себя, шагнул в темноту. Свет факела выхватил из тьмы лестницу, ведущую вниз, в подземный ход. Розалина не видела ничего впереди себя, свет факела заслоняла фигура монаха, который тащил ее за руку, осторожно, нащупывая ступени ногой, шла она, стараясь не упасть; казалось, что если она вдруг упадет, монах не остановится, не обернется, продолжая волочить ее за собой. Наконец, лестница кончилась, подземный ход с низким сводчатым, выложенным грубыми камнями, потолком уходил во тьму, и только свет факела в руках инквизитора рождал

мрачную игру теней на стенах и потолке, и тени эти, их, троих, идущих мрачным коридором, жили сами по себе, словно мрачные духи подземелья метались они по стенам в преддверии беды.

Коридор кончился винтовой лестницей, ведущей куда-то вверх. Розалина с трудом поспевала переставлять ноги по ступеням, которых она, как и прежде, не видела. Подземный ход привел их в женский монастырь святой Корнелии, сестра-монахиня встретила их у выхода, инквизитор погасил факел, поставил его у двери и бросил коротко:

- К сестре Анне.

- Я проведу, – отозвалась монахиня.

- Нет, – отрезал инквизитор.

Они прошли еще немного и остановились возле одной из келий, инквизитор отворил дверь, они вошли.

Сестра Анна, увидев этих странных гостей, вскрикнула и отпрянула к стене, глядя на них с немым вопросом в глазах.

- Знаешь, кто это? – спросил Розалину инквизитор, показывая на несчастную монахиню.

Розалина молчала, изумленно глядя на незнакомую женщину.

- Это твоя мать, Луара, здесь она живет под именем сестры Анны, – произнес инквизитор.

Розалина вскрикнула, и Луара, охнув, кинулась к ней, но монах преградил ей дорогу.

- Розалина, дочь моя, – прошептала женщина и тихо опустилась на пол.

- Подними ее, – сказал инквизитор монаху, тот, оставив Розалину, подошел к Луаре и грубо поднял ее.

- А теперь, – сказал инквизитор Розалине, – решай, если ты не будешь моей, то на костер пойдет она, твоя мать.

Розалина молча смотрела широко открытыми глазами то на Луару, то на инквизитора, ничего не понимая, ее мать, которую она давно считала пропавшей, стояла перед ней, в черном монашеском одеянии и глядела на свою дочь глазами, полными боли и тоски.

- Что же ты молчишь? – спросил вновь инквизитор. – Решай. Если ты будешь моей, сможешь видеться со своей матерью, и ни ей, ни тебе никто не сделает ничего дурного. А если откажешь, то твою мать сожгут на костре, и ты бу-

дешь присутствовать при этом, будешь смотреть, как мать твоя корчится в предсмертных муках в пламени костра. Это будет страшно, очень страшно, я знаю, я видел не раз, как они горят, как лопается и чернеет кожа на теле, как огонь лижет ноги, грудь, как вспыхивают волосы, как …

- Хватит, довольно! – крикнула Розалина. – Замолчи!

- Что, что это все значит? – упавшим голосом спросила Луара.

- А значит это то, – ответил инквизитор, – что твоя дочь отвергла мою любовь, она не хочет быть моей, свою жизнь она не ставит ни в грош, может быть тогда она сжалится над твоей? Хоть что-то святое есть у этой ведьмы, дочери твоей? Если даже перед казнью своей матери не остановится она в своем глупом упрямстве?

- Розалина! Доченька! – крикнула Луара и бросилась к ней, но монах отстранил ее рукой, и рука его, толкнувшая Луару, приподняла сутану, обнажив висящий на поясе кинжал, Луара резким движением выхватила его из ножен и вонзила себе в грудь со словами:

- Теперь ты свободна в своем решении!

Розалина кинулась к ней, но монах крепко схватил ее за руку, отшвырнув к двери, затем он подошел к Луаре, та уже не дышала, вынул из раны свой кинжал, вытер его о ее сутану и вернул в ножны.

- Несчастная, – сказал инквизитор, – она не знает, что своей смертью она послала на костер свою дочь. И обращаясь к монаху, сказал: – Все, Астор, брось ее, пошли отсюда, и ведьму эту забери.

Проходя мимо монахини, которая собралась было их сопровождать в келью сестры Анны, инквизитор сказал, чуть склонив голову:

- Сестра Анна, да упокоит ее душу Господь, скончалась от сердечного приступа, похороните.

Монахиня молча кивнула. Инквизитор знал, она не выскажет своего удивления, увидев рану от кинжала на груди сестры Анны, и сделает все, чтобы никто не догадался об истинной причине ее смерти. Розалине на мгновение показалось, будто она узнала в этой монахине ту несчастную женщину, с обезображенным коростой лицом, что обратилась к ней за помощью, но сейчас от уродства ее не осталось и следа.

Астор, рыцарь в монашеской одежде, все так же тащил за руку Розалину, но она уже, не успевая перебирать ступени ногами, спотыкалась, падала, и, не

смотря ни на что, Астор, не останавливаясь, волочил ее за собой. Когда ее вновь бросили в темницу, и тяжелая дверь, лязгнув ржавыми петлями, захлопнулась, Розалина упала на пол, в глазах у нее все закружилось, и тьма поглотила ее.

Суд состоялся на следующий день, после обвинительной речи инквизитора, в качестве свидетеля выступила сестра Мелани, та, которая встретила инквизитора, Астора и Розалину у выхода из подземного хода. Именно она просила помощи у Розалины в избавлении от измучившего ее недуга.

- Она вылечила меня, – сказала сестра Мелани, показывая рукой на Розалину, – от болезни моей не осталось и следа, но я знаю, люди не могут лечить эту болезнь, сам дьявол помогал ей. Я видела, как она готовила зелье и призывала дьявола в помощь себе.

После этого инквизитор зачитал приговор, который требовал сожжения на костре самой ведьмы, Розалины, и той, кого вылечила она силою дьявола.

- Нет! Не надо! Нет! – кричала сестра Мелани. – Ваше преосвященство! Вы же обещали, что никто не причинит мне зла!

- Все для блага твоей души, сестра, пламя святое очистит ее и она безгрешной предстанет перед Господом.

- Но я не хочу! Не хочу гореть в огне! – кричала сестра Мелани. – За что мне эти смертные муки?

- Что значат всего несколько минут в объятиях святого огня, по сравнению с вечным пламенем ада? – ответил инквизитор.

Понтий Пилат

Антоний сдержал слово, данное прокуратору, к моменту прибытия Понтия Пилата в Иерусалим, Варавва был схвачен, закован в цепи и брошен в темницу. Остановившись в своей временной резиденции, в Претории, прокуратор немедленно потребовал доставить к нему Варавву, и когда стражники ввели его, швырнув к подножию высокого трона, спросил:

- Кто ты, и по какому обвинению арестован?

- Имя мое Иисус, а по какому обвинению меня, как разбойника заковали в

цепи, тебе лучше знать, я за собой вины никакой не признаю.

- Не ты ли говорил, что пришел на землю иудейскую принести не мир, а меч? – спросил прокуратор. – Не ты ли хотел разделить отца с сыном, брата с братом, а невестку со свекровью ее?

- Я пришел, чтобы спасти народ земли этой от рабства. Народ мой никогда рабом не был, и в Египте был он свободен, лучшей доли достоин он, чем гнуть спины перед Римом, – ответил Варавва.

- То, что сказал ты, достаточно, чтобы предать тебя смерти, а говоришь, что не признаешь за собой вины.

- А я пощады у тебя не прошу, но это не вина моя, а долг мой, который выполню я до конца, даже распятый я поведу за собой народ.

- Ты не смеешь так говорить со мной! – крикнул Понтий Пилат. – Помни, кто ты и кто я!

Один из стражников ударил Варавву кнутом, он пошатнулся, не издав стона, и отвечал:

- Я Бер Авва! Сын Божий! Я царь иудейский из рода царей, из рода Давида и Соломона! Я говорю так с тобой по праву рода своего!

- Ты? Царь иудейский?! – рассмеялся Понтий Пилат. – Если царь ты, то кто тогда Ирод Антипа?

- Он самозванец! Самозванец, сын самозванца, который привел римские легионы к стенам Иерусалима, который обезглавил последнего законного царя династии Хасмонеев! Он идумеянин, а не иудей!

- Ты призываешь народ к гражданской войне, – сказал Понтий Пилат, – как же можешь ты называться царем?

- Тот, кто не с нами – тот против нас! Тот, кто не поднимет меч против поработителей, сам достоин смерти! Потому и говорю я, что разделю брата с братом, сына с отцом, и дочь с матерью ее, те, кто приняли рабство и смирились, не достойны жить.

- Не тебе решать, кому жить, а кому умереть, – сказал прокуратор и крикнул страже: – Уведите его!

Когда Варавву увели, Понтий Пилат вновь потребовал к себе Антония, по его сведениям, иудеи под руководством Вараввы готовили восстание против римского владычества, во время празднования Пасхи, в ночь с воскресения на понедельник, восставшие планировали напасть на римские войска, и уничто-

жить их внезапно, не дав построиться в боевые порядки. В доме, принадлежавшем некогда царю Давиду, в Вифлееме, был обнаружен склад оружия: мечи, копья, щиты, луки и стрелы.

Вместе с Вараввой были арестованы еще двое зелотов, которые на допросе показали, что готовилось восстание в Галилее, именно оттуда поставлялось оружие, и организация выступления была связана с домом Иуды Галилеянина, того самого, который возглавил восстание против римлян, вскоре после смерти Ирода. Галилея была под началом Ирода Антипы, сына Ирода Великого, восстание грозило уничтожить не только римскую власть, но и власть династии Иродов, посаженных на трон римским кесарем.

Тетрарх Галилеи Ирод Антипа не унаследовал от своего отца злобного и жестокого характера, он был мягок, нерешителен, предпочитал роскошную и спокойную жизнь, к народу, им управляемому, относился свысока. Но именно эта мягкость характера и стала причиной всех его бед, полностью попав под влияние любимой жены, Иродиады, он не смог противостоять ее требованиям обезглавить Иоанна Крестителя, чем усугубил неприязнь народа, и без того осуждавшего Ирода за связь с Иродиадой, женой своего двоюродного брата.

Теперь же, угроза восстания заставила его принять меры, подобные тем, что принимал его брат, Архелай, будучи правителем Иудеи до передачи ее под прямое правление римского кесаря, который назначал прокуратора.

Приняв меры военного и политического характера для предотвращения восстания, Понтий Пилат решил заняться вопросами идеологии, использовав проповедника, призывающего народ к миру и осуждающего всякое насилие, в том числе и вооруженное восстание против римского владычества.

Пропавшая рукопись

Жизнь в рабстве для Гаральда не была отягощена изнурительной работой, под руководством суфия Аль Фарада он изучал арабские орнаменты, арабески, и рисовал картины видов Александрии, которые бросились ему в глаза во время прогулок. Джафар не ограничивал его в передвижении по городу, Гаральд мог гулять везде, рассматривая дома и изучая их внешнюю отделку, именно с этой

целью хозяин и разрешил прогулки своему рабу. Но рисовать он мог только по памяти, расположиться с мольбертом на улицах города, означало вызвать возмущение населяющих его мусульман нарушением запрета изображать реальный мир.

Однажды, когда Гаральд рисовал колоннаду Акрополя, Аль Фарад, задумчиво вглядываясь в его работу, спросил:

- Ты хороший художник, у себя на родине ты мог бы стать знаменитым, но что занесло тебя в эти края?

- Корабль, на котором я плыл, следовал в Кесарию, оттуда я должен был отправиться в Вифлеем, Иерусалим и другие святые места, я хотел написать картины этих мест.

- Ты неплохо рисуешь по памяти, – возразил суфий, – и мог бы нарисовать их со слов тех, кто побывал там.

- Всегда лучше увидеть своими глазами, чем полагаться на рассказы самых сведущих людей. Я могу увидеть то, что не смогли увидеть они, ведь я художник.

Аль Фарад помолчал в ответ немного, потом подошел поближе, взглянул в глаза Гаральда и тихо сказал:

- По твоим разговорам я понял, что ты уже не в первый раз посещаешь эти места, что влечет тебя к ним?

Гаральд отложил кисти, молча смотрел в глаза Аль Фарада, он не знал, можно ли ему, исламскому мудрецу, рассказывать о святынях христианского мира? Взгляд суфия был светел и чист, глаза были полны покоя и доброты, и Гаральд понял – он должен рассказать все, и Аль Фарад, возможно, даст ему совет, который поможет исполнить то, ради чего живет он на этом свете.

Он рассказал все: и то, как встретил странного путника в горах, как путешествовал в поисках тайных знаков, как повстречал Розалину, и как рыцари-тамплиеры убили всех его близких, о том, что направлялся он в Кесарию, где надеялся отыскать рукопись Антония с речами Иисуса Христа, которых не коснулась рука переписчиков и составителей Евангелия.

Суфий слушал внимательно, и когда Гаральд окончил свой рассказ, произнес:

- Библиотека Кесарии сгорела, никаких рукописей там не осталось, не было и тайных подземных хранилищ, но рукопись, которую ты ищешь, уцеле-

ла. Еще до пожара часть документов была передана в дар Александрийской библиотеке.

- Но и она горела, – ответил Гаральд.

- Да, многие книги утрачены, но эта рукопись сохранилась. Я знаю еще о двух документах: Евангелии Мира Иисуса Христа от Иоанна, ученика его, и письмо Понтия Пилата кесарю Тиберию, но эти рукописи попали в руки тамплиерам, а та, о которой говоришь ты, она у меня.

- Как?! – удивленно воскликнул Гаральд. – Те донесения, которые писал Антоний своему начальнику, Понтию Пилату, здесь, у тебя?

- Да, они у меня, я передам их тебе, и ты исполнишь свой долг.

- Но как выбраться мне отсюда? – грустно произнес Гаральд. – Бежать? Но стражники схватят меня, да и бежать без моих друзей я не стану, а они не пользуются теми привилегиями, которые доступны мне, только я могу свободно покидать дом Джафара.

- Будем ждать, когда провидение предоставит случай, Аллах не оставляет в беде тех, кто исполняет промысел его, и сюда ты попал не случайно, ведь именно здесь находится то, что собирался искать ты в Кесарии. Но рукопись эта таит страшную опасность, не зря за ней так охотятся тамплиеры.

- Что же там написано, для кого опасна она?

- Правда, – ответил суфий, – та правда, которую поведал Аллах Магомету, которая записана в Коране: *«Аллах наложил печать на них за их неверие и за их слова: "Мы ведь убили Мессию, Ису, сына Марйам, посланника Аллаха" (а они не убили его и не распяли, но это только представилось им; и, поистине, те, которые разногласят об этом, - в сомнении о нем; нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предложением. Они не убивали его, - наверное, нет, Аллах вознес его к Себе: ведь Аллах велик, мудр!»*

- О ком сказано это? – спросил Гаральд. – И как это понимать?

- Иса, сын Марйам – это тот, кого вы называете Иисус, сын Марии, названный Христом, спасителем. Антоний подтверждает то, что написано в Коране, он не был распят, а если не было распятия, то не было и воскресения. И тогда христианская религия, которая возникла через триста лет после тех событий, теряет основу свою. Это опасно для иерархов церкви, и они сделают все, чтобы уничтожить того, кто этой рукописью владеет. Готов ли ты до конца выполнить свой долг?

- Готов, – без колебаний ответил Гаральд, – я потерял уже своих родных, и я пойду до конца, чего бы это мне не стоило.

- Тогда возьми, вот то, что искал ты, что ищут тамплиеры, вот они, доклады Антония Понтию Пилату.

Аль Фарад снял с полки шкатулку и протянул ее Гаральду. В ней лежали листы пергамента, исписанные письменами на неизвестном Гаральду языке.

- Ты хранил это здесь, у всех на виду?! – удивился Гаральд.

- То, что лежит на виду, менее всего привлекает внимание.

Иисус Назареянин

Когда Иисус Назареянин явился к Пилату по его приказу, переданному через Антония, прокуратор поднялся с кресла и сделал шаг навстречу.

- Это ты Иисус, которого называют Христом, Спасителем? – спросил прокуратор.

- Так люди называют меня.

- О тебе говорят, будто ты родом царь Иудейский, и претендуешь на престол Ирода? Ты жаждешь власти над этим народом?

- Кто тебе говорит такое? – ответил Иисус.

- Говорят те, которые слушают тебя.

- Но я ничего такого не говорил, да, мой род ведет свое начало от царя Давида, но я не стремлюсь к земной власти, мой удел – Царствие Божие, я хочу указать людям этот путь, путь к истине, – ответил Иисус.

- Ты знаешь путь к истине? А что такое истина? Где она?

- Истина проста, истина в том, что светит солнце, что зеленеет трава, что птицы щебечут, познай мир – и ты познаешь истину. А путь к истине – это любовь, только любовь укажет дорогу к истине, только любовь творит этот мир, ненависть – разрушает.

- Значит, любить нужно всех?

- Да, всех, в том числе и врагов своих.

- И если враг придет, чтобы убить тебя, ты не станешь ему сопротивляться? Ты не сможешь убить врага, потому, что любишь его, тогда он убьет тебя.

- Сопротивление врагу и любовь к нему – это разные вещи, любовь не предполагает бессилия и покорности, любить врага – еще не значит покориться ему. Можно любить человека, но осуждать то зло, которое он совершает.

- Значит ли это, что призывы любить врагов своих не помешают поднять меч против Рима? «Не мир пришел я принести, но меч» – не твои ли это слова? Как велишь понимать их?

- Я никогда не произносил этих слов, я говорю – «Поднявший меч, от меча и погибнет», я не призываю к восстанию против Рима и остерегаю тех, кто хочет поднять народ против римской власти.

- Считаешь ли ты, что римская власть несет благо вашему народу?

- Нет.

- Нет? Ты не считаешь власть римского кесаря благом, но выступаешь против тех, кто хочет избавиться от нее?

- А принесет ли благо народу кровь и смерть? Я учу людей строить Царство Божие на Земле, «Да будет воля твоя, да придет царствие твое на Земле, как и на Небе» – вот слова молитвы, которой учу я людей. Я учу людей познавать Бога в душе своей, Царство Божие в нас самих, и каждый может войти в него, если победит в душе своей жадность, алчность, ненависть и страх, если наполнит свою душу любовью.

- Что ж, я не стану препятствовать тебе в том, чему ты учишь людей, но ваши священники считают, что ты своим учением противоречишь тому, что записано в ваших Святых книгах, они хотят схватить тебя и предать суду, я могу помочь тебе покинуть эти земли.

- В моих речах нет противоречия заветам Моисея, но один прочтет книгу и истолкует по-одному, а другой истолкует ее по-иному. Слово записанное мертво, я учу людей слову живому, все, в чем обвиняют меня священники – пустое, но я не стану бежать, даже если и придется погибнуть мне.

- Воля твоя, – ответил Понтий Пилат, – а теперь иди, я более не задерживаю тебя.

Пустыня

Вся наша жизнь порой состоит из ряда случайностей, которые мы никаким образом не могли предвидеть, иногда эта цепь случайных событий отдаляет нас от цели, и чем более упорствуем мы в ее достижении, тем более отдаляется она от нас, делаясь нереальной, недостижимой, и мы понимаем, что цель, поставленная нами, либо противоречит Божьему промыслу, либо достижение ее таит некую опасность для нас, которую предусмотреть мы никак не могли. Но бывает, что, несмотря на кажущееся отдаление от цели, события, которые, казалось, препятствуют нам, приводят нас к цели более коротким путем, нежели тот, который мы себе наметили.

Так произошло и с Гаральдом, если бы не попал он в плен к пиратам, а благополучно добрался бы до Кесарии, то никогда бы не удалось ему найти рукопись, ради которой и отправился он в это опасное и трудное путешествие. Если все складывается именно так, как надо, то непременно должно произойти событие, которое позволит ему выбраться из плена, и событие такое вскоре произошло.

Гаральд проснулся среди ночи от тревожного ощущения, проснулся вдруг, ощутив какое-то неясное, смутное беспокойство, причиной тому был не сон, увиденный им, как иногда с нами бывает, нет, возникло ощущение реальной опасности. Он вслушивался в ночь, какие-то крики, шум доносились до него, Гаральд встал, подошел к окну, сквозь черноту ночи возникали, внезапно вспыхивая и вновь угасая, неясные блики света.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Аль Фарад.

- Беда. Мамлюки[9] восстали, – тревожно сказал он, – они убили Айюбидов[10] и всех, кто их поддерживал. Джафар убит, забирай своих друзей и уходи, другой возможности не будет.

- А как же ты? – спросил Гаральд.

- Меня не тронут, я суфий, я вне политики. Я дам тебе мальчика, Саида, он проводит вас до переправы через Нил, паромщик покажет тебе тропу, кото-

---

9 Мамлюки — военная элита средневекового Египта, состоящая из юношей-рабов тюрского и кавказского происхождения.

10 Айюбиды — династия султанов, правивших Египтом с 1171 по 1250 год, когда восставшие мамлюки свергли последнего султана этой династии.

рая приведет вас в Кесарию. Путь будет труден и долог, через пустыню и горы, держись тропы, которую тебе укажут, по ней ходят караваны с товарами, на пути есть родники и колодцы, да поможет Аллах тебе не сбиться с дороги.

Аль Фарад повернулся и направился к выходу, сделав знак Гаральду следовать за ним. Во дворе его уже ждали Жак и Жульен с лошадьми и оружием, Аль Фарад вручил Гаральду его меч.

- Вот Саид, он проводит вас, – сказал Аль Фарад, представляя стройного, хорошо сложенного юношу.

- И еще, – продолжал он, – запомните одну истину, истина эта проста, ее знают все, но мало кто придает ей значение, истина в том, что все люди смертны, все это знают, но живут так, будто жить предназначено вечно, и будто никто не спросит с них там, в ином, неведомом нам мире, за все, что творили они на этой земле. А теперь, прощайте, друзья, да хранит вас Аллах.

Когда они вышли за ворота дома, стояла тихая ночь, огромная, полная луна висела над самым кипарисом, освещая темный, мрачный город, где-то вдали слышались неясные крики, топот коней; зарева пожаров озаряли небо. Группа всадников проскакала мимо них, по соседней улице, и скрылась в темноте. Саид сделал знак следовать за ним, они двинулись, ведя лошадей за повод, ехать верхом было невозможно, лошади несли на себе нелегкую поклажу: воду в кожаных бурдюках, еду, состоящую из сушеных фиников, орехов и лепешек, овес для лошадей, и еще небольшой шатер, в котором свободно могли устроиться на ночлег и укрыться от непогоды три человека. Путь предстоял долгим, и возможность пополнить запасы еды и питья представится им не скоро.

Двигаясь по темным, освещаемых лишь луной да заревами пожаров, улицам, они вышли на окраину города, на широкую дорогу, ведущую к Нилу. Только к вечеру следующего дня достигли они его берега, у самой реки стоял низкий, покрытый камышом домик паромщика. Сам паромщик, седой темнокожий, крепкого телосложения мужчина, встретил нежданных гостей настороженно, вооруженные люди, явно не похожие на торговцев, желающих переправиться через реку, в столь тревожное время ничего хорошего не сулят. Саид молча протянул ему записку.

По мере того, как паромщик читал ее, тревога на его лице сменялась умиротворением. Он пригласил путников к парому, который представлял собой

плот с четырьмя деревянными стойками по углам, через каждую пару стоек, перпендикулярно реке были продеты две веревки, соединяющие берега. Одна веревка служила для удержания плота от разворота при движении, вторая с закрепленным на ней деревянным рычагом служила для перемещения парома.

Паромщик, защемив веревку рычагом, потянул его, навалившись всем телом, паром нехотя двинулся, отделившись от причала, затем движение его стало быстрее, и паромщик уже не тратил значительных усилий, слегка подталкивая рычагом плывущий по инерции паром. После того, как они достигли противоположного берега, паромщик вывел путников на караванную тропу, объяснил, как нужно идти, чтобы не сбиться с дороги, пожелал им счастливого пути и вернулся обратно, не взяв платы за свою работу.

Мальчик Саид, который привел Гаральда к парому и передал паромщику записку, выполнив свою работу, ушел, но направился он не в дом Джафара, а на окраину города, где жил еврей-скупщик, по имени Бер Гаран, скупавший не только золотые и серебряные украшения, но и сведения о событиях, происходивших, как в окрестностях города, так и за его пределами. Сообщив Бер Гарану, что суфий Аль Фарад передал художнику шкатулку, в которой, по его разумению, находился некий важный документ, он получил от еврея несколько мелких монет и отправился в дом, где проживал в качестве раба. Продавая сведения еврею о том, что делается в доме Джафара, Саид надеялся скопить немного денег, чтобы купить себе свободу, не понимая, что уже продал себя, став информатором той могущественной структуры, о которой никакого представления не имел.

Бен Гуран отослал одного гонца с сообщением к погонщику мулов, Мусе, другого в порт, на корабль, который должен был отправиться в Кесарию.

Солнце уже клонилось к закату, Гаральд, Жак и Жульен разбили лагерь для ночевки не дожидаясь наступления темноты. Ужин был очень скромным, пришлось довольствоваться тем, что дарила им благодатная природа дельты Нила, то, что они взяли с собой, еще пригодится там, в пустыне, нужно будет еще кормить лошадей, лошадь – не верблюд, она каждый день требует пищи и воды, запасы которых везет на себе. Несмотря на то, что бежать пришлось неожиданно, без подготовки, Гаральд отметил, что, по-видимому, Аль-Фарад предусмотрел вариант неожиданного побега, и заранее подготовил все, что может пригодиться в долгом переходе через пустыню.

Хотя день был трудным, полным напряжения всех душевных и физических сил, до отчаяния, до истощения, уснуть Гаральд никак не мог. Шатер наполняло тихое сопение Жульена, к которому вскоре присоединился могучий храп Жака, но к Гаральду сон не шел, он лежал неподвижно, на спине, глядя в купол шатра. Подъем сыграли с первыми лучами солнца, быстро свернули шатер, погрузили поклажу на лошадей, и снова двинулись в путь. Пока он пролегал по дельте Нила, покрытой травами, кустарником тамариска, отдельно растущими пальмами и смоковницами, придерживаться дороги не составляло труда, вытоптанная многими караванами, широкая тропа петляла среди многочисленных озер, приходилось вброд преодолевать рукава, на которые разбежался великий Нил перед тем, как отдать свои воды Средиземному морю. Благодатная природа дарила путникам еду и питье.

Но через несколько дней пути зеленый ковер стал блекнуть, растительность начала редеть, и вот перед странниками возникло желтое, выцветшее море песка, над которым пылало раскаленное солнце, желто-красные скалы виднелись вдали, поражая и ужасая своим мертвым величием. Здесь тропа теряла свои четкие очертания, ветер и песок заметали ее, и дорога угадывалась лишь по положению солнца, да по очертаниям гор, и потерять ее, значит не дойти до того оазиса, где можно было бы пополнить запасы еды и питья, и тогда оставалось только одно – умереть.

Когда небольшой отряд путников добрался до гор Синайского полуострова, дальнейший их путь пролегал по каменистым руслам давно пересохших рек, они пролегали по мертвым долинам, где вместо буйной растительности плодородных пойм только камни да пески украшали эти унылые места. Днем стояла невыносимая палящая жара, а ночью путников донимал холод, спасением от которого был лишь небольшой шатер, да одно на всех одеяло из верблюжьей шерсти. Запасы еды и питья подходили к концу, но если они не сбились с пути, то, через три дня, по расчетам Гаральда, они должны были выйти к колодцу, к оазису, где можно было отдохнуть и пополнить запасы пищи и воды. Но прошло уже три, четыре, пять дней, а оазиса не было. Гаральд понял, что случилось самое страшное из того, что могло случиться – они заблудились, затерялись в этих бескрайних песках, где некому придти на помощь.

Первыми остановились лошади, они опустились на песок, отказываясь двигаться дальше. Жак снял с последней лошади кожаный бурдюк с остатками воды и напоил лошадей.

- Все, – сказал он, – воды больше нет.

Никто не возражал, чтобы последние капли воды он отдал этим бедным, измученным животным, верно служившим им на всем протяжении пути. Гаральд молчал, он мучительно думал, где они могли потерять тропу? Паромщик сказал им: «Когда достигните гор, идите по руслам высохших рек, из всех дорог выбирайте ту, что лежит левее». Гаральд так и поступал, но где он мог ошибиться? Ответа на свой вопрос он не находил, да и ответ этот не имел значения, поскольку уже ничего нельзя было изменить.

- Эх, – сказал Жульен, – если бы вы видели, какого фазана я приготовил вам на ужин вчера во сне!

- Спасибо, Жульен, – ответил Гаральд, – когда-нибудь мы непременно отведаем твоего фазана.

Сказал так, как будто это действительно могло случиться. Жак молчал, только тихо гладил тяжело вздымающиеся бока лошади, даже слезы не текли из его глаз, даже на это уже не было влаги. Ему было не страшно умереть, ему было отчаянно жаль лошадей, которые умирали на его глазах, умирали, доверившись людям, которые не смогли их спасти.

- Смотрите! Смотрите! – воскликнул вдруг Жульен. – Там оазис!

И все они увидели зеленые рощи пальм, там, вдалеке, где-то между небом и землей. Мираж дрожал, бледнел, и вскоре совсем растаял в раскаленном воздухе пустыни.

- Это был мираж, Жульен, – тихо ответил Гаральд, – так иногда бывает в пустыне, только мираж, и больше ничего. Оазиса нет, мы сбились с дороги.

Что же случилось? Что произошло? Почему, судьба, которая, казалось, уже привела их к заветной цели, вдруг изменила им? В чем была вина Гаральда? Почему провидение утратило свою благосклонность? Когда кажется, что цель близка, осталась только самая малость, только протянуть руку, и цель достигнута, когда ты уже вообразил себя избранником судьбы, вдруг происходит что-то, что меняет все представления и о себе, и о достижимости цели, и о мире, и о судьбе. И ты понимаешь, что ты – всего лишь песчинка в бесконечном многообразии бед, страстей и судеб, что цель твоя, возможно, не так и важна

для мира, для провидения, чтобы ты стал его избранником, что ты смертен, как и все прочие, Аль Фарад предупреждал тебя, а ты забыл, забыл что и твоя жизнь может оборваться так же внезапно, как жизнь любого из смертных, что смертью кончается жизнь всех существ на этой земле, и ты не исключение.

Да, я понимаю, я ведь не рассчитывал жить вечно, но почему здесь и сейчас? А как бы ты хотел умереть? Разве у тебя есть выбор? Выбирают жизнь, выбирают свою дорогу в жизни, а смерть не выбирают, и никому не дано знать, когда на какой дороге встретит она тебя.

Солнце село за красной горой, тьма окутала горы, наступил холод. Не было сил даже разбить шатер, они укрылись одеялом и смотрели в темное небо, усыпанное мириадами звезд, причудливо сплетающихся в созвездия. Сколько бед, сколько нелепых смертей видели эти звезды на своем веку! Но им, далеким и бесстрастным не было никакого дела до странников, затерянных в чужой земной пустыне. Сознание угасало, мысли уплывали куда-то в давние времена, в те зеленые благословенные страны, где нет этих безжизненных песков и гор, где есть живительная вода родников, где в реках плавают форели, и фазаны пасутся на зеленых лугах, где есть жизнь, мыслям не хотелось возвращаться к смерти, мысли угасали медленно, вспыхивая на мгновение и вновь уплывая во тьму.

Гаральд подумал, что рассвета он уже не увидит, но рассвет наступил, а они все еще были живы. Солнце согрело, но тепло не принесло облегчения, мысли, которые, казалось, уже угасли навсегда, вернулись к пустыне, к смерти. Глаза еще не утратили способность видеть, и то, что видели они, вызывало лишь боль и страдание.

Постепенно и зрение и слух утратили ощущение реальности, глаза видели далекий караван, уху слышались голоса погонщиков, они становились все громче, все ближе и ближе становились верблюды, и уже можно было различить сидящих меж их горбами людей, но Гаральд понимал, что в реальности никакого каравана нет, это только игра воображения, мираж, последнее видение угасающего сознания. Гаральд ощутил, как живительная влага коснулась его губ, он сделал глоток, потом второй, жизненные силы медленно вливались его изможденное жаждой тело.

Караванщик склонился над ним.

- Мы шли по другой дороге, – сказал он, – оазис уже совсем близко, за той горой, но вдруг возникло ощущение чьей-то беды, оно было так реально, что я развернул караван.

- Где я сбился с пути? – спросил Гаральд. – Мы все время шли по руслу, которое оказывалось левее, так мне сказали, где я ошибся?

Это был первый вопрос, который задал он караванщику, когда смог говорить.

- Дорога, по которой нужно идти, была перегорожена камнями, – ответил тот, – вот вы и свернули на путь, который не ведет никуда, если бы вы пошли по нужной дороге, то давно бы уже достигли колодца.

- Кто же проделал такую шутку с нами?

- Кто знает? Шайтан, он часто путает следы в пустыне, немало путников погубил он, только опыт и мудрость помогают избежать его ловушек, вы, наверное, впервые преодолеваете этот путь? Куда шли вы, бедные странники?

- Мы идем в Кесарию.

- Тогда нам по пути, – ответил караванщик, – но ваших лошадей придется оставить тут, они уже не смогут идти.

- Нет, нет! – воскликнул Жак. – Мы не может оставить их!

Он бросился на шею лошади, обнял ее, из его глаз впервые потекли слезы.

- Мы подумаем, что можно сделать для ваших бедных животных. Но тогда нам придется задержаться здесь пока лошади не смогут идти, если нашему лекарю удастся спасти их.

Когда и люди, и лошади немного восстановили силы, караван двинулся в путь, и через два дневных перехода они достигли оазиса. Так с караваном и с помощью Аллаха путники добрались до Кесарии.

Инквизитор

Отец Филат сидел в своем кабинете и ждал Гийома, Гийом опаздывал. Обстановка в кабинете инквизитора была скромной, выдержанной в темных тонах, ничего лишнего, простой дубовый письменный стол да бронзовый под-

свечник на нем, приспущенные шторы придавали кабинету особо мрачный и зловещий вид. С той поры, как пламя аутодафе охватило Розалину, инквизитор ни разу не спускался в розарий, где каждый цветок напоминал ему прекрасное юное создание, так безжалостно отправленное им на костер. Садовнику он также запретил ухаживать за розами, и некогда прекрасный розарий увял и зачах.

Но и это не помогло инквизитору избавиться от постоянно его преследующего образа девушки в красном платье с розой, приколотой на груди. Прошло уже более года, как дух ее оправился к небесам, но видение не оставляло его, оно не блекло со временем, а становилось все ярче, все навязчивее. С ним случилось самое страшное, что, казалось, никогда, ни при каких обстоятельствах, случиться с ним не сможет, в душе инквизитора поселилось сомнение в праведности своего служения, в том, ради чего он отрекся от мира страстей и посвятил всего себя служению Богу. Но нужно ли было Богу его служение?

Он молился, молился страстно, отчаянно, до полного изнеможения, но вместо образа Христа, являвшегося к нему ранее во время молитвы, он постоянно видел образ несчастного, загубленного им, отправленного на мучительную смерть прекрасного юного создания; образ Розалины, преследовавший его, не могла отогнать даже молитва. Временами ему стало казаться, что он сходит с ума.

Он не посещал более аутодафе, он не мог видеть страданий тех, кого приговаривал к самой страшной и мучительной казни. В каждой жертве ему мерещилась Розалина, которая молча, без крика и стона приняла свою смерть. Он не мог понять, откуда взялось столько силы и мужества у этого хрупкого, нежного, невинного существа?

И еще одно обстоятельство не давало ему покоя, в его жизни появилось еще одно существо – это его сын, его и этой несчастной, оскорбленной им девушки. Воспитывали его монахини монастыря святой Корнелии, отец Филат регулярно навещал младенца, он хотел воспитать его, как истинного католика, и, возможно, сын займет его место, примет из его рук должность инквизитора. Знали ли сестры, чей сын находится под покровительством инквизитора? Если и знали, или догадывались, то никогда об этом никому не скажут, одно нечаянно проронненное слово может привести любую из них на костер. Когда сын подрастет и не будет более нуждаться в женском внимании, его отдадут в мужской монастырь, и тайна навсегда останется тайной.

Наконец явился Гийом, он был спокоен, уверен в себе, и держал себя даже несколько развязано, тамплиеры, накопив немалое состояние ростовщичеством, вообразили, что именно они правят миром, ведь сам король числился у Гийома в должниках. Но инквизитор знал, что миром правят не короли, о той тайной власти, присутствие которой он всегда ощущал, он не знал практически ничего, он получал лишь неясные знаки, знамения, идеи, но в чьих головах эти идеи рождались, ему, облеченному немалой властью, было неведомо.

- Последнее время ты не отличаешься точностью, Гийом, – строго произнес инквизитор.

- Простите, святой отец, – ответил Гийом, – несколько задержался в дороге.

Назвав инквизитора «святым отцом», а не «Вашим преосвященством», как требовал того этикет, Гийом если не унизил инквизитора, то поставил его на одну ступень с собой, но инквизитор сделал вид, что не придал этому значения.

- Я пригласил тебя не для развлечений. Больше года прошло, как ты получил мое распоряжение следить за каждым шагом этого художника, который отправился на Святую землю. И где же он? Что тебе известно о его поисках?

- Я знаю, что он обращался к капитану нашего нефа, который отправлялся в Кесарию, капитан отослал его к командору пути, но больше к капитану он не явился. Мои люди доложили, что он отправился в Кесарию на дромоне, в составе конвоя торговых судов, но в Кесарию он не прибыл. Возможно, он утонул, когда шторм разметал корабли, а возможно...

- Мне не нужны твои предположения, – резко оборвал рыцаря инквизитор, – мне нужно точно знать, где он, нашел ли он рукопись, которую вы так безуспешно ищите уже который год. Вы упустили его, даже этого вы сделать не в состоянии!

Инквизитор знал от своих людей, что Гаральд попал в плен к пиратам, продан в рабство в Александрии, но дальнейшая судьба его была неизвестна. Он не стал говорить об этом Гийому, у инквизитора были причины не доверять тамплиерам, которые стремились выйти из повиновения и обрести самостоятельную власть.

- Твоя задача – перехватить его в Кесарии, если он там объявится, – сказал инквизитор, – только не упустите его, как год назад! Его нужно взять на

борт любого судна нашего флота, даже если ему нечем будет заплатить. Взять и доставить сюда! Но не силой, как вы привыкли, нужно чтобы он ничего не подозревал, иначе он уничтожит рукопись, если она у него, а если нет, то нужно дать ему возможность рукопись эту отыскать, раз уж вы не способны этого сделать! А теперь иди, и держи меня в курсе всего, что удастся тебе узнать.

Гийом поклонился и вышел. «Как изменился он! – подумал отец Филат. – Он считает, что деньги дают ему право так себя вести. Деньги – ничто, они ничего не значат, если нет реальной власти, власти идей».

Когда Гийом ушел, словно тень, возник перед инквизитором Астор, монах, один из немногих, кому инквизитор полностью доверял.

- Что тебе? – спросил инквизитор. Он знал, что тот по пустякам беспокоить его не станет.

- Ваше преосвященство, есть сведения от нашего человека, художник бежал из плена и собирается пересечь Синайскую пустыню, чтобы попасть в Кесарию. Видимо то, что мы ищем, уже находится у него.

- Он не должен добраться до Кесарии, – ответил отец Филат.

- Наш человек тоже так подумал, путь, по которому он будет идти, перегородили камнями, он пойдет по ложному пути, не доберется до оазиса, и непременно погибнет, тогда монахи спокойно возьмут то, что он нашел, и отправят тебе.

У инквизитора были свои люди практически во всех монастырях, расположенных, как в Европе, так и на Святой земле, это были не просто информаторы, это были те, кто знал цель и мог самостоятельно принимать решения, не зная при этом тех, кто цель эту определил.

Небольшое поселение Лариш, находилось на пересечении караванных путей, у берега Средиземного моря, на границе между Египтом и Иудейскими землями. На невысокой скале находилась пограничная крепость со своим небольшим гарнизоном, а у подножия раскинулся городок и довольно скромное монашеское поселение. Вместе с караванами прибывали в Лариш не только разнообразные товары, но сведения о событиях, произошедших в разных концах земли. Потому среди купцов, ремесленников, монахов и прочих жителей этого селения были и всевозможные осведомители, иногда передававшие сведения нескольким хозяевам. Монах, передавший донесение инквизитору, тоже проживал в этом поселке.

Информаторы Гийома

Мессир Гийом знал гораздо больше того, что он доложил инквизитору, и у него были свои соображения на этот счет. Тамплиеры создали мощную военную организацию, способную противостоять любому противнику, но не только военной силой обладали они, построенная ими кредитно-финансовая система давала им власть, которая выше власти военной, даже короли являлись их должниками. Но есть власть, которая выше власти меча и власти денег, эту власть дают знания, и знания эти были заключены в тех рукописях, за которыми так упорно охотилась инквизиция, которые искал и Гаральд.

Из разных источников, в том числе и из апокрифов, которыми владел Ватикан, Гийом знал, что рукописи эти могут легко разрушить ту основу, на которой зиждется католическая церковь, и символ веры, принятый на Никейском соборе, полностью опровергается той истиной, которую нес людям Христос. Если люди воспримут это учение, то могут навсегда избавиться от рабства, освященного церковью, извратившей истинное учение Сына Человеческого, вознесшей его с тем, чтобы принизить то, чему учил он людей.

Но тамплиеры стремились не к тому, чтобы истинное учение Иисуса Христа стало доступно всем людям на земле, обладание документами, обличающими ложь церкви и инквизиции, давало им власть и над инквизицией, и над самим Папой Римским, а через них и надо всем миром, где христианство, утвержденное императором Константином, сделалось господствующей религией. Власть идеи выше и власти денег, и власти меча, вооруженного мечом можно убить, можно отобрать и деньги у тех, кто ими обладает, но невозможно убить идею, возникнув однажды, она завладевает умами людей, проходят века, меняются поколения, но идея продолжает жить.

От одного из своих информаторов, разбросанных от Парижа до Иерусалима по монастырям, крупным городам и мелким селениям, Гийом знал, что странствующий художник уже обладает той рукописью, которую искал, и теперь добирается из Александрии до Кесарии. Знал об этом и инквизитор, но если задачей инквизитора было уничтожить Гаральда на этом трудном и опасном пути и завладеть документом, то Гийом был заинтересован в том, чтобы художник беспрепятственно добрался до порта и попал в руки тамплиеров вместе с рукописью.

Скромный, ничем не примечательный монах по имени Булл из монашеского поселения у городка Лариш[11], был тайным рыцарем ордена тамплиеров, информатором и исполнителем, он не удивился, когда паломник передал ему письмо, с просьбой вознести молитву Господу нашему за души странствующих и страждущих. Запершись в своей келье, он зажег свечу и поднес письмо к огню, держа его над пламенем свечи до тех пор, пока на листке не проступили строки, ранее не видимые. Письмо, текст которого был скрыт тайными, не видимыми знаками, требовало от монаха принять все меры к тому, чтобы странствующий художник и его спутники беспрепятственно добрались до Кесарии, если выпадет им трудный и опасный путь через пески Синайской пустыни. Прочтя послание, монах тут же сжег его в пламени свечи.

О том, что художник с друзьями следует из Александрии в Кесарию, имея при себе важный документ, Булл уже знал, задолго до того, как паломник принес ему письмо, написанное тайнописью, погонщик мулов из местного племени встретил Булла, когда тот шел к ручью за водой.

- Приветствую тебя, уважаемый Булл, – поклонился погонщик мулов, когда монах приблизился к нему.

- Привет, Муса, с чем пожаловал? – ответил Булл поклоном на поклон.

- Я пересек пустыню, чтобы донести важную весть до твоих ушей, о, многоуважаемый Булл! Я шел много дней и ночей, я торопился, мулы стерли свои копыта, пока я добрался до тебя.

- Ладно, ладно, – поторопил его монах, – говори скорее, какую весть ты принес мне, и я вознагражу тебя за старание. – Булл вытащил из широкой полы рясы пять серебряных монет и потряс ими перед носом Мусы.

- О, многоуважаемый Булл так добр к бедному погонщику, но не сможет ли его доброта добавить еще несколько монет к тому, что он предлагает?

- Вот, еще добавляю две монеты, – сказал Булл, – но говори быстрее, пройдоха, а то не получишь и этого!

- Мне велено передать многоуважаемому Буллу, что трое путников покинули Александрию и направляются в Кесарию, возможно сейчас они пересекают пустыню, – Муса изобразил поклон и глубокое почтение.

- И это все? – спросил монах. – Что мне с того, что трое глупцов сейчас идут через пустыню?

---

11 Лариш – одно из древних названий города Эль-Ариш, расположенного на берегу Средиземного моря.

- Если многоуважаемый Булл изволит добавить еще две монеты, то...

- Бог с тобой, – перебил его Булл, – вот тебе еще две монеты, говори все, что знаешь.

- Одному из них, странствующему художнику, известный всему миру суфий Аль Фарад вручил ларец с рукописью, которая заинтересует многоуважаемого Булла.

- Это все? – спросил монах.

- Все, – ответил Муса.

- Тогда бери монеты и проваливай! – Булл отдал деньги погонщику мулов, тот вежливо поклонился и ушел.

Однако Булл, поднимаясь от ручья к поселку, заметил, что Муса не ушел, отойдя на некоторое расстояние, он вновь приблизился к ручью, погонщик явно не спешил уходить и ждал еще кого-то. Булл затаился и стал наблюдать за Мусой, и вскоре увидел, как другой монах, по имени Августин, встретился с погонщиком мулов, и, судя по тому, сколько раз Августин опускал руку в карман своей рясы, Муса рассказал ему, возможно, даже несколько больше, чем Буллу. Чьим осведомителем был этот монах, Булл не знал, он стал следить за ним по возможности так, чтобы тот не заметил пристального внимания к своей персоне.

Булл исправно молился, исправно выполнял все работы, которые ему поручали, и слушал, слушал все, о чем говорят братья, наблюдал, кто с кем встречается, кто отлучается из поселка и по какой нужде, смотрел, слушал и делал выводы из обрывков фраз, подслушанных разговоров и действий братьев, настоятелей и паломников. Так он выяснил, что трое монахов, по поручению Августина, отлучались на длительное время для того, чтобы перегородить камнями дорогу, ведущую к оазису. Для тех, кто не впервые следует этим путем через Синайские горы, подобная преграда не сможет стать роковой, но тот, кто первый раз пересекает пустыню, может сбиться с дороги, уйти в сторону от оазиса и погибнуть, так и не добравшись до источника воды. Булл понял, те, кому служит Августин, решили погубить бродячего художника и его друзей и завладеть рукописью, его же задачей было обеспечить безопасный путь этих странников до самой Кесарии, но как он мог это сделать?

Булл постоянно жил в поселке и никогда не приходилось ему бродить по пустыне, но караваны с товарами частенько приходили в Лариш, они привозили

различные товары, которые приобретали и монахи для скромной, нетребовательной, безразличной к роскоши монашеской жизни, с ними приходили и паломники, направлявшиеся в святые места. Булл подробно расспрашивал караванщиков о пути, о тех трудностях, которые приходилось им преодолевать, возносил молитвы, прося Господа оградить странствующих от бед и напастей. И хотя не все караваны вели те, кто исповедуют христианскую веру, и мусульмане, и иудеи не возражали, чтобы христианский монах помолился за них, трудные, суровые условия пути объединяли людей, несмотря на различие религий.

Караванщики, подходя к оазису, высылают вперед такшифа, гонца, который оповещает жителей оазиса о том, что идет караван, и те встречают путников на расстоянии четырех дней пути до оазиса, привозят еду и воду, провожают путников до места, где те могут отдохнуть и набраться сил. Когда такшиф караванщика Абу Али прибыл в Лариш, Булл передал просьбу караванщику, присовокупив к ней мешочек золотых монет, чтобы тот вел караван к оазису не прямым путем, а через горы, по старому высохшему руслу, где трое путников сбились с дороги и ждут помощи, без которой погибнут, затерявшись в безжизненных горах.

Просьба, переданная через такшифа караванщику, обошлась Буллу не только тем золотом, что подарил он Абу Али, для того, чтобы караван смог проделать этот путь, Булл закупил у местного населения дополнительные запасы пищи, бурдюки для воды, нанял семь мулов, чтобы доставить караванщику все, что потребуется для более длительного пути, чем тот, по которому должен был следовать караван. Стоило это немалых денег, но тамплиеры щедро обеспечивали своего информатора, требуя при этом строгий отчет о расходовании полученных средств.

Кесария

Гаральд и его спутники очутились в городе, много веков назад построенном Иродом Великим на месте небольшого финикийского поселения, Стратоновой Башни, и названным в честь кесаря Октавиана, подарившего это селение

иудейскому царю. Но Ирод не был бы Великим, если бы не прославился строительством великолепных храмов и городов, и здесь, на месте Стратоновой Башни, он построил богатый портовый город, с молом, отгородившим уютную гавань от свирепых морских волн, высокими крепостными стенами и башнями, с широкой площадью для веселых народных гуляний.

Главным сооружением города был, конечно же, порт; два мола, северный и южный, с двух сторон охватывали бухту, в которой могли разместиться до трехсот пятидесяти судов. Высокие крепостные стены из серого камня поднимались из самой воды, мощные башни смотрели на море мрачными глазами бойниц, а на площади, у самого порта, где когда-то, по великим праздникам, шумели народные гулянья, расположился пестрый восточный базар.

Одежда путников за время перехода пустыни совсем обветшала и превратилась в лохмотья, и они решили подобрать себе что-либо подходящее на этом шумном, многоголосом торжище. Гаральд и Жак выбрали себе обычные, неброские серые дорожные костюмы, а Жульен приобрел роскошный наряд венецианского купца. Как ни отговаривал его Гаральд от этого, мягко говоря, не совсем удачного выбора, Жульен оставался непреклонен, роскошная, богатая одежда пленила его, как ребенка пленяет красивая игрушка, которая ему совершенно не нужна.

Остановились они, в ожидании попутного корабля, в доме бедного еврея, по имени Бен Гурион, принявшего гостей радушно и ласково, словно своих родственников, которых он давно не видал. И никто из них не мог и предположить, что этот гостеприимный хозяин убогой лачужки регулярно доносит обо всех своих постояльцах коменданту порта, мрачному рыцарю-тамплиеру, уже получившему указание отслеживать все перемещения странствующего художника и его спутников, если они вдруг объявятся в городе.

Оставляя Жака ухаживать за лошадьми, а Жульена готовить пищу, Гаральд ежедневно отправлялся в порт, выяснить, не отправляется ли какое-нибудь судно в Марсель, но время шло, а попутного корабля все не было. Все ждали, что скоро в Кесарию придет неф флота тамплиеров, но для Гаральда было бы не желательно самому лезть в лапы тем, кто за ним охотится, но иной возможности добраться до Марселя пока не предвиделось.

И вот однажды, прогуливаясь вдоль пристани, он заметил знакомый ему дромон, несомненно, это было то самое судно, на котором они отправились в

свое опасное плавание, прерванное появлением пиратских галер. Знакомый ему капитан деловито распоряжался разгрузкой дромона.

- Эй, Понс! – окликнул его Гаральд. – Рад видеть тебя живым и здоровым! Как тебе удалось сбежать от пиратов?

- Ба! Да это ты, художник! – отозвался Понс, бросившись ему навстречу. – Тебя ведь продали в рабство! Что, цепи оказались слабыми? Сбежал?

- Сбежал, – ответил Гаральд, – а как удалось убежать тебе, да еще вместе с кораблем?

- Убежать? Да я и не думал бежать! Разве от них убежишь! Меня выкупили, выкупили венецианцы, заплатив за меня и моих людей, а еще и за судно, так что я теперь служу им, венецианским купцам, хозяин щедро платит мне, и я вполне доволен. Когда я был свободным мореплавателем, временами приходилось туго, не всегда удавалось сделать удачный рейс, а теперь за все платит хозяин, и я на него не в обиде. Уж лучше работать на хозяина, который щедро платит, чем быть свободным и перебиваться с хлеба на воду.

- Ну, это как кому, – ответил Гаральд. – А сейчас куда плывет твой корабль?

- Как куда? – удивился вопросу Понс. – конечно же, в Венецию! Сперва на Кипр, потом мимо греческих островов, это гораздо спокойнее и безопаснее, чем плыть мимо африканского берега. Хочешь со мной? Давай! Места хватит и тебе и твоим спутникам, если они, конечно, живы.

- Живы, Понс, живы, и они и лошади, возьмешь?

- Возьму, и тебя, и твоих спутников, и лошадей тоже, – весело ответил Понс.

- Что-то ты щедрым стал, раньше оценивал выгоду от каждого груза, а теперь даже не спрашиваешь, сможем ли мы заплатить.

- А мне-то что? – ответил капитан. – Теперь пусть хозяин о выгоде думает, а мне вполне хватает того, что он платит.

Гаральд подумал, что отправиться в Венецию было бы неплохим вариантом, добираться оттуда до Фландрии сухопутной дорогой ближе и безопаснее, чем от Александрии до Кесарии. Он надеялся, что таким образом ему удастся избегнуть внимания тамплиеров, несомненно, получившим указание следить за ним. Он не знал, что благодаря доносу старого еврея, так радушно принимав-

шего гостей в своей лачуге, избежать слежки тамплиеров он не сможет, какой бы путь не избрал.

- Поторопись с погрузкой, художник, – сказал Понс, – отходим через три дня!

«Три дня – слишком много, – подумал Гаральд, – через три дня в порт должен прибыть неф тамплиеров, не хотелось бы попадаться им на глаза».

Вернувшись к своим спутникам, в тот же вечер Гаральд объявил им о своих планах.

- Вот, видишь! – воскликнул Жульен. – Не зря купил я этот костюм у старого грека!

- Да, не ори так, – ответил ему Гаральд, – и в этом костюме ты слишком заметен, а мне не хотелось бы привлекать чье-то внимание, кто знает, что ждет нас впереди?

- Да ерунда! – весело сказал Жульен. – После Синайской пустыни нам уже ничего не страшно!

- Я бы, на твоем месте, не веселился так, хотя прибрежные горы Адриатического моря не так суровы, как пустыня, – тихо сказал Гаральд, – беда может подстерегать там, где меньше всего ее ожидаешь.

Он сам не знал, как близок был к истине, старый Бен Гурион ухом прильнул к двери, ловя каждое слово, и тут же, несмотря на позднее время, побежал доносить коменданту порта о планах своих постояльцев.

Через три дня дромон Понса, взяв на борт Гаральда и его спутников, вышел в море, на выходе из гавани они встретили неф, с парусом, украшенным красным крестом – символом могущественного ордена тамплиеров. «Все-таки нам удалось избежать встречи», – подумал Гаральд, он не знал, что едва неф пришвартовался у причала, комендант порта уже сообщил капитану, куда отправились те, за кем ему было поручено следить.

Неф покинул гавань Кесарии значительно раньше, чем рассчитывал его капитан до того, как получил известие о планах Гаральда, он обогнал дромон Понса, не заходя на Кипр, и направился в Венецию более коротким путем, где высадил небольшой отряд, который должен был схватить художника и передать в руки святой инквизиции.

Бессмертные

В те, далекие от нас времена, от которых нам достались лишь мифы и неясные, на грани вымысла и реальности, легенды, страшная катастрофа, разразившаяся на земном шаре, поглотила могущественную цивилизацию, называемую Атлантидой. Но не все жители ее погибли, спаслись Бессмертные, те, кто правили миром до катастрофы, новым местом своего обитания они выбрали Египет, благодатную долину Нила, куда не дошел ледник, охвативший почти все северное полушарие, тут, в Египте, зарождалась новая цивилизация. Они, Бессмертные, обладали знаниями, недоступными людям, и люди почитали их как богов.

Они решили не делиться своими знаниями с людьми, ибо знания дают власть, власть над невежественной, темной, забитой толпой, которая должна работать в поте лица, чтобы обеспечить всеми земными благами их, жрецов, Бессмертных. Кто такие люди? Век их короток, они даже не помнят ничего о своих прошлых жизнях, они не достойны знаний, которыми обладают жрецы. Так решили они, так устроили они мир, мир, разделенный на господ и рабов, но и господам не открывали они всех тайн мира, даже фараон не получал и десятой доли тех знаний, которыми обладали жрецы.

Были ли они действительно бессмертны? Кто знает, но нам известно довольно много о богатых гробницах фараонов, о пышных погребальных обрядах, о мумиях правителей Египта, сохранившихся до наших дней, но никто никогда и нигде не видел могилы жреца.

Их было двадцать два, двадцать два иерофанта, способных видеть будущее, одиннадцать жрецов Верхнего и одиннадцать – Нижнего Египта. Проходили тысячелетия, разрозненные племена, жившие в разных концах Земли, начали узнавать друг о друге, развивалось мореплавание, торговля, мир менялся, и править, как прежде, иерофанты уже не могли. Для того, чтобы управлять всем миром, нужна была идея, нужны были люди, которые, находясь везде, во всех странах мира, покорно исполняли бы волю верховных жрецов.

Почему люди должны быть разделены на господ и рабов? Почему одни могут наслаждаться роскошью, а другие день и ночь должны тяжко трудиться ради блага тех, первых? Кто так решил? Они, Бессмертные? Но кто дал им право решать? Разве Бог не создал людей свободными? Ведь он дал людям разум и

волю, разве только для того, чтобы провести жизнь в страданиях и умереть голодной смертью? Почему Бог молчит, взирая на страдания людей? Но люди забыли Бога, они молятся разным богам, которых придумали сами, они поклоняются идолам, будто идолы могут изменить их жизнь.

И тогда Бог сказал Эхнатону, фараону Египта: «Разве мало я вам дал, одарив разумом и волей? Разве не дал я вам любовь? Почему же живете вы в ненависти, и убиваете друг друга? Ты правитель этой страны, сделай же так, чтобы люди под правлением твоим были счастливы, а для этого нужно так мало».

И тогда Эхнатон объявил, что существует лишь один Бог, и имя ему Атон, он написал гимны Атону, в которых превозносил любовь, он прекратил все войны, которые вел Египет, отстранил от власти жрецов, и приблизил к себе простых людей из народа. Он построил новую столицу, Ахет Атон, и отрекся от всех прочих богов.

Бессмертные поняли, что власти их приходит конец, они отравили фараона, разрушили новую столицу и вернули культы прежних богов. Но они знали, идею убить нельзя, она, возникшая однажды, уже не умирает, даже если убит тот, кто принес ее в этот мир, рано или поздно она вновь заявит о себе, и тогда власть Бессмертных падет. Все жрецы, и Верхнего, и Нижнего Египта собрались на большой совет. Каждый говоривший держал в руках шар, символизирующий Землю, власть над которой должна безраздельно принадлежать им, Бессмертным, когда он задавал вопрос, то бросал шар, и принявший его обязан был отвечать. Первым держал речь главный жрец Верхнего Египта, «Одиннадцатый».

- Страны Земли разделены горами, пустынями и морями, но по морям плавают корабли, караваны с товарами идут через горы и пустыни, и идея, возникшая в одной стране, может овладеть миром. У каждого племени на этой земле есть свои жрецы, они беседуют с богами, и кто знает, где и когда может возникнуть мысль о Едином Боге, одарившем людей волей, разумом и любовью, и тогда люди не захотят быть рабами у господ своих, они могут овладеть знаниями, которые сделают их свободными, и тот мир, который мы столько лет создавали рухнет. Что сделаем мы, чтобы не только сохранить свою власть здесь, в Египте, а и овладеть властью над всеми народами Земли? – говоривший бросил шар, и жрец, поймавший его, отвечал:

- Если идея Бога Единого непременно возникнет, то исходить она должна от нас, мы должны нести мысль о Боге Едином, и мысль эта должна утверждать, что именно он, Бог разделил людей на господ и рабов, – шар брошен.

- Но это не должен быть Атон, мы отвергли его и не можем называть Бога этим именем, – шар перешел в руки жрецов Нижнего Египта.

- Народ, несущий новую веру, не должен быть египетским народом, пусть это будет одно из племен, живущих на нашей земле, – шар вновь отдан жрецам Верхнего Египта.

- В городах Нижнего Египта, Пер-Атум, Пер-Рамзес и Иуну живут племена иудеев, кочевников, каким богам молятся они? – шар полетел обратно.

- Они сами пришли на наши земли и обязаны молиться нашим богам, но Эхнатон хотел сохранить идей Единого Бога, дав знание о нем этим племенам. Ра Мозес[12] из рода фараона должен вывести их из Египта, именно ему Эхнатон поручил передать идеи атонической религии иудеям, – шар отдан соседу.

- Мы подменим заветы Эхнатона, если он учил, что Бог есть любовь, то мы скажем – зуб за зуб, око за око – вот основной закон жизни. Мы заменим Ра Мозеса нашим человеком.

- Если Эхнатон назвал Единого Бога Богом Солнца, то пусть их богом будет бог Луны, Ях, на их языке он будет звучать, как Яхве.

- Бог создал небо и землю и все, живущее на земле, он создал людей и поселил их в раю, – шар взлетел и попал в руки жрецов Верхнего Египта.

- В Эдеме, на Востоке.

- Но люди нарушили завет Бога, и он изгнал их из рая.

- Что могли сделать они такого, что стали достойны изгнания?

- Они пытались обрести знания, а знания делают людей равными богам.

- Они съели плод с древа познания.

- Значит, знания они обрели? Каков смысл изгнания?

- Плод был не съеден, а лишь надкушен, полноты знаний у них нет, но они могли вкусить плод с древа бессмертия, и тогда воистину сравнялись бы с богами.

---

12 Зигмунд Фрейд в своей работе «Моисей и монотеизм» предположил, что Моисей не мог быть иудеем, воспитанным в семье фараона, он был из рода фараонов и имя его звучало как Ра Мозес – дитя Солнца, или в привычном нам произношении Рамзес. Он предположил, что Моисей был убит в пустыне противниками атонической религии, и его место занял некто из левитов.

- Это хорошо, – принял шар «Одиннадцатый», – теперь каждый человек от рождения несет на себе печать греха, и может быть лишь рабом бога, а значит и рабом господина своего тут, на Земле.

- Но народ, который понесет миру идею Единого Бога, Яхве, не должен быть рабом, это должна быть раса господ.

- Скажем, что Бог избрал народ иудейский, чтобы тот господствовал над всеми народами.

- Тогда нужна история этого народа, от первого человека, созданного Богом, до наших дней, нужно и пророчество о том, что ждет этот народ.

- Нужен Завет, который народ этот будет почитать, согласно которому он будет строить свою жизнь, свои обряды.

- Народу, который будет расой господ, нужны деньги, как получит он их, ведь тяжким трудом большие деньги не заработаешь? Да и раса господ не должна трудиться. Мы, что ли, должны содержать их?

- Пусть дают деньги в долг, в рост, требуя возврат с лихвой, дают в рост всем народам, кроме братьев своих, тогда над всеми должниками они будут господствовать, и цари должников будут строить их дворцы.

- У них должна быть и военная сила, чтобы завоевать земли, заселенные другими народами, но они кочевники, пастухи, а не воины.

- Дадим им племя левитов, лишь они смогут быть и воинами и жрецами для иудеев.

- Иудеи должны покинуть Египет и обрести свое государство, только так обретут они власть.

- Что толку нам владеть еще одним государством, нам нужен весь мир!

- Со временем государство их должно быть разрушено, а они, сохранив веру в Бога Единого, должны расселиться по всему миру, тогда и наше влияние распространится на весь мир.

После падения Иудеи и расселения жителей ее по всей планете, жрецы Верхнего Египта перебрались в Венецию, а Нижнего – в Геную, два города-государства, которые контролировали все торговые пути. Это позволяло жрецам распространить свою власть так, как не мог это сделать ни один правитель, ни один монарх.

Венеция

Поскольку дромон Понса прибыл из Венеции, то, естественно, большинство пассажиров судна были венецианскими купцами, одеты они были значительно скромнее, чем Жульен, а потому принимали его за важного господина, и так как, кроме фламандского и ломаного арабского, Жульен никакими другими языками не владел, то на все обращения к нему купцов на венетском он лишь важно кивал головой, чем укрепил их убеждения в значительности своей персоны. Гаральда и Жака они воспринимали как слуг этого важного господина.

Гаральд, потешаясь поведением Жульена, не стал рассеивать заблуждения венецианских купцов, находя данную ситуацию не только смешной, но и в достаточной мере полезной, к ним уже не приставали с расспросами, и путешественникам удавалось сохранить свое инкогнито. Понс понял игру Гаральда, и по мере возможностей, поддерживал ее, в разговоры вступал редко, и, поглядывая на них, лишь усмехался многозначительной лукавой улыбкой.

Ветер был попутным, дромон шел под парусами, и к вечеру того же дня они остановились в небольшой, тихой, уютной бухте Кипра. Маленький городок, над которым возвышалась построенная венецианцами крепость, казался тихим и безмятежным. В спокойной прозрачной воде плавали рыбы, удивленно поглядывая на борта судна, большая черепаха не спеша проплывала над самым дном, и стайки креветок метались, уворачиваясь от прожорливых рыб.

Купцы расположились на отдых в городе, а Гаральд, Жак и Жульен разбили на берегу шатер, подаренный им Аль Фарадом, Жак вывел с дромона по дощатому настилу лошадей, дав им отдых, питье и еду, а Жульен, взяв лук и стрелы, отправился в низкий лесок, добыть какую-либо дичь на ужин. Вскоре он возвратился, и, не хвастаясь своей добычей, молча, что бывало с ним крайне редко, взялся за приготовление пищи. Когда ужин был готов, он, созвав друзей, воскликнул:

- Помните, в пустыне я видел сон, что приготовил на ужин прекрасных фазанов? А ты, – обратился он к Гаральду, – сказал, что придет время, и мы непременно отведаем твое угощение? Так вот, – торжественно объявил он, – я предлагаю вам отведать то великолепное блюдо, которое я готовил во сне там, в Синайских горах!

И хотя у Жульена и не было под рукой всех необходимых для него специй, жареные фазаны оказались действительно великолепным ужином, проголодавшиеся путешественники с удовольствием поглотили его, всячески нахваливая кулинарные способности Жульена.

Пробыв на Кипре четыре дня, Понс вышел в море, направляясь на Крит, а оттуда, от острова к острову вел свой дромон к Адриатическому морю. Мягкий климат, покрытые буйной зеленью острова, с обилием дичи и чистыми родниками в горах, спокойные воды – все это притупило то острое чувство опасности, которое постоянно преследовало Гаральда и его спутников с того момента, как бежали они из захваченной мамлюками Александрии.

Когда благодатная, пестрая, многоголосая Венеция предстала пред ними, они были убеждены, опасность уже миновала, и решили, что преследования тамплиеров удалось избежать, воспользовавшись случаем, благодаря которому они благополучно разминулись с входящим в гавань кораблем под крестовыми парусами. Им и в голову не могло придти, что отряд тамплиеров уже ждал их в венецианском порту. Не могли знать они и того, что очутились в самом логове врага, именно здесь, в Венеции, находилась та, неведомая людям власть над миром, присутствие которой постоянно ощущал инквизитор.

Венеция, город-государство, контролировала всю торговлю Европы и Ближнего Востока, которая, после того, как влиятельная Византия пришла в упадок, переживала пик могущества и процветания. Именно сюда переместился центр управления мировой экономикой, именно здесь решались вопросы мирового устройства.

Иуда Искариот

Был вечер, когда Иисус отпустил учеников и остался наедине с Иудой, он хотел сказать ему то, что еще не говорил ученикам.

- Ты знаешь Писание, Иуда, ты изучал его, скажи, как считаешь, что в Писании от Бога, а что от людей? – спросил Иисус.

- Все, что написано в Святых книгах, дано нам от Бога, Бог дал Завет Моисею и пророкам до него, – так учат нас священники.

- В книге Иисуса Навина сказано, что Господь повелел ему убить всех жителей тех земель, куда пришел народ иудейский, ибо завещал он земли эти народу нашему. Может ли Бог, отец всех народов, повелеть одним убивать других?

- Но Бог избрал наш народ, потому все иные народы должны покориться нам, а кто не покорится, будут уничтожены, так сказано у пророка Исаии.

- Скажи, Иуда, ведь Бог один? Один для всех народов на земле?

- Один, – ответил Иуда.

- А, скажи, может ли отец избрать одних детей и стравливать их с другими, чтобы они, дети одного отца, убивали и истребляли друг друга? Разве поступает так отец с детьми своими?

- Как понимать твои слова, учитель? И как понимать то, что написано в книгах пророков?

- Книги писаны людьми, и не все в них от Бога, от Бога то, что несет любовь, ибо только в любви рождается все живое, и Бог – есть любовь, а то, что несет рознь и ненависть, то не от Бога, а от людей, людей недобрых. Помнишь, я рассказывал народу притчу о виноградаре, что нанял работников, обещая им платить по динарию, и заплатил всем одинаково, и тем, кто работал весь день и тем, кто приступил к работе и в обед, и после, и к вечеру? Те, кто работали весь день, возмутились, спросили, почему те, кто работал меньше, получают равную плату? Суть в том, что те, кто хотят быть первыми, будут последними, и если кто желает, чтобы иные строили стены его, как сказано у Исаии, сами станут рабами. Скажи, разве Бог желает унизить наш народ до рабов, возвысив его над прочими? Чтобы те, кто возомнили себя первыми, стали последними?

- Странные вещи ты говоришь, учитель, – ответил Иуда, – если сомневаться в писании, то где истина?

- Послушай, что я расскажу тебе, Иуда, народ иудейский, до того, как пришел в Египет, состоял из кочевых племен и не знал Бога Единого, а молился многим богам. Главным богом для них был Элоах[13], была и великая проматерь богов, Ашера, богиня любви и плодородия Астара, бог земледелия Баал, умирающий и воскресающий бог Таммуз, богиня охоты Анатбетэль. Когда предки наши пришли в Египет, египтяне тоже молились разным богам, впервые Бог дал откровение фараону по имени Эхнатон, который написал гимн единому Бо-

13 Элоах, Элохим или Элогим — это не имя собственное, слово это означает Бог, в исламе – Аллах.

гу Атону, запретив культы всех прочих богов. Он отстранил от власти жрецов, которых называли бессмертными и считали равными богам, они обладали тайным знанием, которым не делились даже с фараонами, ибо знание дает власть.

Во времена Эхнатона Египет не вел ни одной войны, на земле египетской процветала любовь, ибо открылась фараону великая истина, что только сила любви ведет к процветанию и благости. Но жрецы не хотели терять свою власть, и Эхнатон знал, что, когда его не станет, они вернут прежних богов и разрушат веру в единого Бога Атона. Потому решил он дать Завет Бога иудейскому племени с тем, чтобы вышли они из земли египетской и несли веру в Единого Бога в те земли, куда придут, и далее по всей земле. Завет был дан через Моисея, который не принадлежал к нашему племени, а происходил из рода фараонов. Но бессмертные подменили закон, данный Богом, совратили народ наш с истинного пути, они обольстили его властью над другими народами, чтобы через него, уверовавшего в избранность свою, править всеми теми землями, куда войдут иудеи.

Скрижали, на которых Моисей начертал слова Бога, были разбиты, а вместо них даны другие, на тех, первых, было начертано – «Бог есть любовь», а на тех, что были даны после – «Око за око, зуб за зуб».

- Но Моисей разбил скрижали во гневе на народ, который ослушался пророка, сотворил себе золотого тельца и стал молиться ему, а Моисей учил не сотворить себе кумира и не преклоняться перед идолами, – возразил Иуда.

- Народ не сам сделал это, золотого тельца отлил Аарон, назвавшийся братом Моисею, он сказал народу: «Вот ваш Бог, молитесь ему!». Аарон не был Моисею братом, он был подослан бессмертными, чтобы подменить Завет и убить Моисея.

- Разве Моисей был убит? – удивился Иуда. – Во Второзаконии сказано о смерти пророка много лет спустя, но до сей поры неизвестно никому, где покоится его прах.

- Скажи, Иуда, мог ли пророк Моисей, которого все почитали и знали, как человека кроткого и богобоязненного, унизить себя до гнева, разбить святыни, данные от Бога, приказать левитам убить людей, обольщенных тем, кто обязан был вразумлять их, а не соблазнять? Разве мечом убеждает пророк людей, а не словом Божьим? Разве мог тот, кто призван Богом нести любовь и просвещение, поднять меч на народ свой? Три тысячи человек были убиты тогда, мог ли

сотворить такое тот, кто нес людям заповедь «Не убий»?

- Но кто? Кто тогда? – робко спросил Иуда.

- Тот, кто пришел вместо Моисея, кто покрывал свое лицо покрывалом, чтобы люди не узнали его и не заподозрили подмены. Ведь не скрывал он лицо свое перед начальниками, которые были заодно со жрецами, задумавшими подменить закон.

- Моисей сказал, что от лица его исходит сияние, которое может напугать людей, так написано в писании, в книге Исхода.

- Сияние могло лишь убедить людей, что перед ними пророк, зачем было скрывать его? Только для того, чтобы не увидел народ, что перед ними не Моисей, которого они знали, а другой. Иного объяснения я не вижу, – ответил Иисус.

- Не знаю, чем возразить тебе. Не смею, но и принять слова твои мне трудно.

- Не смеешь? Или не находишь, что можно возразить мне? – спросил Иисус.

- Не нахожу, – тихо произнес Иуда.

- Если даже ты, читавший Завет, сомневаешься в словах моих, что скажут другие ученики на слова мои? Потому не говорил это им, они еще не готовы, чтобы уразуметь то, что я говорю, потому говорю тебе, а не им. Но я должен донести это до других.

- До кого же хочешь ты донести сказанное мне? Кто, кроме меня, может уразуметь тебя?

- Первосвященники, Анна и Каиафа. Они многое знают, они несут ответственность за судьбу нашего народа, но не ведают, какие беды уготованы ему. Только они могут изменить путь, предначертанный нам бессмертными, путь, ведущий в пропасть, они, как слепые, что ведут слепых, нужно, чтобы прозрели они, но не желают саддукеи говорить со мной. Ты, Иуда, был любимым учеником Каиафы, ты вхож к нему, можешь ли сделать так, чтобы он принял и выслушал меня? И, прежде всего, с Анной хочу говорить я.

- Я поговорю с ним, постараюсь убедить, чтобы выслушал тебя, – ответил Иуда. – Но какие беды грозят народу нашему?

- Жрецы, что подменили Завет, хотят сделать народ иудейский тем кнутом, которым понуждают рабов к повиновению, но, когда терпение рабов ис-

сякнет, они вырвут кнут из руки хозяина и сломают его, ведь самого хозяина, того, кто бьет их кнутом, они не видят. Государство наше разрушится, а народ расселится по всей земле, ведь все народы станут подвластны бессмертным, и кнут нужен будет везде. Потому-то и запрещено в книге Неемии, и во Второзаконии Моисеевом брать замуж дочерей иноземцев и отдавать своих дочерей гоям[14], и сказано, что лучший из гоев достоин смерти, чтобы не было дружбы между теми, кто должен стать кнутом и теми, на чьи спины этот кнут обрушится.

- Значит ли это, что весь народ иудейский должен стать войском и силою меча покорить другие народы? – спросил Иуда. – Но как возможно это, если государство будет разрушено, а народ рассеян?

- Есть сила более могущественная, чем сила меча, во Второзаконии сказано, чтобы иудеи не давали в рост ничего брату своему, но давали в рост иноземцам, с тем, чтобы покорились они иудеям, которые станут богаты, и гои сделаются должниками их. Тогда тот, кому должны, может диктовать свою волю тем, кто должен. Но не смогут все евреи в чужих землях жить так, чтобы не смешиваться с гоями, найдутся такие, что, несмотря на закон, будут брать в жены дочерей иноземцев, ибо жить будут на их земле, и не все смогут жить на их земле по своим законам. Тогда произойдет то, что произошло, когда левиты убивали братьев своих, ближних своих, левиты станут обрезать «сухие ветви», устраивая погромы силами тех, кто возненавидят иудеев за то, что те дают в рост и держат в повиновении их.

Священники, те, кто ведет народ свой, могут избавить его от этой страшной участи, если прозреют, и уведут людей с опасной дороги. Варавва хочет поднять восстание против римлян, священники, саддукеи, поддерживают его. Но ведаю я о том, что восстание будет жестоко подавлено римлянами, а государство наше навсегда перестанет существовать, этого и добиваются бессмертные, им нужно, чтобы власть их распространилась по всей земле, чтобы кнут везде доставал.

- Я понял тебя, учитель, – ответил Иуда, – я сейчас же пойду и поговорю с Каиафой, надеюсь, что смогу его убедить.

Иуда вернулся на следующий день, к вечеру, тяжелый, темно-красный закат висел над городом, низкие, темные тучи были обагрены пламенем заката, и

14 Гои – все, кто не принадлежит к евреям.

казалось, что налиты они кровью, которая вот-вот прольется с небес. Иуда поприветствовал учителя, но молчал, зная что тот ждет ответа.

- Что сказал тебе Каиафа? – спросил Иисус.

Иуда промедлил и тихо произнес:

- Он сказал, что разговаривать будет с тобой только тогда, когда тебя доставят к нему в цепях.

- Ну, что ж, я готов и на это, пусть меня схватят, закуют в цепи и доставят к Каиафе, лишь бы он выслушал меня.

- Но тебя станут судить судом синедриона, они предадут тебя на смерть.

- Они не смогут обвинить меня по Закону ни в чем, что подлежит наказанию, я знаю Закон не хуже их, по Закону мне не грозит смерть.

- Они могут найти лжесвидетелей и обвинить тебя в том, чего ты не совершал.

- Знаю, что подвергаю себя смертельной опасности, но если есть хоть один шанс из тысячи, что священники услышат меня и поймут, я должен его использовать, нет у меня иного пути. Пойди к Каиафе и скажи, что я согласен на его условия, пусть меня доставят к нему в цепях, скажи, что знаешь, где и когда они меня смогут взять, укажешь им на меня. Но с одним условием, чтобы прежде, чем отдать меня на суд синедриона, Анна выслушал все, что я скажу, выслушал, подумал, а уж потом принимал решение.

- Все будут считать, что я предал тебя, как жить мне после этого?

- Чтобы не считали тебя предателем, подашь им знак тайный, поцелуешь меня, и они будут знать, тот, кого ты поцеловал и есть Иисус из Назарета, которого ищут они.

Анна

Уже шестнадцать лет, как Анна оставил пост первосвященника, предыдущий прокуратор Валерий Грат отстранил его, назначив на эту должность зятя Анны Каиафу, сменив до этого трех кандидатов. Но ни один из тех, кого прокуратор назначал на этот высокий пост, ни Исмаэль, ни Элизар, ни даже Симон, не пользовались тем авторитетом среди народа, тем влиянием, которым обла-

дал Анна, двадцать лет бывший первосвященником Иудеи. Но вернуть его на прежнюю должность значило бы признать свое поражение в политической игре, да и Анна был независим, на него трудно было оказывать нужное влияние.

Первосвященник тщательно исполнял то, что было предписано евреям Второзаконием, давать в рост всем, кто не принадлежал к племени иудейскому, и не давать в рост брату своему. В результате двадцатилетней ростовщической деятельности Анны должниками его сделались все римские начальники, даже сам прокуратор, Анний Руф, задолжал первосвященнику немалую сумму. Предыдущие двое прокураторов, как и следующие после Руфа, чеканили свои деньги, что давало им определенную финансовую свободу, но Анний Руф своих монет не чеканил, а деятельность его на этом ответственном посту требовала значительных расходов. Вот и стал он должником Анны, потеряв не только свою независимость, но и возможность серьезного влияния на политическую жизнь Иудеи и Самарии, прокуратором коих он являлся. В результате, не продержавшись на этой должности и трех лет, он был отозван в Рим и заменен тонким и хитроумным политиком, Валерием Гратом.

После череды неудачных назначений, Валерий Грат предоставил должность первосвященника зятю Анны, Каиафе, сохранив авторитет Анны, а также обеспечив себе возможность влияния на политическую и религиозную жизнь Иудеи. Анна же, оставаясь в тени, официально пребывая в отставке, но, будучи членом синедриона, фактически являлся действующим первосвященником, полностью подчинив себе довольно слабого в политическом отношении и финансово зависящего от него зятя. Это не было секретом ни для кого в Иудее, потому-то и искал Иисус Назареянин встречи более с Анной, чем с действующим первосвященником, Каиафой.

Сгорбленный, усталый, с густой седой бородой, в шапке, сдвинутой на затылок и обнажавшей высокий лоб, в стеганом, шитом золотом кафтане, сидел Анна в кресле, когда Иисуса Назареянина провели к нему со связанными руками, с цепями на ногах.

- Вот, видишь, – сказал Анна Назареянину, – я сдержал слово, я выслушаю тебя, прежде, чем отдам на суд синедриону. Говори все, что хотел сказать.

- Пусть снимут с меня цепи и освободят руки, – ответил Иисус, – я никуда не сбегу, я сам отдал себя в руки стражников, и пусть оставят меня с тобой наедине, прикажи, чтобы они вышли, все.

- Развяжите его, снимите цепи и оставьте нас, – сказал Анна стражникам.

- Теперь говори, – продолжил он, когда стражники покинули покои Анны, – я слушаю тебя.

Иисус из Назарета рассказал все, что говорил он Иуде, Анна слушал не перебивая, и когда тот окончил свой рассказ, спросил:

- Чем докажешь, что все то, что говорил мне, правда? Что не придумал ты это? Может ли человек в здравом уме говорить такое?

- Мой ум здравее, чем ты можешь предположить, – ответил Назареянин, – ты хочешь доказательств? Кто может доказать то, что пророчества его истинны? Только время докажет, истинно ли то, что сказал я тебе. Но даже, если ты хоть на йоту сможешь поверить мне, то должен исполнить то, о чем прошу, если имеешь власть избавить народ от бед, то обязан сделать это, ибо великая ответственность на тебе за народ твой. А если не веришь мне, то об одном лишь прошу, не призывай людей к восстанию против Рима, останови меч, занесенный над народом твоим, ибо мир всегда лучше войны, не поднимай меча там, где можно миром решить.

- Уже сколько лет ожидает народ наш прихода Мессии, что избавит его от власти чужеземцев, Мессия пришел, настал час последней великой битвы, а ты хочешь остановить? Или не знаешь ты, что говорили пророки в книгах святых?

- Я знаю то, чего не знаешь ты, восставшему народу не победить Рима, много крови будет пролито на нашей земле, и царство иудейское вовсе прекратится, а народ наш сгонят с нашей земли и будут иудеи по всему миру рассеяны, не имея Родины праотцев своих. Не ведаешь ты того, а я ведаю.

- Отчего я должен верить тебе?

- Я рассказал тебе то, что написано в книгах недоступных никому, кроме тебя, хранителя Завета, я знаю, что было, и о том, что будет ведаю, вы, саддукеи, считаете, что люди сами могут определить свою судьбу, потому сделай так, чтобы не сбылись те беды, что предначертаны народу нашему теми, кто правит миром, кто именует себя Бессмертными.

- Я подумаю, – ответил Анна, – подумаю и приму решение, но чтобы я ни решил, это никак не избавит тебя от суда, одно лишь сомнение в истинности писания – есть грех. Эй! Стража! Уведите его!

Когда Назареянина увели, Анна вызвал зятя своего, Каиафу, и рассказал ему обо всем, что говорил Иисус. Выслушав Анну, первосвященник спросил:

- Как сам думаешь, правда ли все то, что сказал тебе этот бродячий проповедник? Откуда ему знать все, когда он сын плотника, и не принадлежит к роду левитов, коим одним дано право читать и толковать Святое писание?

- Как бы мы ни толковали Завет, думаю все, что сказал он, – истинно. А если так, то представляешь, с какими силами мы столкнемся, если исполним то, что просит Назареянин? Нас просто уничтожат, опасно становиться на пути тех, кто правит миром.

- Что же будет с народом иудейским?

- То, что предписано ему судьбой и пророками, судьбы избежать нельзя, что может один человек сделать против всего мира? Против тех, кто обладает властью выше нас? Назореянина нужно убить и забыть о его учении, забыть навсегда.

- Это говоришь ты, саддукей? – удивленно спросил Каиафа. – Разве не сам человек управляет своей судьбой?

- Если ты отпустишь Назареянина и попытаешься остановить восстание, то это будет последнее, что успеешь ты сделать в своей жизни. Кинжал сикария оборвет ее. Вот и выбирай судьбу свою с учетом всех обстоятельств.

- Так что делать с восстанием? Если и вправду оно обречено на поражение?

- У нас есть все шансы победить. Бог на нашей стороне. А если все пойдет не так, и восстание будет подавлено, так Варавва готовит его, он за это в ответе, он вождь, он потомок царей Израилевых, ему отвечать за все, что произойдет; мы не станем ему помогать, но и мешать не станем, стало быть, не будет ни в чем нашей вины.

- Ты отдашь Назареянина на суд? – спросил Каиафа своего тестя.

- Я тебе говорил, что мессия может быть только один, выбирай, кого ты считаешь мессией? Признаешь мессией Назареянина, не жить тебе на этой земле. А если мессия Варавва, Назареянина нужно уничтожить. Но, причем здесь я? Разве я первосвященник? Тебе принимать решение, ты и будешь его судить.

- Но суд не сможет ему предъявить обвинения, которые карались бы смертью, Назареянин знает закон не хуже нас, то, что он говорил тебе, и что можно толковать как навет на пророков и писания их, он говорил только тебе, более никто слов этих не слышал, даже я; кто сможет свидетельствовать против него?

- О, Каиафа! Мне ли тебя учить! Найди лжесвидетелей, обвини его в том, что это он, а не Варавва готовит восстание против Рима. И разве нет у тебя способа сделать так, чтобы он сам во всем сознался?

- Но пытки в суде запрещены Законом.

- Запрещены Законом? И это говоришь ты, первосвященник? Ты – Закон, кто есть над тобой? И кто сказал, что пытки нужно применять в суде? Разве не могут стражники без ведома твоего избить Назареянина в ожидании суда синедриона?

Венеция

Костюм венецианского купца, приобретенный Жульеном, который уже помог Гаральду избавиться ненужных расспросов, снова сыграл свою роль, позволив им избежать немедленного ареста тут же, на пристани. Тамплиеров Гаральд заметил еще во время швартовки, отряд из пяти рыцарей, в полном облачении, с крестами на щитах, уже стоял на пристани, ожидая, когда дромон отшвартуется, и начнется его разгрузка.

На счастье, лошади Гаральда, Жульена и Жака оказались не единственными на судне, в Венецию из Кесарии прибыло шесть арабских скакунов. Гаральд сказал Жаку, чтобы тот выводил лошадей на пристань вместе с арабскими скакунами, а сам, покинул судно, следуя за Жульеном в качестве слуги этого важного господина.

Тамплиеры, не знавшие в лицо тех, кого поручено было им арестовать, пользуясь лишь внешним описанием, и зная о том, что художник со спутниками путешествуют на лошадях, благополучно пропустили мимо Жульена и Гаральда, не обратив никакого внимания на одного из конюхов, сопровождавших девять лошадей. Не ожидая окончания разгрузки, Гаральд, Жак и Жульен быстро покинули причал, смешавшись с пестрой толпой.

Венеция – островное государство, все необходимое с материка доставлялось галерами, они же везли на материк товары, которые привозили купцы с Ближнего Востока и других стран. Галеры на материк отправлялись с дальнего причала порта, куда поспешили Гаральд и его спутники. Солнце уже клонилось

к закату, и у причала стояла последняя галера, которая сегодня уходила на материк. Погрузка заканчивалась, и Жульен крикнул еще издали капитану:

- Эй, там, на галере! Подождите нас!

Увидев важного господина, который, по-видимому, хорошо заплатит, капитан согласился принять их на борт. Жульен так вошел в роль, что покрикивал на Гаральда и Жака, которые безуспешно пытались заставить лошадей взойти на борт галеры. Бедные животные, устав от долгого плавания, наконец-то почувствовали под ногами твердую землю, и никак не хотели снова грузиться на судно. Жульен кричал, командовал, размахивая руками, а Жак, обняв за холку Ромину, лошадь Гаральда, поглаживая ее, тихо говорил:

- Ну, давай, дорогая, нам немного осталось плыть, не можем же мы оставаться здесь, на острове.

И Ромина, словно поняв его слова, опустила голову и шагнула на помост, ведущий на борт галеры, за ней последовали лошади Жака и Жульена.

Когда они причалили к низкому, заболоченному берегу, солнце уже скрывалось за горизонтом, озарив последними лучами редкие облака на темнеющем, обретающем легкий зеленоватый оттенок, небе. Гаральд вывел спутников на дорогу, ведущую на восток.

- Ты ошибся, Гаральд! – закричал Жульен. – Эта дорога ведет совершенно в другую сторону! Нам туда! – указал он рукой на западную дорогу.

- Дорогой мой, Жульен, – спокойно ответил Гаральд, – запомни, не всегда самая прямая дорога бывает самой короткой. Да и не думаешь же ты, что мы прямо в ночь отправимся в путь? Нужно найти безопасный и надежный приют на несколько дней, и безопаснее будет тот, что лежит подальше от нашего пути.

Обстановка требовала, чтобы они отправились в путь немедленно, ни минуты не задерживаясь, но лошади, подверженные морской болезни в большей степени, чем люди, требовали отдыха, им нужно было успокоиться и набраться сил. Путешественники остановились в небольшом предместье, в скромном подворье местного грека, живущего тем, что он за умеренную плату предоставлял приют паломникам и мелким купцам.

Тамплиеры, поняв, что пропустили преследуемых, обратились с расспросами к капитану, не было ли среди пассажиров художника и двух его спутников? Понс же, почуяв неладное, не стал выдавать Гаральда, ответив, что его не интересуют занятия пассажиров, не важно, мол, кто они такие, главное, чтобы

исправно платили деньги. Тамплиеры догадывались, что капитан что-то скрывает, и, несомненно, наши бы способ развязать ему язык, если бы он не пользовался покровительством своего хозяина, самого венецианского дожа[15].

Пока тамплиеры рыскали по всей территории порта, высматривая подозрительных людей, последняя галера уже отправилась на материк. Они обыскали все постоялые дворы на острове, а на следующий день, добравшись до материка, осмотрели ближайшие пристанища и тут, но до подворья старого грека у дороги, ведущей в страны, где жили венгры и словене, так и не добрались.

Когда путешественники устроились на ночлег, Гаральд сказал Жульену:

- Завтра, первым делом, тебе нужно сменить одежду, в этом костюме ты слишком заметен.

Но Жульен никак не хотел расставаться с роскошным костюмом богатого венецианского купца.

- Зачем? – удивился он. – Сам видишь, этот костюм уже не раз спасал нас от преследования тамплиеров!

- То, что спасло нас однажды, другой раз может только навредить. Путешествовать дальше в этом костюме опасно, а ты, как я погляжу, так свыкся с ролью важного господина, что, боюсь, ужин нам с Жаком придется готовить самим.

- Какие могут быть сомнения, мессир? – обиженно воскликнул Жульен. – Разве я когда-нибудь вас подводил? Разве кто-либо еще может приготовить еду лучше, чем Жульен? Можете быть уверенны, на голодный желудок ложиться спать вам не придется!

- И все же, – возразил Гаральд, – костюм придется сменить.

Молчаливый Жак, который до сих пор не вмешивался в спор, наблюдая за их перепалкой с видом старого мудреца, сказал:

- Гаральд прав, Жульен, я завтра же пойду в селение, подберу тебе что-нибудь более подходящее.

- Почему ты? – возмутился Жульен. – Я сам завтра сам пойду в селение и сам найду себе одежду.

- Ты собираешься идти прямо так, в этом костюме? – спросил Жак.

- А почему бы и нет? Когда важный …

---

15 Дож – глава средневековой Венеции, мэр города.

- Довольно, – оборвал его Гаральд, – пусть этим лучше займется Жак, ты слишком заметен, «важный венецианский купец», сейчас лишнее внимание нам ни к чему, думаешь, тамплиеры успокоились, не встретив нас в порту? Да они завтра же обыщут каждое селение, потому я выбрал это подворье, лежащее не на том пути, которым мы последуем, мы ничем не должны отличаться от местных жителей, потому сиди и не высовывайся, пока Жак не принесет тебе другую одежду.

Суд Пилата

Воспаленное солнце поднималось над городом, всплывая из багряной зари, что-то тревожное и неотвратимое ощущалось в этом мрачном восходе. До слуха Понтия Пилата донеслись какие-то звуки, шум голосов, кто-то препирался со стражей.

- Антоний! – кликнул Пилат своего помощника. – Что там происходит? Что за люди? Чего они хотят?

Антоний спустился вниз, во двор, и, через некоторое время вернувшись, доложил:

- Стражники Синедриона привели к тебе Иисуса Назареянина.

- Чего они хотят?

- Хотят чтобы ты судил его.

- За что мне его судить? Перед римским законом он чист, если считают его виновным, пусть судят по своим законам. Так и скажи им.

- Но они привели свидетелей, те говорят, что человек этот призывал к восстанию против Рима. Требуют, чтобы ты выслушал их.

- Хорошо, я их выслушаю.

Понтий Пилат спустился во двор, там стояли люди и шумно галдели, среди них стоял Иисус Назареянин со связанными руками и цепями на ногах. При виде прокуратора все стали говорить, перебивая друг друга. Прокуратор поднял руку.

- Тихо! Пусть говорит кто-то один.

От толпы отделился человек и стал говорить.

- Этот человек обвиняется в том, что подстрекал людей к восстанию против Рима, есть два свидетеля, которые слышали, как он призывал к бунту.

- Кто они? Пусть выйдут сюда, – приказал Понтий Пилат.

Из толпы вышли двое.

- Вот ты, – прокуратор указал та того, что стоял левее, – говори, что ты слышал? К чему призывал этот человек?

- Этот человек говорил, что он мессия, послан Богом, чтобы избавить народ от римского владычества. Он призывал поднять восстание против римских легионеров, перебить их и захватить город. Он говорил, что хватит платить дань Риму.

- Ты подтверждаешь это? – спросил прокуратор второго свидетеля.

- Да, именно так он и говорил, – подтвердил второй.

- Что ты скажешь на это? – спросил Понтий Пилат Назареянина.

- Они лгут, ровно ничего из того о чем свидетельствуют эти люди, я не говорил, я всегда призывал к миру, учил людей любви, и осуждал насилие, – ответил Иисус.

- Слышите? Что он говорит? – обратился прокуратор к свидетелям. – Почему я должен верить вам, а не ему?

- Но нас двое.

- Я проповедовал открыто, не таясь, меня слышало множество народу, – возразил Иисус, – спросите любого из них, и они подтвердят. То, что говорят эти двое – ложь.

- Я спрошу людей, что слышали твои проповеди. А сейчас уходите все. Оставьте его и уходите. Стража! Возьмите обвиняемого. Антоний! Иди к народу, объяви, чтобы все, кто слышали проповеди Иисуса Назареянина, пришли сюда для дачи свидетельских показаний. Сегодня к полудню они должны собраться здесь, перед дворцом.

Антоний разослал глашатаев по всему городу, они объявили, чтобы все, кто слышал проповеди Иисуса Назарянина, пришли до полудня ко дворцу Ирода дать свидетельские показания

Прокуратор ждал. К полудню никто не явился, уже наступил вечер, но площадь перед дворцом была по-прежнему пуста. Понтий Пилат приказал страже привести к нему Иисуса Назареянина.

- Почему никто не пришел, чтобы замолвить слово в твою защиту? –

спросил прокуратор. – Вот доклады моего человека, – он показал Иисусу листы пергамента, – здесь все, что говорил ты перед народом, если бы ни эти документы, я мог бы признать твою вину и казнить тебя, ведь никто, слышишь, никто не подал свой голос в твою защиту. Почему? Как думаешь?

- Люди боятся, боятся за себя, за своих близких.

- Они боятся меня?

- Нет прокуратор. Они боятся сикариев, тех, кто называет себя патриотами, тех, кто готов убивать всех, кто ищет мира с Римом. Люди верят, что придет мессия из рода Давида и поведет за собой народ, силой меча освободит его от римского владычества. Они считают мессией того, кто возглавит восстание, я же учил людей любви и миру. Люди слушали меня, ходили за мной, но теперь, когда я предстал перед судом Снидриона, и предстану перед твоим судом, каждый, кто будет свидетельствовать в пользу мою, рискует получить удар кинжалом в спину. Мессия может быть только один, и мессией признают не того, кто несет народу духовное освобождение, а того, кто освободит его силою меча. Я пытался не допустить восстания, для этого я отдал себя в руки Синедриона, я убеждал их, но все бесполезно.

- Нет, не все бесполезно. «Кто не с нами – тот против нас», так говорил Варавва. Ты не с ними, так будь со мной. Помоги одолеть восставших.

- Чем я могу помочь?

- По моим сведениям, восстание назначено на Пасху, когда в Иерусалим соберется множество народа со всех концов Иудеи. Войск, которые при мне, не хватит, чтобы подавить восстание. Я отправлю тебя к Ироду Антипе, в Галилею, ты ведь оттуда. Антипа уважает мудрецов, целителей, проповедников. Тебя он послушает, уговори его прислать войска на Пасху сюда, на помощь моим легионерам.

- Ты хочешь, чтобы я участвовал в подавлении восстания?

- Выбирай, ты с ними, или против? Если не с ними, то со мной.

- Я не могу быть с ними, но и против них не выступаю, нельзя допустить кровопролития. Ты видишь решение только с помощью меча, но есть сила, которая выше силы меча, нельзя управлять народом, рассчитывая только на силу оружия.

- Я воин, и доверяю испытанному средству управления: меч и копье – вот чем можно управлять этими варварами.

- Ты забыл о том, что управлять можно и деньгами, Анна, который был двадцать лет первосвященником, да и теперь им остается, имея полное влияние на своего зятя, Каиафу, ссужает деньги римлянам, даже третий прокуратор, Аний Руф был его должником. Давать деньги в рост и брать с должников проценты, разве это не средство управления? Деньги действуют сильнее меча. Священники требуют, чтобы каждый входящий в храм вносил пожертвование в половину серебряного шекеля, в ходу, в основном, римские деньги, золотые динарии, их меняют на шекели, затем динарии везут в Рим, где цена золота в два с половиной раза выше чем в Иудее, и покупают там серебро, которое здесь в два с половиной раза дороже, чем в Риме.

Сможешь одолеть денежные махинации силою меча? Но и это еще не все.

Чтобы управлять народом нужно знать его историю, от Авраама до наших дней, о тех войнах, что вели иудеи, о Эсфири и персидском царе. История народа определяет его будущее, мечом не сможешь ты переписать то, что было написано тысячи лет назад.

А что знаешь ты о религии иудеев? Ты молишься своим богам и мало заботишься о том, какие обычаи соблюдает народ, которым ты управляешь. Вера в то, что придет мессия и силою меча освободит иудеев от власти чужеземцев, сотни лет владеет умами и сердцами людей. Своим жестоким правлением, пренебрежением иудейскими святынями ты только укрепляешь эту веру. Восстание – это результат того, что ничего, кроме насилия, не можешь ты предложить народу, управляемому тобой.

- Может ты и прав, возможно, управлять нужно не только силою меча, но сейчас дело обстоит так, что только наличие войск может остановить безумцев, а ты не хочешь мне в этом помочь.

- Не хочу и не могу, прибытие войск в Иерусалим только озлобит народ.

- Я мог бы казнить тебя только за эти слова, за то, что ты отказываешься помогать мне, но я не сделаю этого, я пошлю с тобой Антония, пусть он говорит с Антипой.

Ирод Антипа

Ирод Антипа, сын царя Ирода и его жены, самаритянки Малтаки, не испытывал большой радости от того, что ему придется решать участь проповедника. Антипа не был религиозен, но имел склонность к различным суевериям, доверительно и трепетно относился к различным проповедникам и целителям, потому обстоятельства, вынудившие его казнить популярного целителя и проповедника по имени Иоанн, оставили неприятный осадок в душе тетрарха. Мысль о том, что ситуация может повториться, отзывалась холодком в желудке, дрожью в ногах и испариной на лбу.

Антипа, как впрочем, и все представители рода Иродов, был чрезвычайно влюбчив, и когда по дороге в Рим остановился у своего брата по линии отца, Боэта, то имел неосторожность без памяти влюбиться в его жену, Иродиаду, которая, как выяснилось, приходилась тетей обеим братьям. Брат Антипы, Боэт, обойденный более удачливыми претендентами на наследство, пребывал в опале и проживал в глухой провинции у Средиземного моря. Провинциальная жизнь тяготила его жену, тридцатилетнюю красавицу Иродиаду, и страсть Ирода была прекрасным поводом сменить провинциальное селение на дворец правителя Галилеи. Правда, на пути к осуществлению задуманного лежали два препятствия: первое – это законный муж Иродиады, развод с которым был возможен, согласно закону, лишь по его инициативе, а второе – жена Ирода Антипы, набатейская принцесса, дочь набатейского царя, Ареты. Брак был заключен по политическим соображениям, так решил отец Антипы еще при жизни, он надеялся, что брак между Иродом и набатейской принцессой поможет сгладить сложные, откровенно враждебные, взаимоотношения между Галилеей и Набатейским царством.

Когда муж Иродиады, престарелый Боэт, неожиданно умер, жена Антипы, опасаясь за свою жизнь, бежала к отцу, прихватив золото и драгоценности. Отец принцессы, воинственный царь Арета, счел оскорблением недостойное поведение зятя и двинул в Галилею войска, армия Ирода была разбита, и он обратился за миротворческой миссией к римскому императору. Таким образом, пылкая страсть тетрарха привела к военному поражению, вызвав недовольство народа, да и жениться на вдове брата, по иудейским законам, можно было лишь с том случае, если она не имела от него детей, а у Иродиады от совместного

брака с Боэтом была дочь, прекрасная Саломея.

Проповедник Иоанн, авторитет которого уважал Ирод, осуждал тетрарха за этот брак, и Иродиада добилась от мужа того, что он арестовал Иоанна и заключил под стражу в крепости Махерон. Но Антипа позаботился, чтобы содержание проповедника в крепости не только не отличалось строгостью, но и обеспечивало бы Иоанну достаточно комфортные условия, и он, втайне от своей жены, регулярно посещал узника, советуясь с ним по личным и государственным вопросам. Иродиаду раздражало такое поведение тетрарха, она настаивала на том, чтобы Ирод казнил Иоанна, но тот и слушать об этом ничего не хотел.

И тогда она пошла на хитрость. Тетрарх праздновал свой день рождения, праздновал он его во дворце крепости Махерон, построенном еще его отцом с размахом и роскошью, свойственной лишь ему; собрались знатные гости со всей Галилеи, Переи и окрестных земель.

- Я приготовила тебе подарок, – тихо, с загадочным видом сказала Иродиада, подойдя вплотную к тетрарху с нежной улыбкой.

Сердце Ирода замерло, он понял, что жена готовит что-то необычное, вид, с которым она сообщила новость, говорил о страсти, образы языческих богов Рима, несущие сладострастие и негу, всколыхнули его пылкое воображение, и он не ошибся. Медленной, воздушной походкой, едва касаясь пола, в зал вошла падчерица его, Саломея. На ней было легкое тонкое покрывало, под которым проступали контуры упругого, молодого тела, голову ее украшал венок из живых цветов. Она подошла вплотную к Антипе, чуть коснувшись бедром его колена, наклонилась и тихо сказала:

- Я буду танцевать для тебя, ты исполнишь мое желание, если танец понравится?

Ее нежный вкрадчивый голос, легкое дыхание, горящие нездешним светом глаза, – все это очаровало тетрарха, он не в силах был перечить ей, тихо, чуть дыша, он ответил:

- Да.

Саломея вышла на середину зала, где-то раздались звуки невидимых музыкантов, девушка сделала шаг. Стройная нога возникла, раздвинув складки покрывала, оттянутый носок обнаженной ноги повис в воздухе, не касаясь земли, затем нога опустилась на пол, Саломея сделала оборот, подняв руки к небу,

покрывало упало, обнажив ее стройное тело, едва прикрытое тонким, полупрозрачным радужным хитоном, танец начался. Она то бешено кружилась, то замирала, то взлетала, и, казалось, летела над землей, над головами зрителей, и не будь купола, венчающего зал, поднялась бы и улетела ввысь, в самое небо. Зал смолк, и все гости, не дыша, наблюдали за танцем.

Окончив танцевать, девушка подошла к Ироду, села ему на колени, опустив голову на плечо. Грудь ее вздымалась в дыхании, все еще сохранявшем бешеный, неистовый ритм танца, щеки раскраснелись, глаза горели.

- Ты готов исполнить мое желание? – спросила она.

- О, да! Все, все, что бы ты ни пожелала! Исполню все! Полцарства готов отдать тебе, о, прекрасная Саломея!

Тетрарх снял с себя тяжелое ожерелье, сверкавшее драгоценными камнями, и протянул девушке.

- О, нет! – засмеялась она, выскользнув из объятий отчима. – О, нет! Не это попрошу я у тебя!

Она отбежала в сторону, схватила со стола поднос и медленно, держа поднос на вытянутой руке, подошла к Антипе.

- Положи на этот поднос голову Иоанна.

Ирод побледнел. Шум в зале затих. Все замерли, ожидая ответа.

- Нет, нет, только не это, – еле слышно пролепетал Ирод, – ты не можешь такого просить.

- Отчего же не могу? – возразила Саломея. – Ты обещал исполнить мое любое желание.

- Почему?

- Я так хочу, – медленно, с паузой после каждого слова повторила она.

- Ну? – воскликнула Иродиада. – Что же ты молчишь, Ирод? Докажи, что ты достойный сын своего отца! Правитель не может отказываться от обещания, данного им. Эй! Стражники! Вы слышите? Пойдите и принесите на блюде голову этого проповедника!

Но стража не двинулась с места, все смотрели на Ирода, ждали его решения. Он не мог отказаться.

- Исполняйте, – еле слышно пробормотал он.

В зале раздался тяжелый вздох, вздох одобрения. Гости были поражены дерзостью и непреклонностью женщины, получившей полную власть над тет-

рархом, все с восторгом и ужасом понимали, что женщина, поставившая перед собой цель, может обрести власть не только над этим безвольным властителем, а и надо всем миром.

Вошел стражник с подносом, окровавленная голова проповедника лежала на нем.

Эта картина мгновенно предстала перед глазами Антипы. Стража ввела Иисуса Назареянина. Когда стало известно, что Иисуса приведут к нему, Иродиада потребовала казни проповедника, но Ирод и слышать об этом ничего не хотел, казнь Иоанна, к которой его вынудили хитростью и коварством жена и падчерица, повергла Антипу в глубокую депрессию, не покинувшую его до сей поры. Хотя религиозность и не была свойственна тетрарху, но вера в колдунов, чудотворцев, целителей и пророков говорила Антипе, что расплата за смерть Иоанна неминуемо придет.

- В чем обвиняют тебя? – спросил он Назареянина, когда стража ввела Иисуса во дворец, в зал, где на высоком кресле восседал тетрарх Галилеи и Переи, Ирод Антипа.

Иисус молчал, зато те, кто привел его, начали галдеть наперебой, обвиняя Назареянина во всех смертных грехах, Антипа жестом руки потребовал тишины.

- Отчего ты не отвечаешь? Я спросил тебя – сказал он Иисусу.

- Почему ты спрашиваешь меня? На мне нет вины, спрашивай тех, кто меня обвиняет.

Люди снова загалдели. И лишь один Антоний, возглавлявший небольшой отряд, что сопровождал Иисуса, стоял молча, скрестив руки на груди.

- Может кто-нибудь один объяснить мне, в чем обвиняют этого человека? Вот, ты, – обратился Ирод к тому, что стоял ближе всех, – говори!

- Он тайно подговаривал людей восстать против римлян, – ответил тот, к кому обратился Антипа.

- Что ответишь ты на обвинение, Назареянин? – спросил Иисуса тетрарх.

- Я говорил с людьми открыто, я учил их в синагогах и на площадях, все слышали речи мои, спросите любого здесь, в Галилее, что ответят вам они? Я учил людей любви, я говорил: «Любите ближнего своего, как самого себя», я призывал людей любить врагов своих, молиться за проклинающих и ненавидящих их.

- Говорят, ты воскрешаешь мертвых и исцеляешь больных? Творишь чудеса? – спросил Антипа.

- Не я, а Бог исцеляет, по вере людей и по молитвам моим.

- Сотвори чудо, и я отпущу тебя.

- Ты никогда не отпустишь меня, не ты правишь, а тобой правят, не можешь ты управлять народом, закон которого нарушаешь, ты взял вдову брата, блудницу, это она правит тобой.

Ирод Антипа уже слышал эти обвинения в свой адрес от Иоанна, он знал, что справедливы они.

- Этот человек – праведник, – произнес Ирод, – оденьте его в белые одежды и верните Пилату, прокуратору Иудеи, не мне судить его.

Антоний поднял руку и сказал:

- Ирод Антипа, тетрарх Галилеи, прежде, чем ты отправишь его обратно, выслушай меня.

- Говори, – сказала Антипа, я слушаю.

- Прикажи, чтобы нас оставили с тобой наедине, пусть все покинут зал.

- Выйдите все! – Ирод сделал жест, повелевающий всем удалиться.

Когда люди покинули зал, оставив тетрарха наедине с Антонием, тот сказал:

- До прокуратора Иудеи, Понтия Пилата, дошли сведения о том, что на Пасху, в ночь с субботы на воскресение, иудеи готовят восстание против Рима. На праздник соберутся люди со всех концов Иудеи, Галилеи и прочих земель к Иерусалимскому храму, зелоты заготовили оружие, в Вифлееме обнаружен один такой склад, но где гарантии, что он единственный? У прокуратора в Иерусалиме лишь небольшой отряд, он не сможет противостоять вооруженному народу.

- Что хочешь ты от меня?

- Прокуратор просил, чтобы ты дал ему свои войска. Нужно, если не подавить восстание, то хоть продержаться до прихода легионов из Сирии.

Ирод задумчиво смотрел на Антония, он не знал, что ответить. Отношения между прокуратором и тетрархом были весьма натянутыми, даже враждебными, Понтий Пилат недолюбливал Ирода Антипу, именно здесь, в Галилее, зарождалась смута, грозившая власти римлян. Прокуратор считал, что причиной этого было недальновидное правление сына Ирода Великого, который

больше заботился о своем личном благополучии, чем о благополучии управляемых им земель. Если он откажет прокуратору, то это никак не будет способствовать налаживанию отношений с римским наместником, а если отошлет войска в Иерусалим, то окажется беззащитным перед набатейским царством, с царем которого, Аретой, у него сложились откровенно враждебные отношения. Наконец, произнес:

- Если мои войска покинут Галилею, набатейский царь Арета может снова напасть на меня. Он не может простить мне то, как я поступил с его дочерью, моей бывшей женой.

- Ты сам виноват, у вас всегда были напряженные отношения с набатейским царством, отец твой женил тебя на набатейской принцессе, чтобы уладить эти отношения. А твое распутство только усугубило противоречия между Галилеей и набатейским царством.

- Это моя личная жизнь.

- У правителя не может быть личной жизни. Его жизнь принадлежит интересам государства. Но не ты правишь своим народом, по прихоти любовницы ты обезглавил Иоанна, а он пользовался большим авторитетом, используя его, ты мог бы укрепить свое положение.

- Не любовница она мне, а жена.

- Это ты так считаешь. Народ твой рассуждает иначе, ты взял ее в жены вопреки всем законам народа, которым управляешь. Как может правитель требовать соблюдения закона от людей, если сам нарушает закон? Иоанн предупреждал тебя, что добром это не кончится, а ты убил его. Римский кесарь разрешил тебе держать свое войско, чтобы охранять границы империи от набегов враждебных племен, а ты своим поведением создаешь проблемы и себе и римскому кесарю. Ждешь очередного восстания? Дождешься, что и твою голову поднесут на блюде какому-нибудь главарю мятежников, а может, и самому Арете, набатейскому царю, достойная будет плата за поруганную честь его дочери. Так что ответить прокуратору? Пришлешь войско в Иерусалим? Помни, что только вмешательство римских легионов спасло Галилею, когда Арета разбил твои войска. Тогда кесарь оставил тебе должность тетрарха, во второй раз такой милости не будет.

Агтипа не отвечал, он стоял пред Антонием, молча глядя в пол. Потом поднял глаза и сказал:

- В канун праздника я сам приведу войска в Иерусалим. Так и передай прокуратору.

Ирод Антипа сдержал слово, и его отношения с Понтием Пилатом, которые до этого были почти враждебными, наладились.

Западня

На следующий день тамплиеры, подробно расспросив капитана галеры, что отходила вчера последней с островов на материк, поняли, почему они упустили Гаральда и его спутников. Теперь они знали, что один из тех, кого они ждали, одет в костюм венецианского купца. Тамплиеры обшарили все ближайшие постоялые дворы, все места, где могли найти ночлег странники, но нигде их не обнаружили. Тогда они решили, что Гаральд не стал останавливаться на ночь, опасаясь преследования, и, несмотря на опасность движения ночью по неизвестной ему дороге, сразу же двинулся в путь. Тамплиеры бросились в погоню.

Тем временем, Гаральд, Жак и Жульен, дав отдых лошадям и себе, пополнив запасы еды, покинули постоялый двор грека только через пять дней. Жак, во время своего похода по близлежащим селам в поисках подходящего костюма для Жульена, узнал о том, что отряд рыцарей искал троих путников, один из которых одет, как богатый венецианский купец, но поиски, по-видимому, успеха не принесли, поскольку рыцари быстро, гоня лошадей рысью, поднимая облака пыли, умчались по дороге, ведущей на северо-запад.

Гаральд не торопился, однако понимал, что когда пыл погони у рыцарей спадет, они, поняв свою ошибку, либо вернутся, либо устроят засаду, зная, что по другой дороге Гаральд не пойдет, ибо только эта дорога ведет через узкий проход в горах, единственный на этом направлении. Потому, останавливаясь на ночлег, Гаральд каждый раз выставлял часовых, дежурили по очереди, примерно по два часа, время смены часовой определял сам, наблюдая движение звезд на небе, или по своим личным ощущениям. Пользоваться для отсчета времени свечой или лучиной, как было принято, Гаральд не рискнул, огонь мог выдать расположение лагеря.

Однажды ночью Гаральд, не дождавшись когда Жульен, отстояв свою смену, придет его будить, сам решил пойти и сменить часового, но обнаружил его мирно спящим под кустом. Огромная полная луна заливала бледным светом поляну, где Жульен, слегка похрапывая после сытного ужина, спокойно спал, положив под голову лук и стрелы, рядом лежал, аккуратно завернутый в тряпочку, кусок недоеденного жареного мяса. Разбуженный Гаральдом часовой вскочил, виновато моргая заспанными глазами.

- Простите, мессир, – невнятно пробормотал он, – я, кажется, немного задремал, виноват, накажите меня, я, я.., – он не находил слов, еще не осознавая до конца всю серьезность своего проступка.

- Я не стану тебя наказывать, Жульен, – спокойно ответил Гаральд, – но учти, часовой, уснувший на посту, может уже никогда не проснуться.

Жульен вздрогнул, сонливость прошла мгновенно, он представил, как острый меч тамплиера пронзает его, спящего безмятежным сном.

- И еще, – продолжал Гаральд, – ты выбрал не самую лучшую позицию здесь, на поляне, освещенной луной.

- Когда я заступал на пост, луна еще не взошла.

- Проспал восход луны, – а мог проспать и закат своей жизни, – назидательно подытожил Гаральд, – я понимаю, ты изголодался за время нашего путешествия по пустыне, но неужели память о голодных днях так терзает тебя, что ты решил не расставаться с едой даже на посту? А теперь иди в шатер спать.

Жульен ушел не забрав, то ли по забывчивости, то ли из чувства вины, еду, которой он хотел полакомиться на посту. Он улегся в шатре на мягкой постели из хвои, но до самого рассвета так и не сомкнул глаз.

Гаральд, приняв пост, внимательно осмотрел поляну, освещенную луной, и, не заметив ничего подозрительного, занял позицию в зарослях тамариска, скрытых в тени растущих перед поляной сосен. Вскоре до его слуха долетел неясный шорох, будто кто-то пробирался к лагерю, обходя поляну. Он вытащил из ножен меч, напряженно всматриваясь во тьму. Шорохи затихли, но через время повторились вновь.

- Кто это? – подумал Гаральд. – Зверь или человек? Походка слишком легка и осторожна для человека, но чем вызвана осторожность зверя?

Несмотря на то, что Гаральд прислушивался к каждому звуку, стараясь определить направление движения того, кто пробирался к лагерю сквозь кустарник, темная фигура зверя возникла перед ним внезапно. Это был крупный матерый волк. Он молча смотрел на Гаральда горящими, как два угля, желтыми глазами, он не убегал, не нападал, оценивая опасность, которую может представлять для него вооруженный мечом человек. Не двигался и Гаральд, сжимая в руке обнаженный меч. Стоило сделать лишь одно неверное движение, и зверь кинется на него. Дальше все решали мгновения – успеет ли Гаральд пронзить волка мечом раньше, чем тот вцепится зубами в его горло?

Обычно волк не нападает на человека, если для него нет смертельной опасности, Гаральд медленно опустил меч, сделав шаг назад, волк не двигался. Учуяв опасность, тревожно заржали лошади.

- Так вот зачем ты шел к нам, – тихо сказал Гаральд, – хочешь есть?

Он наклонился, поднял мясо, оставленное Жульеном, развернул его и протянул волку:

- Бери, ешь, и оставь в покое лошадей.

Волк втянул ноздрями воздух, ощутив запах мяса. Человек – не враг, он протянул волку еду, но взять ее из рук человека зверь не решался, он все так же стоял, опустив морду, заворожено глядя на кусок ароматного мяса. Тогда Гаральд положил еду на траву и сделал три шага назад, не выпуская из руки опущенный до земли меч.

Волк подошел, понюхал мясо и принялся есть, он ел не спеша, спокойно, он доверился человеку. Гаральд мог, воспользовавшись доверием зверя, убить его, но не стал этого делать, он был убежден, что нельзя обманывать ни детей, ни зверей, ни те ни другие не способны на вероломство.

Волк съел мясо, поднял на Гаральда свои желтые глаза, и, повернувшись, растаял во тьме.

Наутро, когда они вновь двинулись в путь, Гаральд, рассказав друзьям о ночном происшествии, распорядился оставить для волка на поляне еду. Так же они поступали на каждой стоянке, оставляя зверю мясо и кости, Гаральд считал, что так он обезопасит лошадей от внезапного нападения хищника, зачем воровать у тех, кто и так тебя кормит?

Путь, которым следовал небольшой отряд, проходил через леса, сосны и ели были перемешаны с лиственными деревьями, дорога то поднималась, то

вновь опускалась, преодолевая невысокие перевалы; и скалы хребта, видневшегося вдали, с каждым днем становились все ближе. Наконец путешественники подошли к ущелью; высокие, угрюмые утесы, как часовые, охраняли вход. Дорога, входя в ущелье, терялась во тьме, уткнувшись поворотом в скалу. Справа от дороги, у самых скал, поросших низким кустарником, печально наклонившись к дороге, стояло черное, высохшее дерево, искореженные, изломанные ветви его вознеслись к небу, словно застыв в последней мольбе. Дерево это на фоне яркой зелени казалось предвестником смерти. У подножия скал, у самых корней сухого дерева, громоздилась груда камней, поросших мхом.

Когда Гаральд с друзьями уже был у входа в ущелье, солнце еще висело высоко над горами, и, вроде бы, не было причин для остановки, но путь им внезапно преградил волк. Он возник неожиданно, ни Гаральд, ни Жак, ни тем более Жульен, не заметили, как, когда и откуда он появился. Волк стоял возле засохшего дерева и молча смотрел путников. Он, лесной хищник, владыка ночей, осмелился появиться перед людьми среди бела дня. Когда путники приблизились к нему, волк оскалился и глухо зарычал. Лошади заржали и дернулись, пятясь назад.

- Ах ты тварь неблагодарная! – крикнул Жульен, хватаясь за лук. – Тебя подкармливали, а ты на нас нападаешь! Да я тебя сейчас!

Но Гаральд жестом остановил его.

- Он не нападает, он не дает нам идти дальше, он предупреждает нас.

Волк сел, поднял морду к небесам и тревожно завыл.

- Да, – сказал Гаральд, – дальше идти опасно, зверь чует беду, нам нельзя входить в ущелье.

- Да это просто глупое животное! – возмутился Жульен – о чем он может нас предупреждать?

- Животные часто чувствуют то, чего не могут чувствовать люди, – отозвался Жак, поглаживая обеспокоенную появлением волка лошадь.

- Если тамплиеры решили устроить нам засаду, – сказал Гаральд, – то лучшего места для этого не сыскать.

Жульен возражал, бравировал, убеждая друзей, что тамплиеры уже давно прошли весь путь, и если и ждут их, то где-то возле замка Гаральда или виконта

де Ламбера, но чувствовалось, что бравада его напускная. Жак смотрел на дело иначе, он соглашался с Гаральдом, темное, узкое ущелье весьма подходит для засады, отряд, войдя в него, будет лишен возможности маневра или отхода.

- Если и есть тропа через перевал в обход ущелья, – сказал он, – то мы не пройдем по ней с лошадьми, по таким тропам могут ходить только козы.

- Кстати насчет коз, – вставил свое слово Жульен, – мы только что проходили мимо отары овец, там, на склоне ее пасет пастух и трое ребятишек. Наверняка они знают все тропы в этих горах.

- Ты прав, Жульен, – ответил Гаральд, – нужно вернуться и расспросить пастухов.

Они развернулись и поскакали назад, к пасущим стадо овец пастухам, Гаральд обернулся, волка у дерева не было, он исчез, словно растворился в пространстве.

Вскоре путники увидели отару, она паслась на широкой поляне, на склоне горы, немолодой крестьянин-пастух, с длинной седой бородой, сидел на камне, а мальчишки бегали вокруг овец, выполняя команды пастуха. Увидев путников, пастух поднялся и пошел им навстречу.

- Доброго дня Вам, – приветствовал его Гаральд, – да хранит Бог Ваших овец.

- И вам доброго дня, странники, – ответил старик.

- А скажите, – спросил Гаральд, – не видели ли Вы отряд рыцарей, что проходил по этой дороге?

- Да, мессир, видел, довольно давно, рыцари вошли в ущелье, только, думаю, там, в ущелье они и остались, – ответил пастух.

- Почему ты так думаешь? – спросил Гаральд. – Сам говоришь, видел их довольно давно, сколько дней назад, не припомнишь?

- Точно припомнить не могу, было то еще до того, как волк нашу овцу задрал, а овцу он задрал на прошлой неделе. Потом один рыцарь приходил к нам, все расспрашивал, не проезжали ли по этой дороге, – тут он сделал паузу, оглядев внимательно путников, – трое вооруженных всадников, не вас ли ждут они, мессир? Уж не разбойники ли вы? Ведь это те рыцари, что охраняют паломников, идущих в Святые места.

- Нет, старик, мы не разбойники, – ответил Гаральд, – я странствующий художник, а это мои друзья, но с рыцарями этими встречаться нам не резон. Скажи, нельзя ли как обойти это ущелье? Нет ли другой дороги или тропы?

- Дороги нет, а вот тропа есть, ведет она через тот перевал, – пастух указал рукой на седло перевала, которое едва маячило в дымке, на горизонте, – тропа крутая, и довольно опасная, верхом по ней не проехать, а пеши, если вести лошадей в поводу, пеши, пожалуй, можно пройти.

- Тропу нам покажешь?

- Покажу, конечно, отчего ж не показать, но те, рыцари, они тоже спрашивали, нет ли тут другой дороги? – ответил пастух.

- И что ты ответил им?

- Я ответил, что другой дороги нет, они ведь про дорогу спрашивали, а про тропу не спрашивали.

- Если они еще вернутся и спросят, не говори про нас ничего, – попросил Гаральд, – ведь ты мог нас и не видеть. Каждый день тут пасешь овец?

- Да, мессир, каждый день, но не всегда здесь, так что, мог и не видеть, – согласился старик.

Иисус и Пилат

Толпа ревела. «Распни его, распни! Отпусти нам Варавву!», – доносилось до прокуратора. Понтий Пилат спустился с трибуны, и крикнул стражников:

- Приведите ко мне Иисуса из Назарета!

Двое легионеров подвели Иисуса к нему.

- Слышал? – спросил прокуратор Христа. – Они требуют, чтобы я казнил тебя и отпустил им Варавву!

- Слышал. Но ты же знаешь, что моей вины нет, ты сам признал это.

- Я своего мнения не изменил, знаю, что ты не виновен в том, в чем обвиняют тебя, но ответь, почему они, те, которых ты учил любви к ближнему, которых ты учил любить врагов своих, требуют, чтобы я распял тебя и отпустил Варавву?

- Я учил людей жить по совести, не признавать кумиров, не преклоняться

перед идолами, а следовать промыслу Божию, не за вождем идти, а за правдой, но люди еще не готовы к этому. Им, обольщенным кумирами, привыкшим преклоняться перед идолами, проще следовать за вождем, чем самому отвечать перед Богом за деяния свои. Всю ответственность за свои поступки возлагают они на вождя. Зачем думать самому, если есть вождь? Он мудрее, он знает то, чего не знаем мы, он решит все за нас. Так считают они, вождь возьмет все грехи на себя, только он будет отвечать перед Богом, чтобы не случилось, вождь смертью своей, кровью своей искупит все грехи их, они же, слепо следуя за вождем, останутся чистыми и безгрешными перед Богом, ибо не сами выбирали свой путь, потому и не им отвечать.

Я же учу, что Бог дал людям, в отличие от зверей, свободу выбора, а вместе с ней и ответственность за дела свои. И никто, слышишь, никто и никогда ни жизнью, ни кровью, ни смертью своей не сможет искупить грехов иных людей, только сам человек, жизнью, кровью, смертью своей может искупить свои грехи, потому, как свободен он, а свобода предполагает и ответственность за выбор свой, за дела свои, ответственность перед Богом и людьми, и никто не может переложить ответственность свою ни на вождя, ни на кумира, ни на Бога. Как бы ни был высок престол вождя, он несет ответственность за себя и за тех, кто доверился ему, ибо, кому многое дано, с того многое и спросится. Но не может он снять ответственность ни с одного их тех, кто исполнял волю его, не сможет искупить грехи тех, кто шел за ним, ибо каждый из них – человек, каждому дана свобода выбора и ответственность за деяния свои. Не может также ни чьих грехов искупить и Бог, ибо он дал свободу выбора каждому, и однажды дав ее, уже не отберет, и каждый сам отвечает за дела свои.

Тяжек крест, который предлагаю людям я, вот и выбрали они Варавву, вождя, который возьмет на себя и искупит все их грехи. Но это ложный путь, хотя и кажется он им проще, но он ведет к погибели.

- Почему же никто из тех, кто поверил в тебя, кто ходил за тобой и внимал речам твоим, никто не подал голоса своего в защиту твою? – спросил Понтий Пилат.

- Их вера еще не окрепла, – ответил Иисус, – зерно, брошенное в землю, прорастает не сразу, нужно время, чтобы пробился росток сквозь почву, но семена брошены, и если мне не придется видеть всходы, то пожинать плоды будут пришедшие после меня.

- Я возвращаюсь туда, – прокуратор показал рукой на трибуны, – к первосвященнику и толпе, и если услышу хоть один голос в защиту твою, как бы ни был он слаб среди рева толпы, я отпущу тебя. Если нет – отпущу им Варавву, это их выбор, и им держать ответ.

- Уведите! – крикнул он страже.

Двое легионеров увели Иисуса Назареянина, и когда двери темницы уже закрылись за ним, прокуратор услышал:

- Я! Я подаю свой голос в его защиту! Ты слышишь меня, Пилат? Отпусти его, ты обещал, ты хотел услышать хоть один голос?! Это мой голос, ты услышал его!

Прокуратор оглянулся, за спиной стояла Клавдия Прокула, его жена, это она подала свой голос в защиту Иисуса из Назарета.

Звериная тропа

Заметить начало тропы, не зная ничего о ней, было практически невозможно, она брала свое начало сразу же за ручьем, неглубоким, но довольно быстрым, перейти который не составляло труда, но каменистые берега его не оставляли следов ни зверя, ни человека. Тропа поднималась по склону горы, петляя меж соснами, устланная многолетними слоями хвои, вытоптанная лапами и копытами зверей, она поначалу казалось вполне безопасной, как для пешего, так и для всадника, но Гаральд, предупрежденный пастухом, вел лошадей в поводу, опасаясь неожиданных сюрпризов.

Вскоре тропа привела путников к обрыву, и далее шла вдоль него, а внизу, в узком темном ущелье журчал ручей, тот самый, который преодолели они, ступив на эту тропу. Гаральду были знакомы подобные тропы в горах, одной из них он воспользовался, спасаясь от преследования тамплиеров, напавших на его родовой замок, он вел свой маленькой отряд осторожно, пробуя каждый подозрительный камень, прежде чем на него ступить.

Где-то вдалеке слышался шум воды, по мере продвижения путников, звуки падающей воды становились все громче, и вдруг после очередного поворота путь им преградил водопад. Потоки воды, срываясь со скалы, с шумом падали в

пропасть, в ущелье, рассыпаясь в мелкую водяную пыль, образующую туман окрашенный в розовый цвет лучами заходящего солнца. Тропа упиралась в этот туман и терялась в нем, не имея возможности свернуть в сторону.

Жульен издал неопределенный звук, означающий то ли удивление, то ли растерянность от столь неожиданного препятствия.

- Дальше пути нет, – заключил Жак, – вероятно мы сбились с дороги.

- Мы не могли сбиться, Жак, – возразил Гаральд, – мы все это время шли вдоль обрыва, и свернуть в сторону было просто негде, тропа не теряется, она проходит под водопадом.

- И что? Мы должны идти туда? – удивленно и возмущенно спросил Жульен, явно не желая приближаться к потокам беснующейся воды. – Да нас просто смоет в пропасть!

- Не смоет, – спокойно ответил Гаральд, – вода падает выше, она не задевает тропы, идите за мной, на некотором расстоянии, но не теряйте меня из виду.

Он сделал шаг вперед, в розовый туман, ведя за повод свою лошадь, Ромину, которая то ли не почуяв опасности, то ли полностью доверившись своему хозяину, спокойно последовала за ним. Водопад действительно падал над тропой не задевая ее, но мелкие капельки, образующие туман, делали камни мокрыми и скользкими, и идти следовало со всей осторожностью. Напоенный влагой водопада воздух освежил путников, сняв на некоторое время усталость долгого дня пути.

Когда они уже миновали водопад, солнце зашло за вершину горы, стемнело, и двигаться дальше было невозможно, но и остановиться на ночлег было негде. Слева от них только уходящие вниз, в пропасть, отвесные скалы, а справа крутой склон, поросший кустарником и деревьями, подняться по которому не было никакой возможности. Три сосны, вцепившись корнями в скалы, причудливо изгибаясь, тянулись кронами ввысь, к свету, словно стараясь вырваться из тесноты гор, раскинули они свои ветви над самой тропой.

- Будем ночевать здесь, – заявил Гаральд.

- Здесь? – изумленно спросил Жульен. – Но тут даже негде приткнуться, не то чтобы разбить шатер! Мы что, будем стоять всю ночь, опасаясь свалиться в пропасть?

- Привяжем к деревьям лошадей и себя, так и будем спать, прислонившись к стволам сосен.

Говорить о сне или каком-либо отдыхе в том положении, в котором очутились путники, не приходится. Как только дремота завладеет уставшим за время трудного и опасного перехода телом, расслабятся набрякшие мышцы, и ноги слегка подогнутся, веревка вопьется в тело, причиняя боль, и человек вновь вынужден будет напрягать ноги, чтобы избавиться от боли в пояснице.

- Меня словно на дыбу вздернули, – проворчал Жульен.

Ему никто на ответил, каждый как мог старался пережить эту долгую, тяжелую и холодную ночь. Так в полубодрствовании, полудреме и полубреду дожидались они рассвета. Перед самым рассветом стало еще холоднее, и когда первые лучи солнца едва осветили горы, и можно уже было различить тропу, отряд снова двинулся в путь.

Где-то около полудня, когда солнце уже высоко висело над горами, крутой склон справа стал понижаться, делаться более пологим, и, наконец, они вышли на небольшую поляну, на которую свернула тропа, отдаляясь от обрыва. Идти дальше просто не было сил, и они разбили шатер, в котором проспали остаток дня и всю ночь, даже не выставляя часовых. Не было причин опасаться того, что тамплиеры последуют за ними по этой тропе, если даже и обнаружат ее, им будет гораздо проще перехватить путников внизу, когда те уже спустятся с перевала.

На утро следующего дня, когда и люди и лошади уже как следует отдохнули, утолили голод и жажду, они снова собрались в путь, но все оказалось не так-то просто. Уставшие и измученные, устраиваясь на отдых днем, они не заметили того, что предстало перед ними следующим утром. Пока тропа шла над обрывом, несмотря на все опасности, которые подстерегали их на пути, сбиться с тропы было невозможно, свернуть было просто некуда, а здесь, с поляны, разбегались в разные стороны несколько троп, и какая из них ведет к перевалу, определить было невозможно. Сам перевал, который был уже достаточно близок, был не виден из-за высоких сосен, покрывших склоны гор, по одному из которых предстояло идти.

Гаральд был растерян, он не знал, что предпринять, каким образом определить нужную тропу.

- А, может быть, они все ведут к перевалу, – высказал слабую надежду Жульен.

Жак молчал, а Гаральд, несколько помедлив, ответил:

- Возможно и так, пастух нам ничего не сказал о том, что тропы расходятся, но может быть и совсем наоборот, и, выбрав неправильный путь, мы еще долго будем блудить в этих горах.

- Нужно попробовать подняться выше, возможно оттуда откроется вид, и мы сможем определить направление, – предложил Жак.

Пока они раздумывали и решали, как им следовало поступить, неожиданно, прямо перед ними, на поляне появился волк. Как и прежде, они не заметили, как и откуда он пришел, он возник словно из пустоты, из другого мира, хотя путники, увлеченные спором, могли попросту упустить момент его появления, а он спокойно стоял перед ними и молча смотрел желтыми глазами.

Удивительно было и то, что лошади, увидев в непосредственной близости от себя свирепого и опасного для них хищника, не выразили никаких признаков беспокойства; а волк, постояв некоторое время, убедившись, что люди заметили его, медленно повернулся, и также не спеша пошел по одной из троп.

- За ним, – сказал Гаральд, – он показывает нам дорогу.

- С чего бы это он стал показывать нам дорогу, мессир? – удивился Жульен. – Не лучше ли нам подальше держаться от этого зверя?

- Он уже однажды спас нас, – ответил Гаральд, – предупредив о засаде, нет оснований не доверять ему.

- Доверять дикому лесному зверю? – возразил Жульен. – Да, в своем ли Вы уме, мессир?

- Гаральд прав, Жульен, – отозвался Жак, – тем более, что кроме этого зверя довериться нам некому.

Волк остановился, словно прислушиваясь к их разговору, и продолжил путь только после того, как убедился, что люди пошли за ним. Идя за зверем след в след, к вечеру того же дня добрались они до перевала, и решили переночевать здесь, в лесу, не поднимаясь на безлесное, вылизанное ветрами, и продуваемое со всех сторон седло перевала. Волка не было, он исчез, исчез так же неожиданно, как и появился.

Наутро, оставив еду своему спасителю, они поднялись на перевал. Ветер не ощущался в лесу, а здесь, вырвавшись на простор, резкими порывами дул в

лица путников, словно стараясь сдуть с перевала непрошеных гостей, он гнал над ними рваные облака; седыми, влажными и холодными клочьями проносились они над самыми головами. Справа и слева от перевала поднимались скалы, покрытые мхом, травой и мелким кустарником, внизу, там, куда уходила тропа, склоны поросли лесом, состоящим из хвойных и лиственных деревьев. Спуск с перевала не представлял сложностей, тропа спускалась плавно, извиваясь между деревьями и кустами; и к полудню того же дня отряд уже спустился в долину, выйдя на ту самую дорогу, которая пролегала через ущелье, где их наверняка ждала засада.

Гаральд не знал, остаются ли тамплиеры в засаде до сих пор, или, поняв маневр их отряда, постараются перехватить их здесь, на дороге. Если раньше было ясно, что противник впереди их, то теперь они не знали, откуда может придти опасность, спереди или сзади.

А тамплиеры, понимая, что прошло уже достаточно времени для того, чтобы отряд Гаральда добрался до ущелья, направились к пастухам, подтвердить или рассеять свои подозрения.

Пастух, завидев рыцарей, скачущих к нему, почуял недоброе, он уже пожалел, что указал дорогу людям, у которых, видимо, были серьезные причины опасаться рыцарей-тамплиеров, но бежать было бессмысленно, и он, надеясь, что все еще обойдется, пошел навстречу всадникам. Командир отряда, спешившись, подошел к пастуху, и сурово, голосом, не принимающим возражений, сказал:

- Где те трое, что прошли недавно по этой дороге? Где они, куда ты направил их?

Пастух затрясся, замотал головой, пытаясь рассказать, что никого он не видел, но рыцарь был в ярости.

- Не знаешь, говоришь? Ты показал им, как обойти ущелье?

- Нет, нет, мессир, – невнятно ответил пастух, я никому ничего не показывал.

- Может ты забыл? – язвительно спросил рыцарь. – Мы поможем тебе вспомнить!

- А ну, вздерните его на этом дереве! – скомандовал он.

Двое рыцарей схватили старика, связали руки за спиной длинной веревкой, один конец которой перекинули через ветку растущего неподалеку орехового дерева.

- Ну, вспоминай скорее! – крикнул пастуху командир отряда.

Старик промычал что-то невнятное, рыцарь махнул рукой, и двое других дернули веревку, оторвав ноги старика от земли. Старик закричал от боли, повиснув на вывернутых руках, продолжая отрицать то, что видел кого-либо на этой дороге. Двое рыцарей принялись избивать его кнутами, но добиться ничего не смогли.

- Хватит, – сказал командир отряда, – опустите его.

Рыцари отпустили веревку и тело пастуха, как мешок, с глухим стуком упало на землю, командир отряда подошел к старику и пронзил его грудь мечом.

- Он врет, они были здесь, вот, еще свежие следы от копыт, – сказал он, – этот мерзавец показал им тропу, которая ведет в обход ущелья, а нам соврал, сказав, что другой дороги нет. Есть другой путь, через перевал. Вперед! Встретим их там, за перевалом!

Мария Магдалина

Магдалина с растрепанными, развевающимися по ветру волосами, обезумевшая от горя, стояла среди разъяренной, беснующейся толпы.

- Распни его, распни! – орала толпа. – Отпусти нам Варавву!

- Распни его, распни! – шамкала уродливая старуха беззубым ртом, разбрызгивая слюну.

На балконе стоял прокуратор Иудеи, Понтий Пилат, рядом с ним первосвященник, Каиафа.

- Успокой народ, – сказал прокуратор первосвященнику, – уведи толпу, иначе я дам команду своим воинам, они растопчут ее лошадьми, как бы не бесновалась толпа, Варавву я не отдам.

Каиафа молчал.

Толпа ревела. Она колыхалась внизу, под трибуной, сотни голов, сотни

глоток кричали одно: «Распни Христа! Отпусти нам Варавву!». Ни один голос не прозвучал в защиту Иисуса из Назарета. «Где же те, которых он учил любви?» – думал Понтий Пилат, глядя на эту безумную, беснующуюся толпу.

- Я, Понтий Пилат, прокуратор Иудеи, не нахожу вины Иисуса из Назарета! – крикнул Пилат, стараясь перекричать толпу. – Вы требуете казни невиновного и хотите отпустить того, кто готовит бунт против Рима, вы берете на себя вину за то, что произойдет, если я отдам на смерть Иисуса-проповедника и отпущу вам бунтовщика? На ком будет кровь невинная?

- Кровь его на нас и на детях наших! – раздался выкрик снизу, и толпа одобрительно загудела.

- Прекрати этот балаган! – сказал прокуратор Каиафе. – Прекрати! Войска готовы, они ждут. Ждут моего приказа, слова, жеста. Сколько народа там, внизу? Сотни? Тысяча? Две? У меня хватит воинов, чтобы перетоптать их лошадьми, изрубить мечами.

Каиафа молчал, толпа ревела.

Понтий Пилат повернулся и молча сошел с трибуны. Толпа, видя, что тот, к которому были обращены их крики, покинул трибуну, умолкла. Они не могли понять, что означает это, приняты ли их требования или отвергнуты?

Прошла минута, вторая, третья, а прокуратор все не возвращался, наконец, он вернулся, молча обвел взглядом притихшую толпу, и сказал Каиафе:

- Я отпускаю Иисуса из Назарета и отдаю на казнь Иисуса Варавву, которого называете вы царем иудейским, последний раз прошу тебя, убери толпу.

Каиафа молчал.

- Молчишь, первосвященник? Тогда я умываю руки, – сказал Понтий Пилат, – кровь этих людей на тебе. Эй, солдаты! – крикнул он стоящим рядом с толпой легионерам.

Толпа заколебалась и попятилась назад, люди почувствовали, что сейчас произойдет что-то страшное, но деваться им было некуда, площадь уже оцепили римские войска: впереди всадники, позади, во второй шеренге, пехота.

Первосвященник поднял руку.

- Не надо, прокуратор, – сказал он, – я знаю, что ничего не остановит тебя, я уведу толпу, но ты горько раскаешься в том, что сделал, что не уступил просьбе народа, не друг ты кесарю!

- Что, еще один донос? – усмехнулся прокуратор – Я верно служу кесарю

и доносов не боюсь, я не допущу восстания в подконтрольной мне провинции, я не так слаб, как ты думаешь, и крови не боюсь. Хочешь сохранить Варавву? Хочешь, чтобы я отправил на распятие проповедника? Он праведник, он не замышляет ничего против Рима. Распят будет Варавва, как бы ни упорствовал ты, как бы ни бесновалась толпа. Я так решил! Пусть лучше будет залита кровью эта площадь, чем вся Иудея.

Каиафа сделал знак рукой, толпа, недовольно ворча, начала расходиться, так и не поняв, кого отпускает прокуратор, а кого отдает на казнь, Понтий Пилат объявил свое решение Каиафе, и люди внизу не могли расслышать, что он сказал. Строй всадников разомкнулся, давая людям возможность уйти, вскоре на площади перед дворцом никого не осталось, и лишь одна Магдалина стояла безумная, с распущенными по ветру волосами. Она не понимала, что происходит? Кого отправят сейчас на Голгофу, Христа или Варавву?

Когда приговоренных к смерти повели к месту казни, толпа вновь собралась, сопровождая их; каждый из приговоренных нес на себе крест, на котором его должны были распять. Кто из них Иисус? Тот, второй, нет, третий. Третий. Магдалина неотрывно следила за ним глазами, она не могла понять, кто это, Христос или Варавва? Пыталась пробиться к нему, но толпа оттеснила несчастную женщину.

Нет, нет, она не даст распять его, она бросилась к нему, обняла, закружила в экстазе неистового танца, вот он, его глаза, но почему они не глядят на нее? Глаза его мертвы, они смотрят мимо, а бешеный танец все кружит и кружит их, мелькают лица людей, мелькает все вокруг, и никак нельзя вырваться из этого круга...

Танец был лишь в ее воображении, она так и не смогла пробиться сквозь толпу, осужденные молча шли, сгибаясь под тяжкой ношей, свою смерть несли они на себе.

Она видела, как его положили на крест, как вбивали гвозди в руки и ноги, потом под вой толпы кресты подняли. Магдалина взвыла, рвала на себе волосы, звала, просила, кричала.

- Замолчи, женщина, успокойся, – окликнул кто-то ее, – послушай меня, Мария из Магдала, уйди, это не он, не Христос, это Варавва, разбойник и бунтовщик.

- А, это ты, ты, Фома? – удивилась Магдалина, узнав человека, обратив-

шегося к ней. – А где Христос? Где?

- Христос жив, он у меня в доме, – ответил Фома, – он лежит, прикрытый плащаницей, на суде синедриона его избили, идем, омой его раны, помоги ему.

- Нет, нет, ты лжешь, – ответила Магдалина, – ты лжешь, чтобы успокоить меня? Я знаю, он там, на кресте, зачем ты солгал мне, зачем?!

Магдалина вцепилась в Фому, она кричала, плакала, царапая ногтями лицо и рвя на себе волосы.

Внезапно небо потемнело, тяжелая, черная туча накрыла и город, и людей, и толпу, стоящую на Голгофе, где три креста поднялись к небу с распятыми на них, изувеченными телами. Ударила молния, и хлынул ливень, толпа разошлась, ища укрытие от льющихся с небес потоков воды, и только Мария-Магдалина бродила по улицам города, вся промокшая, со слипшимися распущенными волосами. Она вопила, кричала, заламывая руки, обращаясь к кому-то там, наверху, за черными, проливающимися дождем тучами: «Почему, почему ты оставил его?!». Потом она успокоилась, села под стеной какого-то дома, и затихла.

Старый замок

Дорога, по которой шли путники, уже пролегала по знакомым Гаральду местам, здесь, в этих горах, он когда-то бродил с мольбертом, делая зарисовки чудесных видов, поразивших его своей необыкновенной красотой. Там, вдали, на холме, с левой стороны от дороги, возвышался старый, уже частично разрушившийся под воздействием сил природы, замок. Когда-то он принадлежал богатому, важному господину, имени которого уже никто не помнил, но давным-давно, в незапамятные времена, род его разорился и иссяк, строение, некогда величественное и неприступное, пришло в запустение и частично разрушилось, все еще сохраняя гордый, суровый вид. Но жилище, покинутое обитателями, заселенное лишь летучими мышами и птицами, вызывало страх, и редкий путник мог отважиться провести ночь в этом старом, полуразрушенном замке. День клонился к закату, и Гаральд решил остановиться именно здесь, где высо-

кие, все еще крепкие стены могут послужить неплохим укрытием от преследователей.

Но не успели они пройти и половины пути от дороги к замку, как услышали позади себя топот копыт, – отряд тамплиеров, гоня лошадей во весь опор, настигал их.

- Вперед! Быстрее! – подгонял Гаральд своих спутников, но лошади тамплиеров, хорошо отдохнувшие за время, проведенное в засаде, были быстрее усталых лошадей Гаральда, Жака и Жульена, расстояние сокращалось.

Тогда Жульен, придержал свою лошадь, и когда первый рыцарь поравнялся с ним, метким выстрелом из лука пронзил его грудь, Жак также замедлил бег своей лошади, давая возможность Гаральду оторваться как можно дальше от преследования, и воспользовался лассо, которым он, как старый лошадник, владел в совершенстве и постоянно возил у седла. Лассо со свистом сделало петлю, охватив всадника, достаточно приблизившегося к Жаку, короткий рывок, и всадник слетел с лошади, Жак пришпорил свою лошадь, волоча сброшенного рыцаря за собой.

Третий рыцарь направился прямо к Гаральду, держа наперевес копье, и когда, догнав Гаральда, он уже занес его для удара, произошло нечто, чего никто, ни преследователи, ни преследуемые, не ожидали. Из чащи кустов, растущих слева на холмах, серой молнией мелькнуло упругое быстрое тело зверя, волк кинулся на лошадь преследователя, та, мгновенно остановившись, встала на дыбы, сбросив с себя седока, и волк мощными клыками впился в горло рыцаря.

Стрела Жульена, лассо Жака и клыки волка позволили выиграть время, достаточное для того, чтобы путники смогли укрыться за стенами старого замка; с трудом они заперли старые, скрипучие, кованые железом и еще сохранившие прочность ворота, и отряд рыцарей остановился у самых стен, осыпая проклятиями и Жака, и Жульена, и неизвестно откуда появившегося зверя.

Тогда, в порту Венеции, Гаральд увидев лишь пятерых тамплиеров, решил, что это весь отряд, высланный для их встречи, но преследовали их не пятеро, а гораздо больше, сколько их было, никто определить не успел – трое с проклятиями гарцевали перед воротами, а справа и слева к ним подтягивались еще и еще, гул, топот, крики и проклятия становились все громче, было понятно, что их достаточно для того, чтобы обложить замок и начать осаду.

- Придется брать штурмом эти развалины! – донесся до путников крик одного из рыцарей.

Рыцари объехали замок вокруг, надеясь обнаружить брешь в полуразвалившихся стенах, но не нашли. Стены старого замка, несмотря на частичные разрушения, вызванные временем, ветрами и дождями, еще сохраняли свою неприступность, и могли бы выдержать длительную осаду, если бы осажденные имели достаточный запас стрел, еды и питья, но поскольку запасы эти были весьма ограничены, то падение гарнизона, запертого в этих стенах, перед превосходящими силами противника, было лишь вопросом времени.

Стемнело, и рыцари, не решившись начать штурм ночью, расположились лагерем у стен старого замка. Все ждали рассвета, рыцари для того, чтобы определить тактику действий, а Гаральд со спутниками для того, чтобы осмотреться и решить, как строить оборону. Ночь прошла без сна, тьма, окутавшая замок, была пронизана странными скрипами, шорохами, то ли стонами призраков, то ли криками ночных животных, населявших старое, давно покинутое людьми укрепление. За стенами замка слышались голоса тамплиеров, предвкушающих легкую расправу с запертыми в эту каменную ловушку путниками, откуда-то издалека доносился волчий вой.

Как только первые лучи восходящего солнца развеяли ночной мрак, и неясные тени внутренних строений приобрели четкие очертания, осажденные принялись исследовать замок. Постройки внутри замка, где когда-то располагались величественные покои господ и скромные жилища слуг, подверглись значительному разрушению, деревянные балки, на которых держалась кровля, большей частью прогнили, перекрытия обрушились, открыв доступ ветрам и дождям ко всем внутренним помещениям. Стены, некогда украшенные росписью, обвешанные гобеленами и картинами, представляли собой убогий, удручающий вид. Краски, кое-где еще сохранившиеся, но поблекшие, выгоревшие, придавали комнатам вид унылый и жуткий, обрывки истлевших гобеленов свисали со стен лохмотьями, несколько картин в изъеденных шашелем рамах, перекосившись, все еще висели на стенах, но определить, что было изображено на них, было попросту невозможно.

Но не это интересовало Гаральда, его больше беспокоило состояние оборонительных сооружений. Из четырех башен, расположенных по углам замка, дающих возможность вести обстрел штурмующего замок противника, только

южная сохранила винтовую лестницу, ведущую наверх, к бойницам, в состоянии, которое еще позволяло ей воспользоваться, в остальных башнях ступени отсутствовали в значительной части лестниц. То есть, отпор противнику можно было дать только в случае, если штурм начнется с южной стороны, прочие стороны, прикрытые северной, западной и восточной башнями, оставались незащищенными. Правда, только с южной стороны находился мост, который когда-то можно было поднять в случае осады, сейчас же он висел на заржавленных цепях, а механизм подъема пришел в полную негодность. Да и сам ров, местами засыпанный обвалившейся землей, уже не представлял той трудно преодолимой преграды, которая должна была стать первым препятствием на пути осаждающих крепость.

Гаральд, Жак и Жульен поднялись на южную башню, стараясь ничем не обнаружить свое присутствие, и стали наблюдать за действиями тамплиеров. Те усиленно готовились к штурму, хотя у них и не было необходимого оборудования: ни штурмовых лестниц, ни стенобитных машин, ни даже веревок достаточной длины, чтобы взобраться на стены, – взять штурмом замок, защитники которого могли прикрыть лишь одно направление, было делом не столь уж сложным. Часть рыцарей отправилась в лес, рубить деревья, которые они рассчитывали использовать для того, чтобы взобраться на стены. Сооружение из бревен для штурма замка начали они строить с наиболее удобной, южной стороны, не подозревая, что только эту сторону и смогут прикрыть обороняющиеся. Прошел день, прежде чем были закончены все приготовления для штурма, обороняющиеся за этот день успели заготовить достаточное количество камней, которыми в изобилии были усыпаны развалины, чтобы, сбрасывая их сверху, на головы штурмующих, сорвать хотя бы первую атаку.

Они понимали, что ночью штурм не начнется, и позволили себе дать отдых перед трудным днем, уже порядком свыкнувшись со всеми странными и пугающими звуками заброшенного замка. С рассветом тамплиеры, подбадривая друг друга воинственными криками, начали взбираться на стены. Как только они взобрались достаточно высоко, на них посыпался град камней. Первая волна атакующих была сметена, пострадали и осадные сооружения, трое рыцарей лежали перед стеной замка без движения, остальные отделались ссадинами и ушибами. Жульен не пользовался луком, стрел было слишком мало, надо было бить наверняка, и только тогда, когда все другие средства обороны будут ис-

черпаны, а стрелять в покрытые шлемами головы, означало только напрасно расходовать стрелы, которые могли пробить плоские нагрудные пластины доспехов, но были бесполезны против округлых шлемов, ударившись о который, стрела попросту уйдет в сторону, не причинив противнику вреда.

Когда первая атака была отбита, тамплиеры не сразу решились повторить штурм, они собрались на совещание, разрабатывая план следующей атаки. Часть из них снова отправились в лес, и новые бревна появились перед стенами. Рыцари тащили бревна к северной башне, видимо решив штурмовать замок с двух сторон, понимая, что у обороняющихся слишком мало сил, чтобы отразить атаку с двух направлений. Сооружение из бревен с южной стороны рыцари перенесли подальше от башни, ближе к середине стены. Раньше стены крепости с внешней стороны были защищены каменными зубцами, в проемах между ними могли располагаться стрелки из лука, которые свободно перемещались по широкой площадке стены, но ныне каменные зубцы большей частью были разрушены, да и стены, частично обвалившиеся, уже не имели ровных площадок. Пробираться по развалинам стены к башне, единственному месту, где можно было спуститься внутрь замка, было не только сложно, но и опасно, став прекрасной мишенью для лучника, потому первая атака и была предпринята ближе к башне. Но после града камней, сорвавших неудачную попытку, место атаки было выбрано так, что, находясь на башне, защитники уже не могли поразить нападавших камнями.

Штурм повторился только на следующий день. Оставив на южной башне одного Жульена с луком, Гаральд и Жак отправились к северной стене, встретить рыцарей, если им удастся ворваться в крепость. Атака с южной стороны вновь захлебнулась, двое тамплиеров, которым удалось взобраться на стену, тут же пали от стрел Жульена, остальные не стали повторять их путь. Зато с северной стороны рыцари, не встретив никакого сопротивления, взобрались на стену, для спуска внутрь замка они использовали веревки и связанные между собой повода лошадей. Первый из рыцарей, одолевших стену, едва спустившись на землю, был разрублен мечом Гаральда, второго, еще висящего на веревке, принял на меч Жак. Но это не остановило тамплиеров, все больше и больше собиралось их на стене, и было ясно, что двое защитников, как бы умелы и мужественны они ни были, не смогут остановить атаку. Гаральд и Жак готовились дать рыцарям последний, смертельный бой.

Но неожиданно для них, рыцари исчезли со стены, они не стали спускаться в замок, а спешно отступили, неясный шум, голоса, топот копыт, свист стрел и звон мечей доносились с той стороны стен. Похоже, что кто-то атаковал тамплиеров с тыла. Защитники крепости решили выйти через ворота и дать встречный бой. Когда они вышли из замка, то у южной стены уже никого не было, бой у северной стены был скор и жесток, когда Гаральд, Жак и спустившийся с башни Жульен обогнули замок, трупы тамплиеров в самых невероятных позах, изрубленные мечами и копьями, пронзенные стрелами, лежали на земле, а навстречу им мчался отряд рыцарей, во главе которого скакал разгоряченный боем, с окровавленным мечом в руке, виконт де Ламбер.

Радостными криками встретили осажденные своих спасителей, виконт, спешившись, заключил Гаральда в крепкие объятия, но не было радости во взгляде его, глаза были суровы и печальны.

Голгофа

Ливень заканчивался, двое стражников, охранявших место казни на Голгофе, насквозь промокшие и продрогшие, не сразу заметили человека, который направился туда, где был распят Иисус Варавва с табличкой, прибитой к кресту, надпись на которой гласила, что распятый не кто иной, как сам «царь иудейский». Сперва стражники не предали этому значения, однако, когда человек стал снимать с распятия тело, они, разбрызгивая грязь, извергая ругательства и проклятия, бросились к нему.

- Ты что делаешь? – строго крикнул один.

- Снимаю тело, чтобы похоронить, – спокойно ответил человек.

- Разве ты не знаешь, что казненные должны висеть на крестах, пока солнце не иссушит их тела? – спросил второй стражник.

- Откуда солнце? – удивился человек, – не видишь, идет дождь, сколько еще ждать, пока появится солнце и иссушит тела? Мне сам прокуратор разрешил, вот, и разрешение есть, вот написано, – он протянул стражникам лист папируса.

- Но тут ничего не написано! – воскликнул первый стражник. – Обманщик

и вор, ты дал мне чистый лист!

- Разве я виноват, что дождь смыл все, что там было написано, а написано было, что прокуратор разрешает мне снять тело и похоронить.

- Пошел вон! – заорал первый стражник.

- Вы не можете так говорить, мне сам прокуратор разрешил, пойдите сами у него и спросите, – возразил человек.

Дождь, который, начал было утихать, пустился с новой силой, и стражникам надоело препираться с человеком, который был явно не в себе, тем более, никто из них никогда бы не осмелился обратится к Понтию Пилату с вопросом, и второй сказал:

- Оставь этого ненормального, пойдем под дерево, а то и так промокли, все равно этот уже умер, что толку сторожить его тело, может, и вправду прокуратор разрешил этому несчастному снять тело и похоронить, все-таки это был царь иудейский, а не простой разбойник.

Стражники ушли, а человек, несмотря на дождь, снял тело с креста, взвалил его на плечи и унес.

Магдалина, увидев человека, несущего на плечах мертвое тело, подскочила к нему с вопросом:

- Кто это? Куда ты несешь его?

- Я снял тело с распятия, это Иисус, Царь Иудейский, его нужно похоронить по иудейским обычаям.

- Кто тебе разрешил снять тело?

- Я сказал стражникам, будто мне сам прокуратор позволил похоронить его, я показал им чистый лист, они поверили. Помоги мне, женщина.

Мария подхватила тело, и они внесли его в дом. Положили на пол, Мария принялась омывать его. Ужасная казнь обезобразила лицо, женщина смотрела на него и никак не могла узнать, но она была уверена, что это он, ее Иисус, ведь это он был из рода Давида, рода Царей Иудейских, она не знала, что распят был не Иисус Назареянин, а Иисус Варавва. Горе помутило разум ее, и она не слышала ни того, что сказал Каиафе Понтий Пилат, ни того, что пытался ей втолковать Фома.

Дом наполняли какие-то люди, Мария смотрела на них, но никого не могла узнать, они омыли тело благовонными маслами и спеленали его пропитанной миром тканью, а Магдалина только тихо причитала, раскачиваясь из сторо-

ны в сторону:

- Что? Что они сделали с тобой? Как ты постарел, смерть состарила тебя.

Она бормотала что-то еще и еще, но ее никто не слушал, тело вынесли из дома в сопровождении небольшой процессии, ночью, тайно схоронили в пещере и закрыли вход тяжелым камнем. После погребения все разошлись, и только Мария все стояла у могилы, стояла молча, без слез.

- Иди домой, Мария, – сказал тихо незнакомый ей человек, и она, повинуясь его воле, сама не понимая почему, медленно побрела прочь.

Виконт де Ламбер

Слух об ужасной смерти Розалины, живьем сожженной на костре, дошел до замка виконта, весть принес странствующий монах, от него же виконт узнал и о гибели своей жены, Луары, которая долгие годы томилась в женском монастыре под именем сестры Анны. Горечь и печаль охватили сердце виконта, он забросил розарий, где каждый цветок напоминал ему о погибшей дочери, уединился, не подпуская к себе никого. Но как бы ни было велико горе, его не излечишь бездействием и тоской, тоска, покой и бездействие разъедают раненую душу, как кислота, убивают ее, и быстро сводят в могилу того, кто поддастся ей, решив, что жизнь кончена, и смысла в ней никакого нет. Но никто не может наполнить смыслом жизнь человека, кроме его самого, часто, в самые страшные и безысходные часы человек находит смысл жизни, понимает, что должен пройти через все испытания, ради того самого, единственного, что осталось у него, потерявшего все, все самое дорогое и любимое, и смыслом этим становится месть.

Виконт де Ламбер поклялся отомстить тамплиерам, уничтожить их, добраться до самого инквизитора, и свершить над ним свой суд, страшный, жестокий, неподкупный, неподвластный никому из людей, ни королю, ни духовенству, разве лишь самому Богу. Больше года он собирал войско, верных друзей, что когда-то были с ним, и еще не забыли старого виконта, всех, которые когда-то были рядом, в одном строю, ныне разбросанные по разным концам

Фландрии, Франции и других, более отдаленных стран. Привлек он в войско и своих крестьян, выразивших желание идти в бой со своим господином.

К тому времени тамплиеры обладали могуществом и властью, не сравнимой с властью и могуществом королей и духовенства, не мечом покоряли они мир, а тем мощным и страшным оружием, которое сильнее меча, они создали финансовую систему, поглотившую всех: и рабов, и господ, и тех, кто считался господином над господами, но сам, помимо воли своей, испытывая острую потребность в деньгах для реализации своей власти, сделался должником у этих безжалостных рыцарей-ростовщиков. Даже те, кто служили высшей, тайной, неведомой власти, среди которых был и инквизитор, понимали, что тамплиеры претендуют и на эту власть, власть, которая породила их, потому никто не стал препятствовать созданию тайного войска, которое через много лет, сохранив свои структуры, и привело, в конечном счете, к гибели этого могущественного ордена.

Собрав мощный, хорошо вооруженный отряд, виконт стал искать встречи с тамплиерами, он понимал, что бесполезно рыскать по полям и лесам, надеясь на случайность, и создал сеть осведомителей, разбросанную по всем близлежащим странам, сеть, в которой сами осведомители не знали для чего и на кого они работают, они лишь передавали информацию ближайшему агенту, который передавал ее следующему, знающему лишь ближайшее к нему, следующее звено цепи. Иногда это были те же осведомители, что работали и на тамплиеров, контрагенты сети просто перехватывали их сообщения, и перенаправляли сведения в нужном направлении.

От одного из таких осведомителей виконту стало известно, что небольшой отряд тамплиеров преследует троих путешественников, один из которых, предположительно, бродячий художник. Путники шли из венецианского порта по дороге, ведущей во Францию и далее во Фландрию. Виконт, зная о том, что Гаральд со своими слугами отправился в Святые места, и сейчас, возможно, уже возвращается, выступил с отрядом навстречу. Увидев рыцарей, штурмующих старый заброшенный замок, он не стал долго разбираться, а уничтожил их молниеносной, жесткой атакой, потерь в отряде виконта не было. Создавая свой отряд, как орудие мести, виконт презрел предубеждения рыцарей тех времен, которые, ссылаясь на законы чести, считали луки оружием недостойным дворянина, именно лучники и стали основой военной мощи отряда виконта. По

этой причине тамплиеры были уничтожены, еще не успев вступить в тесное соприкосновение с противником, а те из них, кому удалось выжить под градом стрел, были изрублены мечами, заколоты копьями; раненых добили, пленных не брали.

Понтий Пилат

Понтий Пилат нервничал, все пошло не так, совсем не так, как он ожидал, он надеялся, что жестокая публичная казнь вразумит этих дикарей, но вышло все по-другому. Он видел их лица, горящие ненавистью и гневом, и понял, распятие главаря не остановит восстания, они отвергли проповедника, несущего им мир и любовь, и стали на сторону вождя, того, кто призывал их к мечу. «Не мир пришел я принести, а меч», «Распни Христа! Отпусти нам Варавву!» – звучало в его ушах. Конечно, собравшиеся на площади – это еще не весь народ, но те, другие, которые ловили каждое слово Христа, не пришли вступиться за него, они предали своего учителя, даже самый лучший из них, Петр, отрекся.

Был момент, когда прокуратор уже готов был уступить толпе, отправить на казнь Христа и отпустить Варавву, если ни один голос не прозвучит в защиту праведника, и голос прозвучал, но это был голос его жены, Клавдии Прокулы, но не было ни одного голоса его учеников, почему они не пришли на площадь? А если кто из них и пришел, то стоял молча, не смея подать свой голос в защиту того, кто учил их любви. Где же была их любовь? А ведь они могли изменить ситуацию, могли, но не посмели. Или не захотели? Идти за вождем проще, чем самому принимать решение, жить по велению совести, оставаясь в меньшинстве.

Все не так, не так, восстания можно ожидать со дня на день, среди этой безумной толпы найдется тот, кто поведет народ на римлян, а у него, прокуратора этой провинции, всего один отряд. Нужно срочно послать гонца к легату Вителлию в Сирию.

Грозу, которая началась в день казни, Понтий Пилат воспринял, как дурной знак. «Не к добру, не к добру все это», – думал он. Но когда прекратился ливень и утихли раскаты грома, в резиденцию вбежал Антоний, он был встре-

вожен.

- Что? Что случилось, Антоний? – в предчувствии недоброй вести спросил прокуратор.

- Какой-то сумасшедший снял с креста тело Вараввы, чтобы похоронить его с почестями, как подобает царю иудейскому.

- А что стража? Как допустили?

- Он показал стражникам лист, сказал, будто ты ему разрешил. Лист был чистым, но он утверждал, что ливень смыл все, что было на нем написано.

- Стражников взять, бить кнутом, так, чтобы запомнили навсегда. Где похоронили?

- В пещере. Тело завернули в материю, пропитанную благовониями.

- Возьми отряд легионеров, заберите тело, сорвите с него все тряпье, зарройте бунтовщика в лесу, так, чтобы ни одна собака не обнаружила. Он должен сгнить, как разбойник, без имени, чтобы и следа его не осталось на земле!

Второй портрет

На вопрос о Розалине виконт ответил не сразу, он сделался мрачен и суров, и молчание его встревожило Гаральда, в душе возникло чувство беды, страшной, неотвратимой.

- Ее нет больше на этом свете, – тихо ответил де Ламбер, – она погибла.

- Как?! – с ужасом воскликнул Гаральд.

- Ее сожгли на костре по обвинению в колдовстве.

Виконт рассказал обо всем, что произошло после того, как Гаральд, покинув замок, отправился в дальнее путешествие на поиски рукописи. Он протянул Гаральду записку:

- Вот, возьми, она просила передать это тебе.

Гаральд взял записку, на которой было лишь лишь одно четверостишие, и более ничего:

И, вырвавшись из жизненного круга,
В том мире, где всегда царит покой,

Когда-нибудь мы встретимся с тобой,
Но только вот, узнаем ли друг друга?

- Как это попало к Вам?

- Через монаха, того, что вел ее на казнь, он исполнил последнюю просьбу Розалины, хотя и рисковал.

Узнав о страшной гибели своей возлюбленной, Гаральд впал в отчаяние, он уединился в замке виконта, и долгими часами неотрывно смотрел на картину, портрет Розалины, написанный им в первые дни их знакомства. Он отказался от еды, не взирая на все уговоры Жульена, предлагавшего ему отведать самые изысканные блюда. Виконт де Ламбер не пытался каким-то образом утешить Гаральда, вывести его из этого губительного состояния, какое не так давно испытал и сам, он понимал, нужно время, чтобы пережить тот страшный удар, который судьба приготовила им.

Через несколько дней Гаральд потребовал краски и мольберт, и принялся писать новую картину, изображавшую суд инквизиции над несчастной девушкой, дух которой не удалось сломать ни пытками, ни страшной, мучительной смертью. Он работал неистово, зло, отчаянно, без перерыва для отдыха и сна, и вскоре картина была готова. Гаральд позвал виконта и сказал:

- Я выполнил то, что должен был выполнить, я нашел документы, которые обнаружат всю ложь и подлость инквизиции, но обнародовать их сейчас нельзя. Здесь, на картинах я укажу место, где спрячу рукописи. Первая пусть хранится в Вашем замке, вторая – в моем. Я знаю, придет время, и правда восторжествует по всей земле, а пока прошу Вас, виконт, дать мне отряд рыцарей, чтобы я мог спокойно добраться до того места, где спрячу рукопись. Сейчас я возьму обе картины с собой, потом первую верну Вам, вторую отвезу в свой замок, но сначала мне нужно освободить его от тех тамплиеров, что захватили мой замок, думаю, они до сих пор ждут меня там. Дайте мне отряд воинов, виконт, чтобы рассчитаться с тамплиерами.

- Я дам тебе лучших воинов, – ответил виконт, – но кто будет знать о том, как найти рукопись? Пройдет немало времени до того, когда можно будет предать гласности то, что содержат эти документы.

- Об этом знаю только я и Вы. Я не умру, пока инквизитор, отправивший на костер Розалину, не сгорит сам в пламени костра. Тогда, только тогда восторжествует правда и справедливость.

Шимон Бер Гиора

Уйдя от могилы, Мария не пошла домой, всю ночь бродила она по городу, безумная, босая, с растрепанными волосами, а под утро, сама не понимая как, она снова оказалась у пещеры, где был похоронен Иисус. Но то, что увидела она, поразило ее больное воображение: тяжелый камень был отодвинут, пещера была пуста, лишь ткани, пропитанные благовонными маслами, в беспорядке лежали там, где должно было находиться тело.

Она остановилась, не понимая, что произошло. Не было никого, к кому можно было бы обратиться с вопросом, но, обведя взглядом пространство, она заметила человека, неподвижно сидящего у пещеры, это был Шимон Бер Гиора, единственный, кому удалось спастись из отряда Вараввы, когда легионеры Антония разбили его, захватив в плен главаря.

Шимон был растерян и подавлен, смерть вождя, которую никто не мог предотвратить, несмотря на старания первосвященника и толпы на площади, повергла его в смятение. Восстание было подготовлено, но тот, кто должен был его возглавить, был распят на кресте, как разбойник. «А у кого нет денег, продай одежду, но купи меч, ибо все, что сказано обо мне, исполнится, и к злодеям буду причтен», – вспомнил Шимон слова Вараввы, сказанные им накануне. Тенью следовал он за вождем, он был на площади, на месте казни, видел, как кто-то снял тело с креста, как хоронили Царя Иудейского, видел, как пришли легионеры и унести тело. Теперь он сидел у пустой могилы, не зная, что предпринять.

Женщина тронула его за плечо, и он обернулся. Мария взглянула в лицо человека, но не могла понять, кто он? Что делает здесь, у пустой могилы Иисуса? И вдруг воспаленный мозг Магдалины пронзила мысль, как молния мелькнула мысль эта в расплывающимся сознании несчастной – это Иисус! Он воскрес! Воскрес из мертвых! С безумным криком: «Христос воскрес!» помчалась

она по улицам пробуждая людей, мирно спящих в своих домах.

Шимон понял, это его приняла она за того, кто был похоронен в пещере, посчитав распятого воскресшим из мертвых. Что делать с этим, он не знал, и направился к Каиафе с подробным рассказом произошедшего.

Слух о воскрешении покойника уже дошел до первосвященника. Каиафа был зол и мрачен. Он не мог принять никакого решения, новость ошеломила его, и он обратился за советом к Анне, своему тестю.

Они собрались втроем в доме бывшего первосвященника, Анна, Каиафа и Шимон Бер Гиора.

- Так кто же воскрес? – спросил Анна Бер Гиору.

- Христос воскрес, так кричала она.

- Христос, мессия, помазанник Божий, – медленно, растягивая каждое слово, произнес Анна. – Мессия у нас один – Варавва, именно он был распят, стало быть, он и воскрес. И этим воскресшим будешь ты, Шимон Бер Гиора, ведь тебя приняла несчастная за воскресшего. Ты и возглавишь восстание. Мессия воскрес из мертвых, чтобы повести свой народ против римлян. Хорошо, очень хорошо.

- Не все так хорошо, – ответил Каиафа, – для того, чтобы народ поверил в воскресшего мессию, нужно время, нужна определенная работа. Нужны доказательства воскресения.

– Будем работать над этим, – ответил Анна.

– Время будет упущено, – сказал Шимон, – после праздника народ разойдется. Да и Антипа привел в Иерусалим свои войска. Это наемники, сирийцы, с ними не сговоришься, теперь соотношение сил не в нашу пользу.

- Даже если вооружить весь народ?

- Людей нечем вооружить, римляне обнаружили наш склад в Вифлееме, дело провалено.

- Дело не провалено, оно лишь отложено до более удачного момента. Время наше еще придет, и возглавишь восстание именно ты, Шимон Бер Гиора, мессия, распятый и воскресший из мертвых[16].

16 Шимон Бер Гиора возглавил восстание в 66 году нашей эры.

Войтех

Гаральд вместе с Жаком, Жульеном и с небольшим, но надежным отрядом опытных воинов, приданным ему виконтом, направился в свой замок. Если тамплиеры еще находятся в замке в ожидании возвращения художника, то у Гаральда было твердое решение уничтожить их, как бы ни был велик отряд противника, уничтожить и вернуть себе владения де Гиров.

От замка виконта они шли не через перевал, а прямо по долине, вдоль реки. Река широкой петлей огибала подножие гор, и замок графа де Гира лежал выше по течению, там, где река еще представляла собой бурный горный поток, пробивший себе дорогу в скалах, и только в среднем течении своем, вырвавшись на просторы долины из тесного ущелья, обретала она спокойный, неторопливый бег.

Густые сумерки уже укутали горы, и зубцы суровых башен замка темнели на фоне угасающего неба, когда отряд добрался до места своего назначения. Гаральд выслал в разведку троих воинов, он решил атаковать противника не дожидаясь рассвета, хорошо зная местность, он мог незаметно подойти к самому замку и проникнуть внутрь через тайные ходы, известные лишь ему одному.

Но разведка, возвратившись, доложила, что тамплиеров в замке нет, но находятся там совершенно незнакомые люди: один важный господин, несколько воинов и слуги. Гаральд был удивлен, он не мог понять, кто может завладеть его замком, и решил подойти открыто, оставив отряд воинов в засаде на тот случай, если гости проявят к хозяину не достаточное уважение, переходящее в откровенную враждебность.

Он подошел к воротам и постучал тяжелым кованым кольцом по железным листам, которыми ворота были укреплены. Стучал настойчиво, уверенно, громко, так, что только глухой мог не слышать его, и вскоре за воротами раздался голос слуги:

- Кто осмелился беспокоить моего господина в столь поздний час?

- Передай своему господину, – ответил Гаральд, – что его беспокоит хозяин замка, граф Гаральд де Гир.

Слуга удалился, через некоторое время ворота отворились и навстречу Гаральду, из темноты двора, шагнул высокий крепкий мужчина, глаза его бле-

стели в свете факелов, а на губах играла улыбка, он подошел вплотную к Гаральду и сгреб его в мощные объятия.

- Гаральд! Племянник мой! – как я рад видеть тебя! Я твой дядя, меня зовут Войтех, узнал, что страшная смерть постигла твоего отца, и приехал сюда, сразу же. Тамплиеры, что завладели замком, встретили меня не очень дружелюбно, думаю, там, на том свете, они сожалеют, что не проявили ко мне достаточного почтения.

Гаральд приходился внучатым племянником Войтеху, который, будучи еще ребенком, во времена падения Арконы и гибели своего отца, Дария, остался на острове, смог выжить и возглавил сопротивление датчанам, покорившим Руян, благодаря которому руянам удалось освободиться от датского владычества и даже расширить свои владения на побережье. Но родная вера была утрачена, христианство, навязанное жителям последнего бастиона славянского язычества огнем и мечом, утвердилось на века.

Гаральд позвал своих спутников, и все вошли во двор замка, Войтех отдавал распоряжения по приему гостей, в числе которых оказался и сам хозяин. Жульен сразу же заняв свое место на кухне, принялся руководить приготовлением ужина, а Гаральд со своим дедом остались одни в зале, где вскоре Жульен обещал подать ужин для всех, включая как людей Войтеха, так и тех воинов виконта, что сопровождали Гаральда.

Слуги зажгли свечи, и большой зал, казавшийся в вечерних сумерках мрачным и неприветливым, озарился светом люстр, представ во всем великолепии. Теперь Гаральд смог рассмотреть получше и своего родственника, не понимая толком, как обращаться к нему, как к дяде, или же как к деду. Войтех был высок, строен, лицо его, изрезанное морщинами и шрамами, выражало мужество и спокойствие, седая борода, седые, стянутые на лбу лентой волосы и живые, яркие, с лукавой усмешкой, глаза. По его виду трудно было определить возраст, он напоминал могучий дуб, который с годами становится лишь крепче, мощнее.

- О, мой мальчик! – гудел тяжелый бас Войтеха – теперь уже мало кто помнит последние дни Арконы, не многие из тех, кто видел последний бой свободных словен с крестоносцами, дожили до наших дней, возможно, кроме меня, уже никого и не осталось. Я был тогда еще мальцом несмышленым, но помню все, от первого до последнего дня. Когда пламя поднялось над крепостью,

многие воины бросались сами в огонь, не желая оказаться в плену датчан. Теперь они говорят, что принесли нам просвещение и новую веру. Считают себя благодетелями, видел бы ты этих благодетелей тогда, когда они сжигали людей заживо только потому, что те хотели жить по своей вере, молиться своим богам, тем, которым молились наши предки. А знаешь, чем отличается языческая вера и христианская?

- Язычники молятся многим богам, а у христиан Бог один, – ответил Гаральд.

- Ерунда! – возразил Войтех. – Сущая ерунда! У нас тоже был один главный Бог, тот, который создал и людей, и иных богов. У христиан Бог один, но есть и ангелы, и святые, которым молятся люди, а зачем молиться святым, просить ангелов о защите, если Бог один? Нет, не в этом суть, а суть в том, что христианин – раб Божий, а язычник – сын Бога. В этом вся разница, не может быть народ свободным, если человек раб, только потому, что он человек. Если рабство освящает религия, то никогда не избавится человек от рабства, а если он не раб, а сын Бога, то свободен он, и никого никогда не назовет господином своим, и никого не сделает своим рабом, потому, что рабство не достойно человека, сына божьего.

- Христос никогда не говорил, что человек – раб Божий, – ответил Гаральд, – так решили те, кто объявил Христа Богом. В рукописях, которые мне удалось найти, нет ни слова о том, что человек может быть рабом, а там записано только то, что говорил сам Иисус из Назарета, пророк, учитель.

- О каких рукописях ты говоришь? – изумился Войтех. – Кроме Нового Завета я ничего не знаю, да и тот – только со слов епископа, который теперь у нас на острове главный священник.

Гаральд рассказал обо всем, что приключилось с ним, о тех документах, которые искал он, за которыми охотились тамплиеры. Войтех слушал не перебивая, а когда Гаральд окончил свой рассказ, задумчиво произнес:

- Даже, если ты спрячешь рукопись в надежном месте, тамплиеры никогда не оставят тебя в покое, рано или поздно они найдут тебя, о том, что тебя ждет, если попадешь к ним, лучше и не думать. Тебе нужно уехать отсюда.

- Куда бы я ни уехал, меня достанут везде, орден тамплиеров раскинул свои сети по всей Европе.

- Уедешь со мной на Руян, там тебя искать не будут, потом отправлю тебя на Русь, а там рыцари тебя уже никогда не найдут.

- А что будет с замком, если я покину его?

- Не думай об этом, – ответил Войтех, – у меня есть надежный человек, который присмотрит за замком в твое отсутствие, мой внук и твой брат, думаю, он не откажет нам в этом.

- У меня есть брат? – удивился Гаральд. – Я ничего о нем не знал.

- Конечно, война разделила наш род, ты, вот, то ли фламандец, то ли француз, я стал германцем, – словене разобщены, и западные короли способствуют этому, но я верю, придет пора и все словене объединятся, тогда правда и справедливость восторжествуют на всей Земле.

Пока они беседовали, Жульен приготовил ужин, и все, кто были в замке, собрались за одним столом – и те, кто считался господином, и те, кто служил им.

Апостол Фома

Понтий Пилат считал, что единственным голосом, прозвучавшим в защиту Иисуса Назареянина, был голос его жены, Клавдии Прокулы, но он поторопился с выводами, в то время, как толпа на площади бесновалась, повторяя: «Распни его, распни!», один из учеников, понимая, что его голос не будет услышан среди рева толпы, настойчиво добивался личной встречи с прокуратором. Это был апостол Фома.

- Я! Я подаю свой голос в его защиту! Ты слышишь меня, Пилат? Отпусти его, ты обещал, ты хотел услышать хоть один голос?! Это мой голос, ты услышал его!

Прокуратор оглянулся, за спиной стояла Клавдия Прокула, его жена, это она подала свой голос в защиту Иисуса из Назарета.

- Один человек настоятельно просит встречи с тобой, – доложил Антоний.

- Кто такой?

- Ученик Назареянина, называемый Фома.

- Приведи его.

- Ты хотел говорить со мной? – спросил Понтий Пилат, когда к нему привели Фому.

- Да, господин, я хотел просить тебя, чтобы ты не отдавал на смерть Иисуса Назареянина, все, в чем обвиняют его, – ложь.

- Я знаю, – ответил прокуратор, – но почему никто из тех, кого он учил любви не пришли вместе с тобой? Почему они не требуют, чтобы я отпустил Иисуса?

- У них есть семьи, отцы и матери, у многих жены и дети, и если готовы они свою жизнь отдать ради истины, то опасаются, что после того, как подадут они свой голос в защиту учителя, семьи их подвергнутся преследованиям, даже Петр, самый лучший из нас, отрекся от учителя. Их вера еще не окрепла, придет час, и они понесут учение Иисуса, пойдут до конца.

- А ты, у тебя нет семьи?

- Я один на этом свете, и если что случится со мной, некому будет оплакивать меня.

- И если я тебя отдам на смерть вместо Иисуса, не откажешься от своих слов?

- Нет, господин, я готов обменять свою жизнь на его.

- Приведите сюда Иисуса из Назарета, я отпускаю его, – скомандовал Понтий Пилат стражникам.

Когда Иисуса привели, Пилат ужаснулся при виде его, за то время, пока прокуратор беседовал с Фомой, Назареянина жестоко избили, раны, оставленные ударами кнута, покрыли его тело, на голове был терновый венец, надетый так, что шипы терновника глубоко впились в лоб, из ран сочилась кровь.

- Кто приказал сделать это? – крикнул Понтий Пилат.

- Центурион Ксаверий, – ответили ему.

Центурион Ксаверий

Центурион Ксаверий был одним из тех римлян, которые оказались в сетях иудейского ростовщика, бывшего первосвященника Анны, который, следуя завету Второзакония давать деньги в рост под проценты всем чужеземцам, имел на римских чиновников и военачальников большее влияние, чем даже сам прокуратор. Когда Иисуса Назареянина отдали на суд Понтию Пилату, обвинив в подстрекательстве народа к восстанию против Рима, Анна пригласил к себе центуриона Ксаверия.

- Как считаешь, Ксаверий, – спросил Анна, – признает ли Понтий Пилат вину Назареянина? Отдаст ли его на казнь, или отпустит?

- Отпустит. Обвинение ложно, и прокуратор не так глуп, чтобы не понять этого.

- Я спишу тебе половину долга, если прокуратор признает вину Иисуса из Назарета.

- Я не могу повлиять на мнение Понтия Пилата, он не советуется ни с кем, тем более, с такими мелкими людьми, как я.

- Ну-ну, не преуменьшай свою роль. – Анна чуть приподнялся с кресла, наклонившись к центуриону. – Если Иисус будет казнен, я спишу весь твой долг. Какое бы решение ни принял прокуратор, на казнь осужденных поведешь ты. Казнить должны еще троих, один из них, Варавва. Отпустишь Варавву, а на казнь поведешь Назареянина, а если Понтий Пилат решит отпустить его до того, как поведут на казнь остальных, то сделай так, чтобы он не дожил до своего освобождения.

Апостол Фома

- Приведите ко мне Ксаверия, – приказал Понтий Пилат.

Ксаверий предстал перед прокуратором, понимая, чем может закончится попытка списать долг бывшему первосвященнику, он знал, что Понтий Пилат скор на руку, и расплачиваться за долги ему, возможно, придется своей головой.

- Почему ты приказал бить его? – спросил Пилат.

- Ты осудил его на казнь, я понял это как твой приказ, – ответил Ксаверий, опустив голову.

- Я не объявлял тебе своего решения. Антоний! Возьми кнут и накажи его, сделай с ним то, что он сделал с этим человеком!

Антоний замахнулся кнутом на Ксаверия, но в это время произошло то, чего никто никак ожидать не мог, – Иисус Назореянин стал перед Антонием, заслонив собой Ксаверия так, что удар пришелся по нему. Он принял его без стона и, немного придя в себя после удара, сказал:

- Никогда не наказывай человека кнутом, лучше смертью накажи. Недостойно бить человека, как скотину.

- Но этот человек приказал избить тебя! – изумился Понтий Пилат. – Неужели не хочешь наказать его?

- Прости его, прояви милость правителя и прости.

- И ты прощаешь его?

- Да, я его простил.

- А если за его прощение я отправлю на казнь тебя? Не изменишь своего решения?

- Не изменю.

- Я отпускаю тебя, иди, и его прощаю, раз ты его простил и так тверд в своем решении, что готов пойти на смерть. Я солдат и ценю мужество и верность своим принципам. Ты свободен.

Иисус сделал несколько шагов, и тут силы оставили его, он упал потеряв сознание. Фома позвал Иакова, тот принес плащаницу, они положили на нее потерявшего сознание Иисуса и отнесли в дом Фомы.

Весь день и всю ночь провел Фома у лежащего на плащанице Иисуса, он смазал его раны целебными маслами, а когда тот пришел в себя, поил и кормил его, и уже на третий день Иисус из Назарета смог подняться с постели.

- Где мои ученики? – спросил он. – Почему только ты один остался со мной?

- Он думают, что тебя распяли там, на Голгофе, я не смог убедить их, что ты жив, и Мария из Магдала мне не поверила, она оплакивает тебя.

- Позови их, пусть все придут и увидят, что я жив, тогда и вера их укрепится.

Выйдя из дому, Фома встретился с Марией Магдалиной, которая бежала по улице с растрепанными по ветру волосами и кричала: «Христос воскрес!». Все попытки убедить ее в том, что Иисус из Назарета не был отправлен прокуратором на казнь, не имели успеха. Ученики, жаждавшие чуда, как оправдания того, что не стали на защиту своего учителя, поверили Марии, но не желали верить Фоме. Смерть и воскресение пророка они восприняли, как проявление воли Всевышнего, а отсутствие своей решимости отстоять истину, – как часть этой воли, чудо воскресения снимало ответственность с них за бездействие в той ситуации, когда твердая позиция меньшинства могла остановить безумство большинства, требующего казни Иисуса.

Ученики Христа, несли во все концы Иерусалима благую весть – Иисус Христос воскрес. Когда же Фома сказал, что Понтий Пилат отпустил Иисуса, и пригласил их в свой дом, апостолы, придя в замешательство, в растерянности смотрели на своего учителя.

Один из них сказал:

- Я видел сон: двенадцать человек перед алтарем приносили в жертву животных. И мы поняли, что учитель наш принесен в жертву во искупление грехов человеческих, был распят и воскрес.

- Алтарь, – ответил Иисус, – это Бог, которому вы служите, двенадцать человек – это вы, а животные, принесенные в жертву – это народ, который вы ввели в заблуждение.

- Мы видели, как отдали тебя на расправу Понтию Пилату. А когда распинали осужденных на смерть, великая тьма сделалась над миром, и земля затряслась, и мы поняли, что Иисус, учитель наш, умер на кресте. Ночью, тайком, Иосиф снял с креста тело твое, и мы похоронили его в склепе. А сегодня утром Мария Магдалина, придя ко гробу, обнаружила его пустым, видела ангела, сидящего на камне, и поняли мы, что воскрес наш учитель.

- Понтий Пилат отпустил меня, не признав вины, которую возложили на меня священники. Что же вы не дождались решения прокуратора, как сделали это Иаков и Фома?

Ученики молчали, опустив глаза.

- То, для чего я избрал вас из всех, потребует от вас твердости духа и веры. Нести правду – нелегкая задача, а иногда и смертельно опасная. И не всегда

я буду с вами, у каждого из вас свой путь, укрепитесь духом и верой, чтобы с честью его пройти.

Сорок дней Иисус лечил раны и вел беседы с учениками, готовя их к тому, чтобы они несли свет истины по всей земле, затем он простился с ними, и вместе с Фомой, матерью своей Мириам отправился в дальние страны, через Дамасск в Персию, в Индию неся людям истину, покинул он этот мир в возрасте ста двадцати лет, в Кашмире, где и находится его могила.

Хранилище вечных истин

На следующий день Гаральд отправил воинов виконта обратно в замок де Ламбера, Войтех со своим отрядом будет сопровождать Гаральд до места, где рукопись будет спрятана до тех пор, когда можно будет открыть истину людям, не опасаясь костров инквизиции и преследования за то, что кто-то думает иначе, чем это предписано религиозной и светской властью. Жак и Жульен остались в замке ждать нового хозяина, двоюродного брата Гаральда, а сам Гаральд и его дед в сопровождении отряда воинов с восходом солнца отправились через перевал к скиту, где жил монах-отшельник.

Солнце еще не поднялось из-за вершины горы, долина лежала в утренних сумерках, и все предметы: и замок с высокими мрачными башнями, и низкие строения рядом с ним, и деревья, и кусты, и скалы – все это, лишенное теней, казалось не реальным, призрачным, внезапно возникшим из другого, не ведомого нам мира. Гаральд смотрел на эту картину с печалью в душе, напрасно он уверял себя, что вскоре придет время, когда он сможет вернуться в свой родной дом, он понимал, что не вернется сюда уже никогда. Войтех молча положил руку Гаральду на плечо, и тот тихо, но решительно ответил:

- Идем.

Они шли по тропе, что вела к перевалу, той самой тропе, известной лишь Гаральду, тропе, которую указал ему старый монах, тропе, которая позволила ему несколько лет назад избавиться от преследования тамплиеров. Отряд был пешим, и Гаральд оставил свою любимую лошадь, Ромину, в замке, на конюш-

не, доверив ее попечительству Жака. Войтех, несмотря на свой почтенный возраст, шел быстро, легко, так, что Гаральд едва поспевал за ним.

- Войтех! – окликнул его Гаральд. – Позволь, я пойду впереди, ты ведь не знаешь дороги.

- Кто? Я не знаю дороги? А кто спускался по этой тропе несколько дней назад? Черт меня побери, если это был не я со своими воинами!

- Но кто показал тебе эту тропу? Ее найти не так просто.

- Вероятно, тот же, кто и тебе, старый монах-отшельник.

- Как?! – воскликнул Гаральд. – Ты с ним знаком?!

- О монахе, что живет в этих горах, говорят многие, шепотом говорят, со страхом, и никто его не видел, к нему не ходят, боятся, я понял из разговоров – этот монах не христианин, скорее всего язычник, вот и разыскал его, он-то и указал мне эту тропу, по ней можно незаметно подойти к твоему замку.

Когда отряд поднялся на перевал, солнце уже высоко висело над горами, согревая холодные камни, поросшие лишайникам и мхом. От причудливо изогнутой, с распластанной по ветру кроной сосны, от которой тропа начиналась на перевале, до жилища монаха был уже совсем близко, но случайный путник прошел бы мимо него, так было укрыто оно среди скал, ничем не выделяясь на фоне первозданной природы. Старик был рад гостям, ведь это были именно те люди, единственные, кто не чурался его, кто его понимал, доверял ему. Гаральд был знаком с отшельником еще с той поры, как бродил он по горам в поисках пейзажей для своих картин, а Войтех, хотя и увидел старика впервые, когда искал дорогу к замку графа де Гира, быстро нашел с ним общий язык.

- Как твое имя, старик? – спросил Войтех.

- Я так давно не слышал своего имени, что давно уже забыл его, я не слышал его с тех пор, как поселился здесь, да и какая разница, каким именем звать меня?

- Имя дается человеку с рождения и до самой смерти, человек не зверь, чтобы имени не иметь, каждое имя свое значение имеет, – возразил Войтех.

- Когда-то, очень давно, люди называли меня Кудеяром, я был волхвом у словен, что живут в Черных горах, волхвом Ярилы был, пока не обратили их в христианскую веру. Князь и волхвы предали веру свою, а я был молод и не смог воспрепятствовать тому, что произошло, но Богу чужой земли служить не

захотел, вот и ушел сюда, в эти горы, так и живу здесь, и буду жить, пока Боги не призовут меня к себе.

- Почему словене теряют свою веру? Почему молятся Богу чужой, иудейской земли? Вера словенская на Руяне была сломлена в жестокой битве, князь руянский, Яромир, принял христианство и стал вассалом датского короля, но как же ваши князья допустили падения веры?

- Князья, волхвы – все, кто имели власть, данную им народом, захотели жить, как живут господа в тех странах, где разделены люди на рабов и господ, и чтобы власть давал им не народ, а власть эта передавалась бы от отца к сыну, и было бы так во веки веков. Мечом народ не покорить князьям, в народе каждый воин, и каждый может за себя и за народ постоять. Другое дело, если власть будет дана от Бога, и Бог утвердит разделение на рабов и господ, власть идеи выше власти меча, вот и приняли они ту веру, которая говорит, человек – раб Божий, а значит и раб господина своего.

- Но Христос ничего подобного не говорил, – возразил Гаральд, – он утверждал, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие Божие. Он не делил людей на господ и рабов, это сделали те, кто утвердил христианскую веру через триста лет после тех событий, что описаны в Евангелии. Они использовали учение Христа в своих интересах, потому-то они так и боятся рукописей, где записаны его слова, боятся, чтобы не стали они известны людям. Но придет еще время, когда мир узнает истину, а сейчас эти рукописи нужно спрятать так, чтобы сохранились они до того времени, когда можно будет их донести до людей.

- Сохранить ее можно в пещере, – предложил Кудеяр, – там и зимой, и летом, и весной, и осенью, в любую погоду одинаково тепло и не сыро, даже когда дождь и снег идет в горах.

- Я на эту пещеру и рассчитывал, – признался Гаральд.

- Могу ли я прочесть эти рукописи? – спросил Кудеяр.

- Конечно, можешь.

- Я сделаю кое-какие выписки для себя, потом верну их в то место, которое ты укажешь.

- Место выбери сам, главное, чтобы они находились в этой пещере, я отмечу ее на своих картинах, только поставив обе картины рядом, можно определить место, где будут спрятаны рукописи.

- Как же ты обозначишь место пещеры? – спросил Войтех.

- Когда я был в плену у Джафара, меня учил арабский суфий, Аль-Фарад, он научил меня определять по звездам координаты места так, как это делал великий ученый Востока, Аль-Хорезми, он даже подарил мне прибор для определения положения звезд на небе. Я запишу координаты на картинах, на одной долготу, на другой широту.

Гаральд достал из сумки прибор для определения высоты светил над горизонтом и свитки, испещренные арабскими письменами – таблицы определения координат. Наступил вечер, яркие звезды висели над Землей, и Гаральд занялся измерениями и вычислениями по таблицам Аль-Хорезми, когда определение координат было завершено, он развернул свои картины, и внизу, в углу, где обычно художники ставят свою подпись, нанес координаты местности, где спрятаны рукописи.

- Теперь мне нужно вернуть картины, первую в замок виконта де Ламбера, вторую в свой замок, я отправлюсь в путь завтра же, как только взойдет солнце.

- Не нужно тебе идти, для тебя это слишком опасно, – возразил Войтех, – картины отнесут мои воины, а мы подождем их возвращения.

Предложение Войтеха было разумно, и Гаральд согласился с ним, воины отправились в путь на рассвете и вернулись к вечеру следующего дня, после чего Войтех, его отряд и Гаральд покинули скромное жилище старика-отшельника, Кудеяра и направились к острову Руян.

О дальнейшем жизненном пути виконта де Ламбера и Гаральда нам ничего не известно, судьбы их затерялись где-то в глубине средних веков, известно лишь, что Жульен, попав в руки инквизиции, под пытками выдал, что тайна рукописей заключена в двух картинах художника, на которых изображены знаки, указывающие место нахождения документов, но какие это картины, и как расшифровать тайные знаки на них, Жульен не знал.

Вождь

У Вождя была своя разведка, человека, которого Вождь называл просто Бесо, никто не знал ни по имени, ни по фамилии. Ни должность его, ни его полномочия никому известны не были, но только он мог войти в кабинет Вождя в любое время без вызова или предварительной записи. Поздним вечером, когда все основные дела были закончены, Вождь и Бесо остались одни.

- Как думаешь, Бесо, – спросил Вождь, – есть на свете Бог?

- Мы марксисты, а Маркс был атеистом, материалистом, и мы материалисты, следовательно – атеисты, поскольку продолжаем дело Маркса и Ленина.

- Оставь, Бесо, всю эту дребедень, мы с тобой не партийном собрании, скажи, как сам думаешь? Ведь кто-то же создал этот мир, не возникло же это все случайно, наука многого объяснить не может с точки зрения материализма, хотя и идеализм ничего не объясняет. Росток возникает из семени, пробивает асфальт, гранит, и тянется к небу вопреки всем законам физики. Что нам биологи говорят по этому поводу? А ничего, ничего они нам не объясняют. Вот ты, что об этом думаешь?

Бесо помедлил с ответом, посмотрел, как Вождь не спеша набивает трубку, и молчал.

- Что молчишь? – спросил Вождь, поднося спичку к трубке. – Неужели боишься сказать, что думаешь?

- Думаю, есть Бог надо всем земным, но религия...

- Почему мы строим социализм на принципах материализма и атеизма? Можно ли построить социализм на основе религии?

- Религия утверждает, что царство Божие, где не будет богатый унижать и угнетать бедного, где все будут счастливы, возможно только на небе, а мы хотим построить царство Божие на Земле, – ответил Бесо.

- А разве не говорил Христос: «Да будет воля твоя, да придет царствие твое на Земле, как и на Небе»? Слышишь, Бесо, «на Земле», значит, не отрицал Христос, что на Земле можно построить справедливое общество. А религия отрицает, почему? Религия утверждает, что человек – раб Божий, а мы хотим построить общество свободных людей. Потому и отказались мы от религии, а Бог и религия – понятия разные.

- Если мы, большевики, признаем, что Бог существует, то придется нам идти к попам на поклон, новой религии мы не выдумали, значит, нужно довольствоваться той, что есть.

- А если мы докажем, что учение Христа и учение церкви его имени ничего общего меж собой не имеют, если докажем истину, так, что никто ее опровергнуть не сможет, что останется делать церковникам? Как думаешь?

- Останется или признать истину, или объявить еретиком самого Христа.

- Верно говоришь, Бесо! Если в наших руках будут документы, которые содержат учение Христа, его слова, которых нет ни в одном Евангелии, но которые проповедуют построение нового общества, свободного от эксплуатации и угнетения, то, представляешь, какой силой будем мы обладать! Сила идеи непобедима ни силой оружия, ни силой денег, только идея может победить другую идею, а силой обладает та идея, которая несет истину.

- Я не понимаю тебя, – ответил Бесо Вождю, – враги стоят у самой столицы, идет война, а ты говоришь о каких-то документах, содержащих учение Христа.

- Э, Бесо, все войны когда-нибудь кончаются, сегодня они стоят у нашей столицы, завтра мы будем стоять под стенами Берлина, и возьмем его, обязательно возьмем. И встанет вопрос: как будущую жизнь строить? И не только в нашей стране, а во всем мире, какие идеи лягут в основу будущего устройства мира? Что ответим мы тем, кто не примет идеи материализма и атеизма? Вот в чем вопрос, Бесо, вот, что важно. А теперь то, для чего я, собственно, и пригласил тебя. Скажи, кто из наших людей *там* может заняться поиском древних рукописей, содержащих истинные слова Иисуса Христа? О них известно не только нам, их ищут представители церкви, ищут, чтобы уничтожить, с древних времен ищут, но безуспешно, а вот недавно, совсем недавно, у них наметились некоторые успехи, но мы должны их опередить.

- Из каких источников тебе стало известно об их успехах? – тихо спросил Бесо.

- Нет у меня никаких источников. Нет, понимаешь? Но я чувствую, чувствую, что я прав, это давно, еще с тех времен, когда я в семинарии учился, долго объяснять, да и ни к чему, но на днях сон мне приснился, я понял, – это Бог дает мне знамение, нужно действовать.

Бесо молчал, сосредоточено глядя в пол, он не мог поднять взгляд на Вождя, странным показался ему весь этот разговор.

- Что молчишь? Думаешь, я совсем из ума выжил? Из-за своего сна заставляю разведку черт знает чем заниматься? Гоняться за призраками? А ты не думай, не выжил я из ума, нет. Просто поверь мне, просто поверь.

- Допустим, я поверю тебе, просто поверю, а, скажи, какую ориентировку я дам нашим людям *там*? Скажу, что тебе сон приснился? Им конкретные данные нужны.

- Будут тебе конкретные данные, будут. Есть человек, который вплотную этим займется?

- Есть такой человек, но какую задачу ему поставить?

- Где-то, предположительно на территории Франции, спрятаны рукописи доклада Понтию Пилату того, кому он поручил следить за проповедником Иисусом из Назарета, записывать его каждое слово. Место, где спрятаны рукописи, зашифровано надписями на двух картинах неизвестного фламандского живописца. Кто-то очень близко подошел к этим картинам, возможно, знает, где их искать, а возможно, уже и нашел.

Вернисаж

Штандартенфюрер СС Генрих Гофман был достаточно молод для своей высокой должности и, наверное, считался бы привлекательным мужчиной, если бы не мрачный черный мундир, вызывающий у обывателей почтение и затаенный страх. Он был высок, строен, имел орлиный профиль и резкие, но не слишком грубые черты лица, придающие ему выражение суровости и беспощадности, подчеркнутое строгостью формы. Помимо обязанностей, выполняемых им по службе, штандартенфюрер имел страсть к живописи, особенно интересовали его работы старых мастеров, он не любил нового искусства, воспевающего культ силы, ставшего официальным направлением живописи Третьего Рейха, естественно, его взгляды могли принести ему ряд серьезных неприятностей, но он не высказывал их там, где это было неуместно.

Сегодня он был приглашен на выставку картин из частной коллекции некого господина по имени Отто фон Краус, предпринимателя, так же, как и он

сам, увлекающегося живописью старых мастеров. Выставка была организована в имении фон Крауса, и предназначалась не для широкого круга, приглашены были лишь немногие любители старины, влиятельные люди Берлина, среди приглашенных была и баронесса Изольда Геркан, известная своей благотворительной деятельностью, возглавлявшая основанное ей общество помощи раненым героям Третьего Рейха. Баронесса также слыла любительницей изобразительного искусства, и даже сама пробовала свои силы в живописи, имела неплохую частную коллекцию, главное место в которой занимали ее собственные картины.

Зал, в котором проходила экспозиция, был оформлен под старину, вместо электрического освещения на стенах висели старинные бра со свечами, по углам стояли рыцарские доспехи, а с потолка свешивалась хрустальная люстра с тремя концентрическими кругами свечей. Стены, выложенные декоративным камнем, создавали впечатление старины, у одной стены располагался кожаный диван, деревянный стол и такие же деревянные стулья с высокими спинками; узкие высокие окна в готическом стиле, украшенные мозаикой из разноцветного стекла и забранные решетками, плохо пропускали дневной свет. Картин было не много, располагались они так, чтобы каждую можно было рассмотреть с достаточно близкого расстояния, освещение было подобрано для каждой картины индивидуально, с обеих сторон были устроены светильники, дополнявшие основное освещение, полированный пол из светлого камня отражал верхний свет, подсвечивая картины снизу.

Отто фон Краус лично встречал гостей у входа в имение, приветствуя их радушной улыбкой и словами: «О дорогой наш... как я рад...», и так далее, как будто знал их давным-давно, хотя многих из приглашенных он видел впервые. Не удалось избежать участи теплого приветствия и Генриху, который в ответ на радушие хозяина дома лишь слегка кивнул, он не любил слащавых ненужных церемоний, он вообще не любил аристократов, ни титула «барон», ни приставки «фон» у Генриха Гофмана не было, и он смотрел на аристократию с той высоты, которую давала ему должность штандартенфюрера СС.

Двигаясь по залу, он внимательно рассматривал каждую картину, делая какие-то заметки в блокноте, и, обойдя всю экспозицию, направился к столу, где уже находился хозяин дома в обществе прекрасной баронессы. На столе стояли напитки в узких высоких бокалах.

- Присоединяйтесь к нам, господин штандартенфюрер, – пригласил его Краус, указывая рукой на кожаный диван, где сидела баронесса.

Но Генрих сел на деревянный стул, напротив дивана, взяв со стола бокал.

- Как Вам понравились картины? – поинтересовалась Изольда.

- Среди них есть довольно интересные работы, вот, например та, что висит над Вами, баронесса, – ответил Генрих и, обращаясь к Отто, продолжил: – Где Вам удалось их раздобыть?

- О, успехи нашей победоносной армии дают нам возможность получить такие экземпляры, о которых в мирное время можно только мечтать. И, заметьте, за чисто символическую плату можно приобрести картины великих мастеров прошлого, а эта, на которую Вы обратили внимание, обошлась мне и вовсе бесплатно. Я обнаружил ее в замке какого-то французского дворянина, сбежавшего за границу, замок был пуст, и я выбрал несколько картин на свой вкус.

- Не знаете ли Вы, кто автор этой картины? Кстати, как она называется? Я не помню такой картины среди известных мне мастеров средневековья, ведь именно к этому периоду она принадлежит, я не ошибаюсь?

- Нет, дорогой штандартенфюрер, не ошибаетесь, по стилю, по тонам, краскам можно предположить, что это фламандская живопись времен двенадцатого – пятнадцатого веков, но, к сожалению, ни название, ни автор картины мне неизвестны.

- Насколько я понимаю, – сказала баронесса, – на ней изображен суд инквизиции, возможно, она так и называется – «Суд инквизиции», как Вы думаете, полковник, сколько она может стоить на аукционе?

- С Вашего позволения, штандартенфюрер, баронесса, – возразил Генрих.

- О, прошу меня извинить, никак не привыкну к этим новым званиям.

- Придется привыкать, мы пришли надолго, как минимум на тысячу лет.

- Предлагаю выпить за нашего фюрера и за тысячелетний Рейх! – Отто фон Краус поднял бокал.

Посетители, услышав тост, вскинули руки в нацистском приветствии, «Хайль Гитлер!», «Зиг Хайль!», – доносились бурные возгласы. После тоста собеседники вновь вернулись к картине неизвестного художника.

- Инквизиция, – задумчиво произнесла баронесса, – суровое время было в истории.

- Суровое, но необходимое, – спокойно произнес Генрих, – инквизиция

очищала идеи от ереси, чистота идеи, как и чистота расы требует жертв, мы ведь тоже что-то вроде инквизиции, мы оберегаем идеи национал-социализма, боремся за чистоту расы. Инквизиция сжигала на кострах еретиков, ведьм и колдунов, мы уничтожаем коммунистов, славян, евреев и всех неполноценных, недочеловеков, тех, кто недостоин жизни. Для того, чтобы нация жила спокойно.

Изольда внутренне содрогнулась, услышав про уничтожение евреев, ее род вел свое начало от еврейской знати, последнего Хасмонейского царя и первосвященника, Гиркана, казненного Иродом Великим, такой родословной можно было бы гордиться, но она тщательно скрывала тайну своего рода. Хотя лично ей не о чем было беспокоиться, она принадлежала к тому клану евреев, который финансировал Гитлера, который, по сути дела, и привел его к власти и толкнул на развязывание войны. Организованное им уничтожение «лишних евреев», «обрезание сухих ветвей» было санкционировано еврейской верхушкой, владевшей мировым капиталом.

Был среди них еще один человек, который мог бы гордиться своей родословной, но вынужден был ее скрывать, и человеком этим был Генрих Гофман, штандартенфюрер СС. Род его вел свое начало от инквизитора, отца Филата, от его незаконнорожденного сына, а поскольку законнорожденных детей у служителей католической церкви быть не может, все предки Генриха скрывали свое происхождение.

Картина «Суд инквизиции» возбудила у Генриха живой интерес.

- А не могли бы Вы продать мне эту картину? – обратился он к Отто фон Краусу.

- Позвольте поинтересоваться, чем вызван такой интерес к этой картине? Вряд ли она сможет заинтересовать богатых коллекционеров и быть достойно оценена на аукционе, для поклонников живописи важна не сама картина, а имя художника, а имя автора этой картины никому не известно.

- Это личное, – ответил Генрих, – я с большим уважением отношусь к инквизиции, она напоминает мне нашу работу.

- Ну, что ж, я, пожалуй, продам ее Вам, о цене условимся позднее. Я пришлю ее Вам, как только закончится выставка.

Отто фон Краус

Отто фон Краус запросил за картину не слишком высокую цену, учитывая то, что имя ее автора не было известно, но цена, назначенная им, была значительно выше цен на современную живопись, поскольку картина принадлежала кисти, хотя и неизвестного, но старинного мастера. Генрих Гофман рассчитывал получить картину по цене ниже той, что запросил фон Краус, зная, что ему она досталась вообще бесплатно, но торговаться не стал, опасаясь, как бы фон Краус вовсе не передумал ее продавать.

Перед тем, как отправить картину штандартенфюреру, Отто тщательно осмотрел ее, обследуя с помощью лупы каждый сантиметр полотна, аккуратно переписал цифры, которые стояли в том месте, где обычно художники размещают свою подпись, он не просто переписал их, а скопировал начертание знаков, затем сделал несколько фотографий картины при различном освещении.

Отто фон Краус был потомком одного из тех немцев, что приехали в Россию еще во времена Петра Первого и служили в российской армии. Следуя традиции своих предков, Отто окончил Николаевскую академию Генерального штаба и к 1917 году получил должность в отделении разведки Генерального штаба. Когда февральская революция превратила русскую армию в небоеспособное сборище вооруженных анархистов, он был одним их тех офицеров, которые понимали, что спасти Россию от полного распада может только выход из войны и установление военной диктатуры, способной навести порядок в разрушенной разгулом демократии стране[17].

Февральская революция, совершенная в результате масонского заговора усилиями разведок Англии и Франции, явилась тем событием, которое коренным образом изменило судьбу фон Крауса. Изданный Временным правительством и одобренный Советами рабочих и солдатских депутатов Приказ №1 подорвал основы воинской дисциплины, передав всю власть в армии Советам солдатских депутатов; единоначалие, составляющее основу построения армии, было устранено, что в военное время равносильно самоубийству. Военный министр Временного правительства, генерал-майор Верховский потребовал от

---

17 Здесь и далее события Октябрьской революции излагаются на основе статьи Олега Стрижака «И приснился мне сон».

Керенского немедленного заключения мира с Германией и выхода из войны, демобилизации армии по причине полной потери ее боеспособности, но Керенский, верный масонской дисциплине, требовал продолжение войны до победного конца. Военный министр Верховский был уволен со своей должности.

Патриотически настроенная группа генералов и офицеров Генерального штаба, включая генерал-майора Верховского и генерал-лейтенанта Маниаковского, принявшего должность военного министра, решилась на отчаянный шаг, свергнуть Временное правительство и установить военную диктатуру. Однако они понимали, что установление диктатуры генералов и офицеров вызовет бунты солдат и матросов, вкусивших прелесть анархии и свободы от воинской дисциплины. Власть нужно было передать тем, кто пользовался наибольшим авторитетом среди народа. Потому было принято решение взять власть и вручить ее Второму Всероссийскому съезду Советов, назначенному на 20 октября 1917 года, перенесенного потом на 25 октября, которое и значится днем Великой октябрьской социалистической революции.

Отто фон Краус, тогда еще молодой поручик отдела разведки Генерального штаба участвовал во взятии вокзалов, почты, телефона и телеграфа. Это происходило днем 24 октября, внешне все оставалось по-прежнему, учреждения работали в своем режиме, но офицеры разведки уже контролировали движение поездов, всю телефонную и телеграфную связь, всю почтовую информацию. А в ночь на 25 октября группа офицеров спецназа через подземные коммуникации тихо вошла в здание Зимнего дворца, разоружила юнкеров, охранявших Временное правительство, и распустила их по домам, сами министры были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. Все произошло без единого выстрела, исторического штурма Зимнего просто не было.

Все офицеры и генералы, участвовавшие во взятии власти и передачи ее большевикам, заняли впоследствии руководящие посты в Красной армии, а поручик фон Краус был внедрен в качестве разведчика-агента в Белую армию; вместе с Врангелем он покинул русскую землю и стал работать в германской разведке, преобразованной со временем в абвер. Должность его была особой, он не носил формы, не посещал ежедневно штаб-квартиру абвера, а занимался предпринимательской деятельностью, отношения к службе не имеющей, но дающей ему свободу передвижения. В его ведении были вопросы контрразведки, пресечение утечки информации, разоблачение агентов иностранной развед-

ки в органах абвера и даже гестапо, куда доступ обычным сотрудникам абвера был закрыт.

Полученное задание не показалось ему странным, каким бы не обычным оно ни являлось; ему приходилось выполнять различные задания, которые с первого взгляда казались такими, что не укладывались в обычную логику. Одним из таких заданий было предотвращение покушения на Гитлера, организованное офицерами вермахта и абвера. Сталин приказал ему сделать все возможное, чтобы сохранить жизнь своему главному противнику, Адольфу Гитлеру. Если бы Гитлера удалось устранить, то новое руководство Германии пошло бы на переговоры с Англией и Америкой о заключении сепаратного мира. О переговорах с Гитлером не могло быть и речи, а вот с новым германским руководством вполне можно было бы вести разговор, и тогда СССР остался бы один на один с фашистской Германией, с 6 июня 1944 года вынужденной вести войну на два фронта.

Получив задание еще зимой сорок второго, Отто фон Краус только летом сорок четвертого смог нащупать те нити, которые вели к древним рукописям, сокрытым где-то в горах Франции.

Нащупать нить

К выполнению задания Отто фон Краус отнесся, как это и было свойственно его натуре, со всей серьезностью. Хотя положение частного предпринимателя и давало ему свободу перемещений, но рыскать по территории оккупированных стран в поисках следов рукописи было просто немыслимо, и он нашел довольно оригинальный выход. По его инициативе при абвере был создан отдел учета культурных ценностей оккупированных стран, которые могли бы стать достоянием нации, отдельная группа занималась фламандской живописью, все картины, собранные частными лицами, мелкими мародерами, изымались, анализировались специалистами, оценивались и, если они представляли интерес, отправлялись в специальное хранилище.

Разумеется, изъять ценности и картины у высокопоставленных чиновников не представлялось возможным, тогда, именно для тех, у кого нельзя было

просто отобрать награбленное, Отто фон Краус устроил эту выставку картин. В качестве приманки он разместил в центре экспозиции картину неизвестного живописца, изъятую у одного мелкого лавочника. Краус ждал того, кто заинтересуется картиной, изображающей суд инквизиции. Он рассчитывал на то, что обычных «ценителей искусства» эта картина заинтересовать не может, поскольку «ценители», в основном, соблазнялись именем мастера, а интерес к этой картине может проявить тот, кто знает тайный смысл начертанных на ней знаков.

Картиной заинтересовались двое: баронесса Геркан и штандартенфюрер Генрих Гофман, причем последнего настолько заинтересовала картина, что он изъявил желание ее приобрести. Перед Отто встал вопрос: кто такой Гофман? Что известно ему о цифрах, указанных на картине? Проявляет ли он личный интерес или представляет некую организацию? Отправив картину штандартенфюреру, Краус поехал к себе в управление, где появлялся только в случае крайней необходимости.

Тихий летний день клонился к закату, легкий ветерок чуть шевелил листву, редкие облака проплывали по угасающему небу, и казалось, что нет ни бомбардировок, ни пожаров, что никогда не разорвет тишину вой сирены, что мир и спокойствие торжествуют над Землей. Тогда, когда бравые солдаты вермахта победным маршем шли по Европе, никто из обывателей, рукоплескавших победам немецкого оружия, не мог себе представить, что придет час, когда с неба, такого синего и безоблачного, посыплются на их головы бомбы, что придется, бросив все, под рев сирен и вой самолетов бежать в ближайшее бомбоубежище. Это была расплата, расплата за то, что перестав думать, соображать, делать выводы и принимать на себя ответственность за то, что происходит в мире, они, простые немецкие люди, мужчины, любившие посидеть за столиком с бокалом пива, женщины, гуляющие с детьми по аллеям сада, мирно сидящие на скамейках старики, – все они доверились вождю, только он решит все их проблемы, только он возьмет на себя их грехи. «Я освобождаю вас от химеры совести!», – кричал фюрер, но не смог он освободить их от возмездия, от ответственности за то, что с их молчаливого одобрения творилось на этой земле.

Отто вывел свой «оппель» из гаража, это был скромный «оппель-олимпия», Краус не ездил на дорогих машинах, как и не пользовался услугами шофера, ничем не привлекая внимание к своей скромной персоне. Когда он

въехал в Берлин, а жил он в пригороде в своем доме, война напомнила о себе разрушенными домами, объездами завалов, маскировочными сетями и зенитными орудиями. Оставив машину у подъезда, он показал часовому пропуск, вошел в здание и направился в своей кабинет. Его порученец, капитан Гюнтер, увидев шефа, вскочил, вскинув руку в приветствии, Отто, тем же жестом ответил ему.

- Вот о чем я Вас попрошу, Гюнтер, – сказал Краус тихо и спокойно, он никогда не повышал голоса на подчиненных, – подберите мне все, что у нас есть на штандартенфюрера Генриха Гофмана, все, абсолютно все. Особенно меня интересует его родословная, копайте в глубь веков, ни одна мелочь не должна ускользнуть от Вашего внимания.

- Все будет сделано, шеф, – ответил Гюнтер.

Отто фон Краус, будучи полковником абвера, не любил, когда подчиненные обращались к нему упоминая его звание, он предпочитал, чтобы его называли просто, «шеф».

- Учтите, Гюнтер, времени у Вас.., – Отто сделал небольшую паузу, – до завтрашнего утра. Успеете?

- Постараюсь.

- Жду Вашего звонка. Постарайтесь, Гюнтер, это очень важно.

Гюнтер не удивился жесткости сроков, поставленных шефом для выполнения задачи, задания Отто фон Крауса всегда носили важный и срочных характер. Пробыв в своем кабинете не более получаса, Краус возвратился домой. Он думал о цифрах, начертанных на картине там, где обычно художники ставят свою подпись.

Что они могут значить? Возможно это шифр, но в те времена система шифров была весьма примитивна, она, в основном, основывалась на замене букв цифрами или буквами другого алфавита. Перебрав возможные варианты подстановки на место цифр букв греческого, латинского и арабского алфавита, Отто не получил ничего, что могло бы нести хоть какой-то смысл. Цифры еще могли означать географические координаты местности, на одной картине могла быть указана широта, на другой – долгота. Но проекция Меркатора, создавшего первый атлас Земли, была разработана только в 1570 году, а картина написана гораздо раньше. До этого времени была известна система координат древнегреческого ученого Клавдия Птолемея и арабского математика Аль Хорезми, по-

следняя отличалась большей точностью.

«Нужно будет съездить в библиотеку, покопаться там, – подумал Отто, – нужно выяснить все, что касается средневековых систем координат». С этой мыслью он и уснул, проснулся рано, ждал звонка, но телефон молчал. Отто умылся побрился, позавтракал яичницей с ветчиной, которую пожарил себе сам, он не пользовался услугами кухарки, в доме не было никого, ни прислуги, ни садовника. Наконец зазвонил телефон, это был Гюнтер.

- Я приготовил все, что Вы просили.

- Спасибо Гюнтер, сейчас приеду.

Порученец ждал его в кабинете, на столе лежала папка с документами, не такая объемная, как мог ожидать Отто. Гюнтер заметил неудовлетворенность шефа:

- Простите, шеф, это все, что мне удалось раздобыть.

Гюнтер выглядел уставшим, видно было, что всю ночь он не сомкнул глаз.

- Спасибо, Гюнтер, можете идти, сегодня Вы мне не понадобитесь.

Материалов по штандартенфюреру Гофману было мало, слишком мало, с учетом того, что абвер следил за сотрудниками гестапо, а гестапо следило за сотрудниками абвера. Черная кошка пробежала между этими могущественными ведомствами еще с тех времен, когда в 1920 году начали воссоздаваться органы разведки, запрещенные условиями Версальского договора. В это время абвер фактически взял на себя роль министерства внутренних дел, и когда было создано гестапо, остро встал вопрос о разграничении полномочий. Хотя Вальтер Канарис, руководитель абвера и шеф СД Рейнхард Гейдрих и издали 10 пунктов о разграничении полномочий, отношения между ними оставались весьма напряженными.

Материалов на штандартенфюрера Гофмана было собрано удивительно мало, о его службе ничего, кроме обычных стандартных фраз, известно не было, а родословная терялась где-то в глубине веков. Сам Генрих оказался родом их небольшой деревушки, расположенной у самой границы с Нидерландами, но откуда там появились его предки и чем занимались, неизвестно. Его отец, Алоиз Гофман, был профессором Мюнхенского университета и возглавлял кафедру истории, занимался он исследованием христианской религии. Когда к власти пришли нацисты, тема его работы была закрыта, христианство не интересовало

новую власть, актуальной темой стала история ариев. Алоиз Гофман оставил университет и уехал в имение своих предков, находящееся в небольшой деревушке у самой границы с Нидерландами.

Сын его, Генрих, поступил в Мюнхенский университет еще тогда, когда там преподавал его отец. Естественно, что поступил он на исторический факультет, и, в продолжение семейной традиции, занялся исследованием христианской религии. Во время учебы он познакомился с преподававшим там известным геополитиком, разведчиком, основателем общества «Туле»[18], Карлом Хаусхофером. Так он стал членом этого общества, преобразованного позже в «Ананербе»[19], наследие предков, перешедшее под покровительство Гиммлера.

Свои исследования истории христианства Генрих продолжал, не афишируя их, основным же направлением его работ стала история ариев. Генрих, подтасовывая факты, доказал, что именно германские племена стали наследниками древнего народа, населявшего некогда легендарную арктическую землю, Гиперборею.

Результаты его работы, заинтересовавшие самого Гиммлера, обеспечили ему хорошую должность в «Ананербе» и звание полковника СС – штандартенфюрера.

Отто решил посетить деревушку, откуда ведет свое начало род Гофманов, и изучить книгу записи рождения, венчания и похорон, что ведется у местного священника в каждом поселении. Если никаких стихийных бедствий и действий властей, которые могли бы уничтожить часть записей, не произошло, то можно было бы проследить родословную Генриха Гофмана еще со времен становления христианства.

Деревня на границе с Нидерландами не была затронута войной, здесь попрежнему текла мирная жизнь, как и века назад, и лишь флаг со свастикой над зданием местного отделения гестапо напоминал о том, что времена изменились. Местному священнику Отто представился частным предпринимателем, который интересуется историей края и желает написать об этом статью.

- Можете работать с книгами регистрации здесь, в кирхе, выносить их нельзя, – сказал священник подавая Отто толстые запыленные книги.

---

18 «Туле» – немецкое оккультное и политическое общество, появившееся в Мюнхене в 1918.

19 «Ананербе» – Наследие предков – тайное общество под патронатом Гиммлера, занималось оккультными исследованиями.

- Ого, да здесь работы не на один день! – обрадовался Краус. – Не подскажите ли, где здесь можно остановиться на несколько дней?

- Вон там, – священник показал рукой на дом, видневшийся вдали, – там старый Петер сдает комнаты постояльцам, правда, сейчас мало людей ездят сюда отдыхать, а вот раньше, до войны.., – священник осекся, опасаясь сказать лишнее.

Договорившись со стариком Петером о жилье на три дня за умеренную плату, Краус приступил к работе, он делал выписки из книг всего, что касалось предков Генриха Гофмана. Оказалось, что впервые записи о неком Гофмане, прибывшим из Фландрии, появляются в четырнадцатом веке, в 1314 году, когда последний Великий Магистр ордена тамплиеров, Жак де Моле, окончил свою жизнь на костре инквизиции. Имело ли это событие отношение к появлению в деревне некого Гофмана? Возможно, он имел отношение к тамплиерам и спасался от преследования, а возможно и нет. Выяснить откуда прибыл этот переселенец и по какой причине, было практически невозможно, вероятно, во Фландрии он носил иную фамилию. Отто решил поговорить с жителями села, для начала со старым Петером, возможно, сохранились какие-то слухи, легенды, предания, которые передаются через поколения.

Отто очередной раз сидел над книгой регистрации, делая выписки, и когда вошел священник, он, оторвавшись от своей работы, задал вопрос:

- Могу я спросить Вас, святой отец, что Вы можете сказать об Алоизе Гофмане? Интересная личность. Профессор Мюнхенского университета и в такой глуши. Что от за человек?

- Довольно странная личность, – ответил пастор, – в кирхе бывает редко, и не по праздникам, когда тут полно народа, а когда церковь почти пустует. Долго стоит перед распятием, но не молится, а просто стоит молча. Потом так же молча уходит. С прихожанами не общается. Он вообще ни с кем не общается. Ни разу не исповедовался. Люди относятся к нему настороженно, как только он появляется, все разговоры смолкают. Говорят, сын его занимает большую должность в Рейхе, вроде как приятель самого Гиммлера.

Священник, несмотря на радушный прием, оказанный Краусу, доложил о нем в местный отдел гестапо, и однажды вечером, когда Отто вернулся из костела в дом Петера, к нему пришел дежурный и пригласил для беседы с начальником отделения, гауптштурмфюрером Вилли Грефом. Краус знал, что

священник доложит о его визите, он просто обязан был это сделать.

Гауптштурмфюрера не удовлетворило объяснение Крауса о цели его прибытия и необычном интересе к регистрационным книгам, Вилли Греф решил задержать гостя до выяснения обстоятельств, и тогда Отто показал ему удостоверение полковника абвера, объяснив, что выполняет поручение своего начальника, полковника Лаубе. Удостоверение возымело действие на начальника отделения, и он, извинившись, отпустил Крауса, пожелав успеха в его работе. Но Отто не сомневался, что гауптштурмфюрер через свое руководство проверит, действительно ли Краус получил столь необычное задание от своего непосредственного начальника. И хотя Лаубе никакой подобной задачи своему подчиненному не ставил, слова Крауса он подтвердил.

Естественно, по прибытию в Берлин, Краус был вызван для объяснения.

- Я интересовался родословной штандартенфюрера Генриха Гофмана, у нас на него нет никакой информации, это подозрительно, я решил проверить.

- Не беспокойтесь, Отто, Гофман не предатель, он не агент иностранной разведки, он сотрудник «Ананербе», сами понимаете, данные о таких людях засекречены.

Отто фон Краус, получил то, на что рассчитывал, если бы он высказал свои подозрения Лаубе перед поездкой, то, возможно, Лаубе и поделился с ним информацией о Гофмане, но поездка бы не состоялась, и он не смог бы узнать того, что удалось ему выяснить из книг регистрации и бесед с местным населением.

По слухам, идущим из глубины веков, переселенца из Фландрии звали Готфруа, Гофманом он стал уже здесь, в Германии, говорили, что он был колдуном, которого во Фландрии непременно сожгли бы на костре. Гофманов в деревне не любили, говорили о них с опаской, или вовсе предпочитали молчать, хотя и не знали о том, какой чин в гестапо имеет их земляк. Отто предполагал, что и Готфруа не его настоящая фамилия.

Полученная информация порождала еще больше вопросов. Проявляет ли Гофман личный интерес к рукописям, или же он представляет интересы «Ананербе»? Но «Ананербе» не интересовалось историей христианства, для чего им эти рукописи? В то же время, вести поиск в личных интересах, на свой страх и риск сотруднику «Ананербе» было крайне опасно, чем был оправдан такой риск?

Баронесса Геркан

Хотя тайное общество Наследников рыцарей храма[20] официально и не принимало в свои ряды представительниц прекрасного пола, оно активно пользовалось влиянием женщин на тех, кто определяет политику, от кого зависит решение задач управления обществом. Институт жен и любовниц в политике был известен еще со времен древнего Египта, наиболее ярким примером в истории является влияние на политику Рима египетской царицы Клеопатры, соблазнившей сперва Цезаря, а после и его последователя, Марка Антония.

Все мужчины, если они, конечно, придерживаются естественной сексуальной ориентации, зависимы от женщин, потому многие тайные общества допускают на высшие ступени посвящения только мужчин нетрадиционной ориентации, ритуальные акты гомосексуализма нередко входят в обряд посвящения. Наследие матриархата настолько прочно сидит в современном обществе, что даже те мужчины, кто считает себя свободным от влияния прекрасной половины человечества, с презрением относящиеся к «женской логике», чаще всего и становятся жертвами дам. Женщина, зная логику поведения мужчин лучше, чем мужчины – логику поведения женщин, тому, кто всегда действует вопреки женскому совету, она посоветует не делать того, чего от него добивается. Даже если мужчина не женат и не имеет любовницы, всегда найдется подруга, сестра, жена лучшего друга, которая вовремя подбросит нужную ей идею.

Баронесса Геркан пользовалась влиянием в обществе аристократов, куда входили известные политики, банкиры, промышленники и военные, потому она, хотя и не была официальным членом общества Наследников рыцарей храма, но пользовалась в этой тайной организации правами не меньшими, чем ее члены довольно высокой степени посвящения. Она могла обращаться к Мастеру тогда, когда считала нужным, в то время, как другим приходилось добиваться высокой аудиенции согласно соответствующей процедуре.

Баронесса явилась к Мастеру сразу же после выставки картин, организованной Отто фон Краусом. Сам Мастер был человеком невысокого роста с неподвижным, как у восковой куклы лицом, сходство с восковой скульптурой

20 Название общества вымышлено, но существуют подобные тайные организации, подходящие для тех задач, о которых пойдет речь.

подчеркивала неестественная его бледность; аккуратно зачесанные седые волосы, прямой нос и тонкие губы довершали схожесть лица с манекеном. Говорил он ровно, без эмоциональной окраски, и невозможно было понять, как он реагирует на полученную информацию, одобряет ли то, что сделано или осуждает. Выслушав сообщение Изольды о том, что штандартенфюрер Гофман заинтересовался картиной, и даже приобрел ее у инициатора выставки, мастер сказал:

- Нужно выяснить, чьи интересы представляет Гофман, если это его личный интерес, то что им движет? Это важно для нас. В любом случае, не нужно ему мешать, пусть он сделает то, чего не могут сделать наши рыцари вот уже десять столетий, пусть найдет рукопись, а тогда будем действовать в зависимости от того, чьи интересы он представляет. Постарайтесь вызвать его на откровенный разговор, используйте все свое очарование, думаю, у Вас получится. А пока я Вас больше не задерживаю.

Попрощавшись таким образом с баронессой, Мастер отвернулся и занялся своими делами, будто посетительницы и вовсе не было в кабинете. Изольда молча вышла, она знала привычки Мастера.

В своем родовом замке, перестроенном по современному стилю, она устроила небольшую вечеринку для весьма узкого круга лиц, приглашены были лишь штандартенфюрер Гофман и Отто фон Краус. Прием состоялся в небольшом зале, в центре которого стоял стол, накрытый на три персоны. Стены зала были украшены гобеленами, изображавшими сцены охоты знатного вельможи в средние века. В центре гобелена, на белом коне, в пестром одеянии восседал сам вельможа, впереди мчалась за невидимым зверем свора собак, сзади на конях серой и темной мастей ехали слуги, один из них трубил в рог. В центре зала под высоким потолком висела хрустальная люстра, освещение было включено, а окна затянуты плотными шторами, – светомаскировку необходимо было соблюдать и аристократам.

Сама баронесса, высокая, стройная, в черном длинном платье, полностью закрытом спереди, и глубоким вырезом сзади, была очаровательна. Возраст ее уже миновав пору юности, еще не вступил в фазу увядания, хотя тонкие нити, идущие от основания носа к уголкам губ не превратились в морщины лишь благодаря усилиям косметолога. Предложив гостям выпить по бокалу вина, она легко и непринужденно начала отвлеченный разговор ни о чем.

Тот, кто не просто участвует в разговоре, а умело управляет им, знает, как

направить его в нужное русло, вбросить, вроде бы ничего не значащую фразу, которая переключит внимание собеседника, затем задать наивный вопрос, ответ на который известен, – и вот, разговор уже сменил направление, вышел на нужную тему. Так, незаметно, Изольда вывела беседу на тему рыцарей-тамплиеров, их тайны, предметы их поисков.

- Говорят, они искали священный Грааль и Копье судьбы, – озвучил известную версию Отто фон Краус, – те, кто обладает ими, могут получить полную власть над миром.

- Я слышала, – ответила баронесса, – что и сам Гиммлер ищет эти реликвии, возможно, они уже у него.

- Все это сказки, – возразил штандартенфюрер, он уже изрядно выпил, и пытался изложить свое понимание тайны тамплиеров, – как, по-вашему, баронесса, что дает власть над миром?

- Деньги и сила, что же еще?

- Ошибаетесь, баронесса! Деньги и сила – это еще не вся власть, самая главная власть – власть идеи. Если нет идеи, то деньги и сила ровно ничего не значат. Деньги можно потерять, вложив в проигрышное дело, силу можно утратить, убить, но идею убить невозможно. Убить можно человека, а идея будет жить, пока существует человечество, или пока ее не победит более мощная идея.

- Фюрер предложил миру идею национал-социализма, вряд ли есть идея, сильнее этой, – сказал Отто.

- Идея национал-социализма борется с библейской идеей, – ответил Гофман. – Как думаете, в какой культуре мы живем? Нет-нет, не возражайте! Все мы живем в библейской культуре, что изображает живопись? Сцены из Библии. Что воспевали поэты? О чем писали писатели? Ничего нового, все те же библейские сюжеты. А музыка? Бах, Бетховен? Вся музыка отражает сюжеты Библии. Идеи христианства распространились по всей Европе.

- Но мы создали новое искусство, – возразил Краус, – оно отвергает Библию и воспевает мощь и непобедимость арийского духа.

- Искусство вторично, – отозвался Гофман, – первична идея. Христианская идея отвергнута, но не сломлена. Ее нужно сломать, уничтожить.

- Что же, – спросила баронесса, – Вы предлагаете посадить в концлагерь всех священников?

- Это слишком примитивно, баронесса. Чтобы сломать идею, нужно разоблачить ее основу, доказать ее лживость. Что составляет основу христианства? Догма о том, что Бог сошел на Землю и своей смертью и воскресением искупил грехи человечества. А если мы докажем, что это ложь? Что Христос не умер на кресте, и потому воскресения не было?

- Эта мысль не нова, – ответила баронесса, – какой-то русский корреспондент уже писал об этом, он был в Тибете и видел документы, в которых говориться о том, что Христос после библейских событий ушел в Индию и там продолжал учить людей[21]. Но священники не признали подлинность этих документов.

- Это все косвенные доказательства. А что если мы докажем это словами самого Иисуса Христа? Если мы предоставим документы, которые содержат слова Иисуса, записанные свидетелями его проповедей, а не кем-то двести лет спустя, как все Евангелия? И вот еще что, – добавил Генрих, подняв очередной бокал, – как думаете, кем был Христос? Назорей или Назореянин? В разных местах Евангелия его называют по-разному, то назореем, то назореянином. Одни исследователи утверждают, что он не мог быть назореянином, поскольку города Назарета в те времена еще не существовали, о нем не упоминает ни Иосиф Флавий, ни другие историки. Иные доказывают, что Христос не мог быть назарееем, так как назореям было строго запрещено не только пить вино, то и употреблять в пищу виноград, а Христос с учениками пил вино. Еще он воскрешал мертвых, а назорей не мог входить в дом, где лежал покойник, ибо видя покойника, он осквернял себя прикосновением к смерти. Да и приобщить ребенка к секте назореев могли лишь его родители в младенчестве, так как человек, который однажды вкусил виноград, уже никогда не сможет стать назореем.

- Ну и что из этого? – спросила баронесса. – Теологи постоянно ведут споры вокруг различных мест как Нового, так и Ветхого завета. Сути это не меняет.

- Не скажите, баронесса. Есть вещи, которые меняют суть, подрывая сами основы христианства. Мой отец, профессор истории, много лет посвятил изучению документов, связанных с возникновением христианства. Он утверждает, что Иисус вовсе не сын Иосифа, он сын Иегуды Галилеянина, поднявшего вос-

---

21 Имеется ввиду книга русского военного корреспондента Н. Нотовича, «Неизвестная жизнь Иисуса Христа» .

стание после смерти Ирода Великого[22].

- Как?! – воскликнула баронесса. Ведь сыновей Иегуды Галилеянина казнили!

- Казнили двоих взрослых сыновей, а Иисус был младенцем. После гибели Иегуды некто по имени Иосиф, соратник Галилеянина, происходивший из рода царя Давида, взял вдову Иегуды Марию и младенца Иисуса, и бежал в Египет, спасаясь от преследований всех родственников главаря восставших.

- Но что это меняет? – поинтересовался Отто.

- А то, что в этом случае речь может идти только об Иисусе Варавве. Не мог соратник организатора восстания выбрать для сына его иной путь, кроме вооруженной борьбы с римлянами. Было два Христа, один – назорей, другой – назореянин. Один призывал к восстанию, другой – к миру. Именно Варавва был распят на Голгофе, именно его считают воскресшим их мертвых. Если эти документы предадут гласности, то основы христианской религии будут разрушены. Станет ясно, что молятся люди не Богу, а вождю, фюреру. И это придает нашему движению новую силу. Фюрер – наш Бог!

- Но почему Вы решили, что Христа было два, два мессии? – спросила баронесса.

- Родословная Иисуса приведена в двух Евангелиях, от Матфея и от Луки. Родословные совпадают до царя Давида, дальше они расходятся. У Матфея Иисус ведет свой род от ветви Соломона, а у Луки – от его брата Нафана. У Матфея сказано, что родится Вождь, который спасет народ Израиля, а у Луки – что родится пророк, и он будет нести свет просвещения всем народам.

Время рождения также различается. Матфей утверждает, что Иисус родился за год до смерти Ирода Великого, и родители его бежали в Египет, спасаясь от гнева царя. Это четвертый год до нашей эры. А у Луки сказано, что Иосиф с Марией пришли в Вифлеем из Назарета на перепись населения, проводилась она по указу кесаря Августа в шестом году нашей эры. Ирод Великий к тому времени был уже мертв, и об избиении младенцев и бегстве в Египет у Луки ничего не сказано.

- Но на эти противоречия исследователи христианства не могли не обратить внимания, – возразил Отто.

- Естественно, об этом писал и Штайнер, и Эмиль Бок. Они пытались по-

22 Это версия рассмотрена Ириной Хотиной в работе «Загадки Евангелий», глава 15.

своему разрешить эти противоречия. Штайнер предполагал, что старший Иисус умер в раннем возрасте, но, скорее всего, было по-другому. Умерла Мария, мать старшего Иисуса, а позже умер Иосиф-плотник, отец младшего. Иосиф, отец старшего Иисуса, взял Марию, мать младшего, и оба Иисуса долгое время жили в одной семье. Старший Иисус – это Варавва, назорей, а младший – Христос, назареянин. В Евангелиях смешаны два учения – Вараввы и Христа, хотя Христом, что означает мессия, помазаник Божий, народ считал и одного и другого. А мессия мог быть только один, потому и искали первосвященники способ схватить и уничтожить Назареянина.

В Евангелии много противоречий, но если разделить историю Христа и Вараввы, то все противоречия исчезают.

- И составители Нового Завета об этом знали?

- И не догадывались. Евангелисты писали свои сочинения спустя столетия после описываемых событий. Сменилось не одно поколение, предания передавались из уст в уста. Возможно, существовали и отдельные записи. Кто-то записывал слова Христа, а кто-то – Вараввы. И главное, они были уверены – мессия был один. Потом слова Христа и слова Вараввы слились в один миф.

- Простите, штандартенфюрер, – сказал Отто, – но откуда Вам это известно?

- Я окончил истоический факультет Мюнхенского университета и занимался историей религии, да и мой отец исследовал зарождение христианства и имел доступ к материалам из библиотеки Ватикана. Там есть один любопытный документ, письмо Понтия Пилата императору Тиберию. Из него следует, что прокуратор встречался с Иисусом Назареянином еще до его ареста. Он писал, что Назареянин не причастен к организации восстания и убедил кесаря в его полной невиновности. А потому отдать его на казнь он не мог, это означало бы, что он либо солгал Тиберию, либо не разобрался в ситуации. В любом случае казнь того, кого он признал невиновным, имела бы для прокуратора печальные последствия.

Но и это еще не все. Скажите, Отто, как бы Вы поступили, если бы Вам было поручено выяснить, не призывает ли некий проповедник народ к восстанию? Вызвали бы его для беседы? И все?

- Пожалуй, нет. Ведь Назареянин проповедовал открыто. Я поручил бы своему человеку следить за ним, записывать его проповеди и регулярно докла-

дывать. Потом я, вероятно, побеседовал бы с ним лично, но уже имея письменные доклады своего агента.

- Вот именно! Понтий Пилат так и поступил. И рукописи этих докладов существуют. Именно их искали тамплиеры. Эти документы дали бы им власть над церковью, а, следовательно, надо всем миром, где господствует христианская религия.

- Но откуда могут взяться подобные документы? – поинтересовался Краус.

- А вот это уже вопрос государственной тайны. «Ананербе» знает, где искать эти документы. Именно их искали тамплиеры. Искали, но не нашли. А мы найдем! Найдем! И тогда мы станем править миром! Мы! Наши идеи национал-социализма навсегда восторжествуют над библейской идеей! Кто правит миром сейчас? Короли? Президенты? Премьеры? Нет, нет, господа! Нет, и еще раз нет! Миром правят жрецы. Да-да, те самые жрецы древнего Египта, что дали миру библейскую идею. Мы знаем, где они. В Швейцарии. По всей Европе идет война, только в Швейцарии мир и спокойствие. Там, в ее банках, все капиталы мира. Почему фюрер начал войну в Европе, вместо того, чтобы захватить Швейцарию, ее банки, и тогда весь мир был бы у наших ног? Власть жрецов в Швейцарии сильнее власти фюрера. Фюрер сказал: «Швейцария – это прыщ на теле Европы, но придет время, мы и его раздавим». Скоро такое время придет. Когда мы докажем тем, кто правит миром, что знаем об обмане, что подбросили они людям в качестве наживки, покажем им документы. Тогда они сами положат мир к нашим ногам. Они будут делать все, что прикажем мы, ибо мы обладаем знаниями, недоступными более никому из смертных! Тогда все христианские страны, что воюют против нас: и Англия, и Америка, повернут оружие против России, они вынуждены будут сделать это, иначе библейская идея, которая составляет основу этих стран, рассыплется в прах.

Меридиан удачи

Отто фон Краус снова и снова анализировал каждое слово, сказанное на вчерашнем вечере. Нет, не мог штандартенфюрер случайно проговориться, не мог, даже изрядно выпив; он профессионал, а профессионалы не развязывают язык, не расслабляются, даже под воздействием алкоголя. Все, что было сказано, сказано умышленно, только вот, с какой целью? Хотел спровоцировать собеседников? На что? Какой реакции он мог ожидать? И вдруг Отто пришла в голову мысль: «Он не провоцировал, он обращался за помощью», нужна еще одна картина, это понимали все, кто-либо из двоих: то ли фон Краус, то ли баронесса могли знать, где искать вторую картину. Он не ждал немедленной реакции, он понимал, открыто никто игру вести не станет, но если ему захотят помочь, то информацию он получит.

Где может быть вторая картина, Краус не знал, а баронесса? Ведь не зря же она организовала эту вечеринку. Какова была цель? Услышать то, что она услышала от Гофмана? Выяснить, какова роль каждого из двоих в этой игре? А она, какова ее роль? Чьи интересы представляет Изольда Геркан? Решив отложить эти вопросы, Отто сделал то, что намеревался сделать вчера, посетить библиотеку, подобрать литературу по системам координат, которыми пользовались в средние века.

Он поехал в библиотеку, отобрал карточки книг, в которых были описаны исследования ученых древности в области картографии, и протянул карточки библиотекарше, старой чопорной даме в очках, фрау Эльзе. Приняв карточки у Отто, она внимательно посмотрела на них, издав многозначительное: «О...о».

- Что-то не так? – поинтересовался Отто.

- Нет-нет, все правильно, просто последнее время слишком популярны стали книги о географических исследованиях средневековья.

- Не подскажете ли, фрау Эльза, кто интересовался этими книгами до меня?

- Вообще-то это секрет, – кокетливо сказала фрау Эльза, поправляя прическу, – мы не сообщаем клиентам, кто брал книгу до него, но ради Вас, герр полковник, я готова сделать исключение.

- И кто же это?

- Штандартенфюрер Гофман, только...

- Ну... Естественно, это между нами. Но я не удивлен, штандартенфюрер интересуется той же тематикой, что и я, по долгу службы.

«Вот как, – подумал Краус, – Гофман опередил меня, но это хорошо, если бы я первым взял эти книги, то фрау Эльза, эта старая плутовка, «по секрету» рассказала бы об этом штандартенфюреру.»

Отто фон Краус несколько часов провел над книгами и выяснил, что цифры, указанные на картине обозначали, скорее всего, долготу местности в системе координат арабского математика Аль Хорезми. Он пересчитал долготу в современную систему, и когда нанес на карту вычисленный им меридиан, то ахнул, он проходил рядом с тем замком, в котором и была обнаружена картина.

Смог ли разобраться в координатах Гофман? Сумел ли пересчитать долготу в современную систему? Отто фон Краус окончил академию Генерального штаба, получил соответствующее образование, в том числе и в области математики, потому пересчитать долготу не составило для него невыполнимой задачи. А Гофман? Исторический факультет не давал серьезных знаний в области математики, достаточно ли хорошо разбирается Гофман в картографии? Но, даже если ему и удалось пересчитать долготу, то он не знает, где нашли картину.

Если первая картина обнаружена вблизи вычисленного меридиана, то и вторую, вероятно, следует искать где-то поблизости. Отто решил посетить замок, в котором нашли картину, изображающую суд инквизиции, поговорить с местными жителями, собрать мифы, легенды, предания, – возможно, удастся нащупать вторую нить.

Но для поездки на территорию оккупированной Франции нужно заручиться поддержкой своего непосредственного начальника, полковника Лаубе, оформить командировочные документы. Если поездка в селение на границе с Нидерландами дала результат благодаря тому, что была предпринята самовольно, иначе Лаубе, сообщив Краусу информацию о Гофмане, устранил бы повод для этой поездки, то в данном случае ситуация противоположная. Что сказать Лаубе? Какую причину для командировки придумать? И тут Отто решил, что придумывать ничего не нужно, надо сказать правду, не всю, конечно, а в том количестве, которое будет достаточно для мотивации поездки.

Полковник Лаубе был потомственным военным аристократом, в его облике чувствовалась военная выправка: стройность фигуры, походка, седые, коротко стриженные волосы, прямой нос, аккуратные усы, не опускающиеся ни-

же линии губ. Он был из тех ветеранов, что работали еще под началом легенды немецкой разведки, Вальтера Николаи, а начитал свою деятельность в качестве разведчика он под руководством Карла Хаусхофера, основателя геополитики. Он не любил этих выскочек из гестапо, вчерашних лавочников и булочников, пришедших к власти на волне национал-социализма, этих мясников, костоломов. Для него разведка – это тонкая работа ума, главное в разведке переиграть противника, а не ломать ему кости на допросах, выбивая показания.

Отто фон Краус вошел в кабинет к своему начальнику, полковнику Лаубе.

- Разрешите, герр полковник?

- Слушаю Вас, Отто.

- Мне необходимо выехать на несколько дней во Францию.

- По нашей работе, или по Вашей предпринимательской деятельности? – спросил полковник.

- Ни то и ни другое, мне нужна эта поездка в связи с делом штандартенфюрера Гофмана.

- У Вас есть что-то на него?

- Нет, герр полковник, дело обстоит совсем наоборот, ему нужна моя помощь.

- Помощь? Гестапо? Какой в этом смысл?

- Смысл есть, герр полковник, Гофман ищет документы, древние рукописи, которые, по мнению «Ананербе», могут изменить ход войны.

- Бросьте, Отто, ход войны уже ничего не изменит, даже обещанное фюрером чудо-оружие. Что за документы?

- «Ананербе» ищет древние рукописи, в которых содержатся слова Иисуса Христа, те, которых нет ни в одном из Евангелий.

- Бред какой-то. Ну и как эти рукописи могут повлиять на ход войны?

- Специалисты из «Ананербе» считают, что информация, которая содержится в рукописях, может существенно подорвать основы христианской религии, и тогда союзников России, а это страны с христианской религией, их можно будет шантажировать этими рукописями, вынудить заключить с Германией сепаратный мир.

- Только мистики из «Ананербе» могут додуматься до такого, с ними никто не будет даже разговаривать. Я, Отто, человек старого воспитания, католик, и не верю всяким оккультным бредням, я скептически отношусь ко всяким апо-

крифам, и уж никак не думаю, что они могут спасти Гарманию от поражения. А заключением сепаратного мира пусть занимаются дипломаты. Это геополитика, Отто, старик Хаусхофер говорил о союзе Германии и России, континентальных держав против морских, Англии и Америки, но Британия нас переиграла, она стравила Германию и Россию, и было бы наивно думать, что Британию можно чем-то шантажировать.

- Я тоже человек старого воспитания, и мне, честно говоря, не хотелось бы, чтобы эти апокрифы, если, конечно, они существуют, попали к гестапо.

- Так Вы хотите помочь Гофману, или помешать ему?

- Скажем по-другому, хочу сам разобраться, и если эти рукописи действительно существуют, то желательно, чтобы ими занимались историки и политики, а не мистики и шарлатаны.

- Тут я с Вами согласен, Отто, поезжайте, но особо не увлекайтесь этим делом, помните, у нас с Вами есть более важные дела.

В германской разведке были люди, которые понимали, что поражение Германии неизбежно, даже заключение сепаратного мира не может изменить ход войны, и дело, которое Лаубе назвал более важным, состояло в том, чтобы организовать работу германской агентурной сети в интересах Соединенных Штатов. Разведчики и США и Германии понимали, что с падением власти Гитлера бывшие противники станут союзниками в той тайной войне, которая не прекращается даже в мирное время, и общим врагом для них будет Россия. Понимал серьезность и важность этой работы и Отто фон Краус, принимая в ней самое активное участие, он преследовал цели, отличные от тех, что стояли перед Лаубе и его американскими коллегами.

Всю ночь шел дождь, дул ветер, швыряя мокрую листву в окна, завывал в трубах, словно голодный бездомный пес в предчувствии неотвратимой беды. К утру непогода утихла, и едва серое утро забрезжило над промокшим городом, Отто вывел свой «оппель» из гаража и выехал в сторону французской границы.

Он ехал по вымытому дождем асфальту, обгоняя колонны грузовиков с солдатами, они двигались на Запад, туда, где высадились войска союзников, открывших, наконец, обещанный второй фронт, когда стало ясно, что Советский Союз и сам справится с фашистской Германией. Уже виден был конец войны, Англия и США решили предпринять наступление, не для того, чтобы помочь русским, сохранить жизни тем, кто один на один сражался с фашизмом, а для

того, чтобы потом, на правах победителей, участвовать в послевоенном устройстве мира. Отто пытался сквозь забрызганное водой стекло разглядеть лица солдат, в них уже не было той уверенности, что переполняла их в мае 1940, когда они победным маршем прошли по Западной Европе. Теперь Германия вела войну на два фронта, и даже самому неизлечимому оптимисту было ясно – конец войны предрешен.

Во Франции, в отделе абвера, Отто сменил свой «оппель-олимпию» на «пежо» и продолжил путь в северо-восточную область, изрезанную горными хребтами, сбегающими к той болотистой низменности, которая в средние века называлась Фландрией. Приехав туда, где располагался замок, некогда принадлежавший графу де Гиру, Отто, решив поговорить с местным населением, представился писателем, Пьером Готье, взяв фамилию известного французского литератора Теофиля Готье, и лишь один пожилой француз спросил его:

- А не родственник ли Вы, мсье, тому Готье, что написал роман «Капитан Фракасс»?

- Внук, – ответил Отто.

Отто фон Краус, как русский дворянин, французским владел безупречно, потому писатель, собирающий мифы, легенды, предания, не вызвал ни у кого подозрения. Отто остановил машину на обочине и подошел к крестьянину, пасшему овец на склоне горы напротив замка де Гира.

- Красивые здесь места, не правда ли?

- Да, места красивые, а Вы, как я погляжу, человек городской, решили отдохнуть на природе?

- Я писатель, собираю мифы, предания, хочу написать книгу об этих местах, вот интересуюсь, кто проживал в этом замке, скажем.., – Отто сделал паузу, – в двенадцатом веке?

- Э, как далеко Вы хватили. Да кто же его теперь знает? Разные слухи ходят, говорят, жил тут колдун, которого сожгли на костре, а иные сказывают, что убили его рыцари, чтобы отобрать замок и земли. А вот там, на горе, в пещере жил монах, там скала есть, которая так и называется, Старый монах. Только Вы туда не ходите, там теперь, – пастух понизил голос до шепота, хотя их слышать никто не мог, – теперь там концлагерь.

- А кто теперь живет в этом замке?

- Теперь-то ни кто не живет, молодой хозяин служил в авиации, а как

началась война, так пропал, может погиб, а еще говорят, – пастух снова понизил голос и с опаской оглянулся, – что он с другими французскими летчиками воюет в России против немцев.

История – это разведка

История – это разведка, разведывающая назад[23], вглубь веков – так любил повторять Отто фон Краусу его руководитель и наставник в Москве. Чем больше Отто общался с людьми, тем более противоречивые версии исторического прошлого возникали перед ним, одни рассказывали, что у старого графа была дочь, которую сожгли на костре, другие – что у графа был сын, который влюбился в девушку, и именно ее сожгли на костре, третьи – что в простую деревенскую девушку влюбился сам инквизитор, но она не отвечала ему взаимностью, и он сжег ее на костре. А еще рассказывали, что девушка, о которой идет речь, была дочерью виконта, что жил в замке, расположенном в пятидесяти километрах вниз по реке.

Замок виконта, имени которого уже никто не помнил, представлял собой груду развалин. Стены и башни давно обвалились, местами из земли поднималась кладка до полуметра высотой, обвитая плющом и поросшая лопухами. Одна башня сохранилась до половины, оплетенная вьющимися растениями: хмелем и диким виноградом, часть стены, примыкающая к башне, образовывала треугольник, как бы подпирая ее. Внизу, под остатками стены, в широких лопухах валялась груда поросших мхом камней, меж ними бегали зеленые ящерицы, устроив под камнями свои жилища. Камней было на удивление мало, видимо местные жители растащили развалины, используя камни для строительства. От рвов, некогда окружавших замок, не осталось и следа. Искать картину в этих развалинах не было смысла, ничего ценного давно уже не осталось, а если какие-либо картины и были, то они уже давно уничтожены ветром и дождями, что свободно гуляли по заброшенным, развалившимся строениям.

Замок был покинут своими обитателями много веков назад, и с тех пор,

23 Сравнение истории с разведкой принадлежит Константину Мефодиевичу, высокопоставленному сотруднику личной разведки Сталина (ист. А.Мартиросян, «Заговор маршалов. Британская разведка против СССР»)

по-видимому, никто не завладел этой территорией, пребывающей в запустении и забвении. Отто бродил по развалинам, не обнаруживая ничего, что могло бы напомнить ему о прежних хозяевах замка. Его окликнули с дороги:

- Эй, мсье, что Вы делаете там? Это территория заповедника! Она охраняется.

- Извините, не думал, что это заповедник, и что, собственно, здесь охранять?

- Да, сейчас, конечно, охранять нечего, заповедником эти руины объявили перед самой войной, сейчас не до них, но после войны мы обязательно восстановим замок, это уникальное место, замок одиннадцатого века, здесь есть реликтовые растения, которые не растут более нигде. А там, за вашей спиной, кустарник роз, растения давно одичали и выродились, но среди них есть сорта, редкие для этих мест.

Человек, окликнувший Отто пробрался к нему сквозь густую листву деревьев и кустарники. Это был скромно одетый мужчина среднего роста, лет пятидесяти, черные с проседью волосы были аккуратно причесаны, черные глаза на смуглом лице выдавали уроженца южных провинций.

- Извините меня, мсье, я школьный учитель, заведующий местным музеем, который сам и организовал. Жак Лафар, – представился он.

- А я, писатель, Пеьр Готье, – отрекомендовался Отто, – собираю местные легенды, предания.

- О! Я мог бы Вам многое рассказать! Давно занимаюсь историей этих мест. Все началось с мальчишек, они лазили по развалинам и задавали мне вопросы, на которые я не знал, что и ответить, ну и решил заняться историей, кто и когда построил замок, кто здесь жил? Так, понемногу, набралось материала на небольшой музей. Хотите посмотреть?

- Да, с огромным интересом! Это далеко?

- Там, в деревне, километрах в пяти.

- Ну, тогда воспользуемся моим «пежо».

Деревня находилась ниже по течению реки, на самом берегу, поросшем ивами и кустарником, школа – двухэтажное строение с островерхой крышей, покрытой красной черепицей, стояла на возвышенности в самом центре деревни. Музей располагался в помещении школы и занимал две небольшие комнаты, в одной были собраны доспехи и оружие рыцарей средневековья, во второй

на стенах висели картины, изображающие эту местность в те давние времена, когда высился еще замок, ныне разрушенный временем. На стеллажах вдоль стен были собраны образцы посуды, дамские украшения, элементы лепки, некогда служившие отделкой стен и потолка, обломок каминной решетки и даже старинная библия.

- Интересные у Вас экспонаты, – заключил Отто, осмотрев музей.

- Все это удалось собрать там, в разрушенном замке, если поискать, то можно найти еще много интересного, есть подземные помещения, ныне заваленные, но ребята мои раскопали некоторые из них, там и нашли эти вещи.

- Скажите, а никаких старинных картин вы не находили? Обычно в замках было принято хранить портреты предков.

- Мы нашли в подземных комнатах несколько картин, возможно портретов, но они все в ужасном состоянии, даже невозможно определить, что изображено на них, поэтому я их и не выставил.

- А можно на них взглянуть?

- Конечно можно. Вот, пройдемте сюда.

Жак провел Отто в еще одну комнату, где были собраны остатки картин, обнаруженных в замке. Отто достал из кармана лупу и внимательно осмотрел поверхность полотен, ничего не напоминало того, что он искал, скорее всего, это были портреты бывших владельцев замка, выполненные довольно грубо, не представляющие интереса.

- Интересуетесь живописью? – спросил Жак.

- Да, меня, в основном, интересуют работы старых фламандских мастеров.

- Тогда эти картины Вас не заинтересуют. Это все грубая мазня, не более, хотя от них мало что сохранилось, но руку мастера я могу определить и по остаткам полотна.

- Вы художник? Это Ваши картины, там в зале?

- Да, некоторые из них мои. Называть меня художником было бы слишком громко, я просто любитель, но в живописи разбираюсь, я изучал старинную живопись, правда, я самоучка, специального образования не имею, но ценность картины определить могу. Здесь ничего интересного нет. Если что-то ценное и было, то хозяин, вероятно, вывез его, когда покинул свой замок.

- Вы считаете, что замок был покинут? Хотя и так понятно, что замок за-

брошен давно.

- Замок покинут его владельцем где-то в 1260 — 1300 годах, так гласит древняя легенда.

- Интересно, что говорит легенда об этих местах?

- Хотите послушать?

- Да, если не возражаете, то даже кое-что запишу, я ведь собираю предания старины, мне будет очень интересно услышать легенду здешнего края.

- Так, вот, – начал свой рассказ Жак, – принадлежал этот замок некому виконту де Ламберу. Была у него дочь, красавица, и розарий, остатки которого Вы видели на развалинах замка. В дочь был влюблен один художник, и жили бы они счастливо, если бы не любовь инквизитора.

- Любовь инквизитора?

- Да, мсье, сам инквизитор влюбился в дочь виконта, он арестовал ее по обвинению в колдовстве, хотел силой заставить полюбить себя, а когда та ему отказала во взаимности, отправил ее на костер. Сказывают, что он силой овладел ею, и у нее родился сын, которого инквизитор отдал в монастырь.

- А как же художник? С ним что стало?

- Сведений о нем нет, он отправился на Ближний Восток, на Святую землю, видимо, там и сгинул. А виконт, после гибели дочери, собрал отряд рыцарей и напал на монастырь, где жил инквизитор. Монастырь защищали рыцари-тамплиеры, но виконт разбил их и убил инквизитора, а сам, опасаясь преследования, вместе со своим отрядом ушел на остров Руян, теперь это остров Рюген, в Германии.

- А Вам ничего не говорит фамилия Готфруа? – спросил Отто.

- Готфруа был слугой виконта, командовал отрядом рыцарей, он погиб в том бою, когда штурмовали монастырь.

- А Вы ничего не путаете? Готфруа действительно погиб?

- Нет. Не путаю, но сами понимаете, легенда. Кто знает, насколько она соответствует реальной истории? А почему Вы интересуетесь Готфруа?

- Я собираю предания старины, и как-то, в Нидерландах, в деревушке у самой границы с Германией, слышал легенду о неком Готфруа, переселившимся около 1300 года в Германию.

- О! Вспомнил! По одной из легенд, сын инквизитора, по достижению совершеннолетия, стал рыцарем-тамплиером, взяв фамилию Готфруа, а когда

тамплиеров стали преследовать при короле Филиппе, бежал, возможно, что и в Германию.

- Но, а художник, не мог же он не написать портрет своей возлюбленной?

- Вполне возможно, но если такой портрет и существовал, то виконт забрал его, когда покинул замок, это, наверное, была единственная память о дочери. Несколько картин этого художника у меня есть, Вы видели их в зале, но портрета среди них нет.

Отто вернулся к картинам и осмотрел их более внимательно: на одной из них был изображен замок виконта, на другой розарий, а на третьей – горы. Похоже, они принадлежали кисти того же мастера, что написал «Суд инквизиции».

- Вот на этой картине, – Жак показал рукой на горный пейзаж, – видите там, пещера? Это прямо над нами, если подниматься по самой короткой тропе, то за день можно дойти до этого места. Вот в этой пещере, по преданию, жил монах-отшельник. Вот эта скала так и называется, «Старый монах». Теперь немцы устроили там концлагерь. Условия жуткие. Там и летом дуют холодные ветра, а зимой и вовсе ад ледяной. Бараки не отапливаются, некоторых держат в пещерах. Люди умирают каждую неделю.

- Эти картины Вы обнаружили на развалинах? – удивленно спросил Отто. – Они в отличном состоянии.

- Нет, что Вы, мсье, эти картины я приобрел у одного коллекционера в Париже, сразу узнал наши места, и предложил ему продать их. Это уже потом я сделал вывод, что картины написаны тем самым художником.

- А как они попали к нему?

- Не знаю толком, говорил, что купил их на какой-то частной выставке.

Когда Отто посмотрел на карту, он понял, что рукописи спрятаны где-то на территории теперешнего концлагеря, меридиан, указанный на первой картине проходил через пещеру старого монаха. Это было единственное место, где можно было спрятать рукописи, постоянная температура подземелья способствует минимальному разрушению хранимого. Вторую картину следует искать где-то на острове Рюген, но Отто уже мог передать данные о месте, где вероятнее всего хранится рукопись. Приступить к поискам прямо сейчас мешает концлагерь, но это не надолго, союзники наступают, скоро эти места будут освобождены.

Тайна острова Рюген

Говорят, беда не приходит одна, но и удача порою ведет за собой другую удачу. Простившись со школьным учителем, собравшим и бережно сохранившим местные легенды и реликвии, Отто ехал по пыльной проселочной дороге в сторону шоссе, но его остановили, въезд на шоссе был перекрыт военными регулировщиками. По шоссе, что спускалось с перевала, названного в честь старого монаха, одна за другой шли грузовые машины с контейнерами серого цвета, маркированными буквами и цифрами. Там, наверху был только концлагерь, ничего другого не было. Значит, его эвакуируют? Что, концлагерь? Или то, для чего он был здесь построен? Военное производство? Подземный завод?

Когда вся колонна спустилась с перевала и регулировщики покинули свой пост, Отто последовал за колонной. Машины шли быстро, без остановок в сторону границы. На некоторое время он потерял колонну из виду, когда менял полученный в отделении абвера «пежо» на свой «оппель», но у самой границы вновь догнал ее. Колонна проследовала через границу без досмотра и проверки, не останавливаясь и не сбавляя скорости. Машины шли в сторону морского порта Германии, города Киля. Проводив колонну до самого города, Отто вернулся в Берлин. Он сумел переписать номера машин и маркировку контейнеров. На следующий день Отто встретился со своим агентом, встречались они в парке, на скамейке, Отто говорил, не поворачиваясь к собеседнику, смотря прямо перед собой:

- У меня к Вам будет просьба, Пьеро, – это была кличка агента, ни имени, ни фамилии, просто Пьеро, – постарайтесь узнать куда отгрузили контейнеры под такой маркировкой, вот список, – он рукой пододвинул к Пьеро сложенный вчетверо лист бумаги, Пьеро взял список и спрятал в рукаве пиджака, – и еще, свяжитесь с нашими людьми во французском сопротивлении, это срочно. Концлагерь у скалы «Старый монах» будет ликвидирован, узников, скорее всего, расстреляют. Нужно организовать нападение на лагерь, спасти пленных, от них следует узнать, что за подземный завод находился в этих горах, что он производил? Когда начато производство? Все.

Через три для, Отто, прогуливаясь по парку, заметил, что у афиши с концертной программой звезды Третьего Рейха, Марики Рёкк, аккуратно оторван нижний левый угол. Это был знак того, что задание выполнено, можно идти на

встречу с агентом. Если бы был оторван правый угол, – это означало бы, что операция провалена и встреча не желательна.

Пьеро сидел на скамейке и читал газету, он никак не прореагировал, когда Отто сел рядом, говорил Пьеро тихо, не поворачиваясь к собеседнику, продолжая смотреть в газетный разворот:

- Контейнеры прибыли в порт, их погрузили на подводную лодку, сегодня лодка ушла, куда, неизвестно. Узников концлагеря удалось спасти. У них была подпольная организация, было оружие. Согласовали действия с партизанами, бой был коротким, охрана уничтожена, пленные в отряде, в горах. Потери: четверо наших и двое пленных. На подземном заводе собирались производить оружие возмездия, собрали только одну бомбу. На сборке, на всех радиационно опасных операциях, использовали военнопленных безо всякой индивидуальной защиты. У многих уже вылезли волосы. Месяц назад продукцию вывезли, куда, неизвестно, вывезли и всех специалистов. В тех контейнерах, что увозили позавчера, было оборудование и обогащенный уран. Упаковывали и грузили заключенные. Вчера их должны были ликвидировать. Расстреливать не собирались. Планировали согнать всех в пещеру и подорвать вход, завалить, похоронить заживо.

Так, совершенно неожиданно, Отто получил информацию о состоянии дел в ядерной программе Третьего Рейха. Было ясно, что немцы добились определенного успеха, был даже создан опытный образец, который где-то, каким-то образом должен будет пройти испытания. Десант союзников создал угрозу захвата подземного завода, он был демонтирован и вывезен. Но куда? Поскольку его вывозили подводные лодки, то восстановлен он будет уже за пределами Германии. Этот вопрос еще предстоит решить, а пока нужно продолжить поиск рукописи.

Хотя координаты места, где спрятана рукопись, уже были определены, картину все же нужно было найти, и для этого Отто решил поехать на остров Рюген, но когда он обратился к Лаубе, то неожиданно получил отказ.

- Я не могу Вам оформить пропуск на остров, с некоторых пор он закрыт, даже абверу не положено знать, что там происходит, – ответил полковник Лаубе на просьбу Отто. Займитесь лучше нашей агентурой в России, коллеги из США нас торопят.

- Странные вещи происходят, не находите, герр полковник? На острове

собираются испытывать оружие возмездия, а разведке об этом знать не положено.

Отто не знал о том, по каким причинам закрыт остров Рюген, об испытании нового оружия, которое должно изменить ход войны, у него никакой информации не было. Он лишь предположил, что это возможно, и заявил об этом, как об известном ему факте. Что ответит Лаубе? Из его ответа можно будет сделать вывод о верности такого предположения.

- Каждый занимается своим делом, Отто, – ответил Лаубе, – знают те, кто обеспечивает безопасность испытаний, а задача разведки, знать, что готовит противник.

Полковник косвенно подтвердил верность предположений Крауса. Нужно было выяснить, что же происходит на острове? Пьеро понадобилось две недели для того, чтобы разузнать у населения Штральзунда, города на побережье, соединенного дамбой с островом, какие события последнего времени нарушили спокойную жизнь обывателей. Пьеро великолепно владел искусством общения: познакомиться с людьми, завязать непринужденную беседу, простыми, невинными вопросами о жизни вывести собеседника на интересующую его тему так, чтобы никто не мог заподозрить его особый интерес.

Если хотите узнать побольше о последних события в городе, районе, во дворе, поговорите со стариками и старушками, что сидят на скамейках и обмениваются друг с другом сплетнями. Они наблюдательны, ни одно событие не пройдет мимо их внимания, они обязательно заметят то, на что не обратит внимания молодежь, что не смогут увидеть занятые своими делами рабочие люди. Старики видят мелочи, детали, и еще, они любят, когда найдется тот, кто сможет их выслушать. Выслушать все: их семейные неурядицы, отход молодежи от старых традиций, капризы погоды, болезни и прочие заботы и волнения, среди которых упомянут и нужную Вам информацию.

Нашлись люди, которые вспомнили, как однажды ночью, примерно месяц назад, их разбудил гул моторов: два военных грузовика и два автобуса прошли на большой скорости по дамбе на остров, при этом дорога была оцеплена военными, а наутро у дамбы появился шлагбаум и люди в черной форме СС стали проверять документы у всех, кто пытается попасть на остров. Рыбаки рассказывали, что в море, у северной оконечности острова строят какую-то платформу, для чего баржами с берега завозят металлические конструкции.

Связав эту информацию с тем, что происходило в концлагере у «Старого монаха», Отто сделал вывод, что его предположение об испытании ядерного оружия в районе острова Рюген не лишено основания. Необходимо было узнать дату проведения испытаний, и в этом ему мог помочь ни кто иной, как штандартенфюрер Гофман, и тему Гофмана совершенно неожиданно продолжил полковник Лаубе. Он вызвал Отто и сообщил:

- Удивляюсь Вашей проницательности, похоже, Ваши опасения относительно штандартенфюрера Гофмана подтвердились. Наши коллеги из третьего отдела[24] перехватили радиограмму, адресованную МИ-6[25], там упоминается имя штандартенфюрера Гофмана, якобы он обладает информацией, которой интересуется британская разведка. Займитесь им.

- Почему Вы решили, что радиограмма адресована именно МИ-6? Этот передатчик уже работал? Перехваты были?

- Нет, передатчик вышел на связь впервые, или наши пеленгаторы по каким-то причинам его не засекали. Но система шифрования использована та, которой обычно пользуется МИ-6.

- Ну, тогда радиограмма может быть адресована кому угодно, применение аналогичной системы шифрования еще ни о чем не говорит. Или шифр совпал?

- Шифр не совпал. Наши специалисты промучились не один день, прежде чем смогли ее расшифровать.

- Текст у Вас есть?

Полковник Лаубе протянул Отто лист с текстом.

«Штандертенфюрер Генрих Гофман. Часть информации у него»

- Когда перехвачена радиограмма?

Лаубе назвал день, тот самый день, когда Отто фон Краус организовал выставку картин в своем особняке. Именно тогда Гофман проявил интерес к картине «Суд инквизиции» и Отто продал ему эту картину, кроме их двоих об этом знала только баронесса Геркан. Каков ее интерес в этом деле? Кому она сообщала о том, что Гофман купил картину? Или не она? Те, на кого она работает?

Штандартенфюрер Гофман был потомком инквизитора, это Отто понял из легенды, рассказанной школьным учителем, Жаком, а баронесса? Кто она? Ру-

24 Третий отдел абвера занимался контрразведкой.

25 МИ-6 – разведка Великобритании.

копись искали тамплиеры, возможно, существует какой-то тайный орден, продолжающий их традиции и баронесса как-то с ним связана. Тогда центр этого ордена находится в Британии, хотя почему именно в Британии? С таким же успехом он может находиться и в Швейцарии, не о нем ли упоминал Гофман на вечеринке у баронессы?

Но есть еще одна не стыковка, тайные организации масонского типа не пользуются радиосвязью, это не их уровень. Они осуществляют бесструктурное управление. А если возникла потребность в быстрой передаче информации, то что-то должно решиться в самые кратчайшие сроки. Что? Не важно, кому была предана эта информация, важно, зачем? Или, действительно, речь идет о заключении сепаратного мира между Германией и союзниками? Кто в этом может быть заинтересован, кроме Германии? Британия? США? Вряд ли. Теперь даже выход союзников из войны не сможет предотвратить поражения Германии. Тогда кто и зачем? Кто заинтересован в сохранении Третьего Рейха? Куда вывозили оборудование секретного военного завода?

И тогда Отто подумал, что не зря Гофман говорил тогда, на вечеринке у баронессы, про Швейцарию. Те, кто управляет миром, решили законсервировать идею нацизма, сохранить ее и ее носителей на будущее, возможно, не такое уж близкое, а для этого им, именно им, а не «Ананербе» нужно обладать информацией, способной обрушить христианскую религию. Именно эти силы и представляет баронесса Геркан.

Теперь относительно штандартенфюрера Гофмана, он просил помощи, именно с этой целью он якобы проговорился о целях поиска рукописи. Он ждет, что ему дадут информацию, но он, безусловно, понимает, что информацию дадут не безвозмездно. Он знает, наверняка знает о дате проведения испытаний ядерного оружия, а Отто знает о том, где искать вторую картину.

Отто предложил штандартенфюреру встретиться у него в особняке, показать несколько новых картин, которые могут заинтересовать Гофмана, как любителя живописи. Это были картины известных мастеров, полученные Отто через созданные им структуры по сбору и оценке антиквариата. Гофмана именно эти картины не интересовали, важен был повод для встречи.

Показывая картины, рассказывая о них, Отто, как бы невзначай, заметил, что интересная коллекция картин старых фламандских мастеров находится на острове Рюген, посетовал на то, что не может получить пропуск на остров и

спросил штандартенфюрера, не знает ли он, когда въезд на остров снова будет открыт? И Гофман ответил. Он получил интересующую его информацию и обязан был за нее заплатить, он назвал дату проведения испытаний ядерного оружия.

- Думаю, после двенадцатого октября Вы можете без проблем получить пропуск на остров, – ответил Гофман.

Значит, двенадцатого октября[26] будет произведено испытание «оружия возмездия». Отто срочно передал эту информацию через Пьеро своему руководителю в Москве. Теперь важно узнать, где будет законсервирована идея нацизма, где будет сохранен Третий Рейх, а может, Четвертый?

Тайны Третьего Рейха

Отто фон Краус вызвал к себе специалистов из отдела контрразведки, которые занимались внешним наблюдением, он получил задание от своего начальника, полковника Лаубе, на отработку дела штандартенфюрера Гофмана, но не столько Гофман интересовал его, сколько баронесса Геркан. Отто велел установить за ней наблюдение, ему нужно было знать, где бывает баронесса, с кем встречается, чем интересуется. Отчеты о своей работе сотрудники службы наружного наблюдения ежедневно передавали ему через Гюнтера, порученца Отто. Читая о посещении баронессой парикмахерских, магазинов, дамских салонов, он пока не находил ничего, что могло бы его заинтересовать. Однажды его внимание привлек визит баронессы в старый особняк на окраине города.

- Гюнтер, – обратился он к порученцу, – выясните, что это за особняк, кому он принадлежит?

Особняк принадлежал некому барону Вальсингаму, о котором практически ничего не было известно. «Странно, – подумал Отто, – где-то я уже слышал это имя. Вальсингам. Где я мог слышать его?» И вдруг его осенило, Вальсингам

26 По показаниям немецких военнопленных, 12 октября 1944 года на острове Рюген, на платформе в море, был осуществлен подрыв ядерного боеприпаса мощностью порядка одной килотонны. Официальных данных нет, либо они засекречены. Измерение уровня радиоактивности на острове в настоящее время подтверждает это предположение, хотя специалисты полагают, что радиоактивный фон мог образоваться и вследствие Чернобыльской катастрофы.

– персонаж трагедии Пушкина «Пир во время чумы», загадочный друг баронессы взял себе псевдоним зловещего литературного героя. О чем это говорит? Только о том, что этот странный человек читал Пушкина, больше ни о чем, хотя...

- Гюнтер, кто у нас занимается прослушиванием телефонов? Мне нужно, чтобы все разговоры этого Вальсингама, особенно во время визитов к нему баронессы, были записаны на магнитофон.

- Я приглашу специалиста из отдела связи.

Когда майор из отдела связи вошел в кабинет Крауса, тот, предложив ему сесть, спросил:

- Можете прослушать то, что говорят в этом доме? – Отто протянул майору лист с адресом и именем владельца.

- У нас нет прослушки по этому адресу, можем записывать только телефонные разговоры.

- Этого не достаточно. Мне нужно знать о чем говорят в доме.

- Дело в том, – ответил майор, – что угольный микрофон, который стоит в телефоне, отключен от питания, когда трубка лежит на рычаге. Но это дело поправимое. Мы отключим хозяину дома телефон, а когда он вызовет мастера, придет наш человек и заменит аппарат. Микрофон будет работать постоянно, тогда мы сможем записывать все разговоры.

- Это нужно сделать как можно скорее.

- Не беспокойтесь, герр полковник. Я сейчас же отдам соответствующие распоряжения.

Через три для Краусу принесли магнитофонную запись разговора хозяина дома с баронессой.

- Мы проверили Вашу информацию, баронесса, – произнес сухой бесцветный голос, – все то, что говорил Вам штандартенфюрер на вечеринке, полная чушь. «Ананербе» не занимается поиском рукописи. Говоря о Швейцарии, Гофман имел ввиду Бессмертных. Но откуда он знает об их существовании? Они никогда не пойдут на контакт с представителями Рейха, тем более с Гиммлером. Они управляют бесструктурно и планируют, как минимум, на сто лет вперед. Проект «Третий Рейх» был обречен еще тогда, когда мы его создавали. Он выполнил свою задачу, больше он нам не нужен. Нам нужно сохранить идеи нацизма и его научно-техническую базу. Мы позволили им вывозить оборудо-

вание секретных заводов в Антарктиду, помогли создать там базу 211, разрешили сохранить кадровый корпус нацистов в Аргентине, профинансировали транснациональные корпорации с участием потенциала Германии. Что же им еще нужно?

- Но возможно, Гиммлер действительно планирует использовать рукописи для заключения сепаратного мира?

- Гиммлер ничего не знает о рукописи. Штандартенфюрер проявляет личный интерес. Он хочет услужить Бессмертным, и таким образом обеспечить свое будущее в Четвертом рейхе. Он интересуется нами, но он не интересует нас. Повторяю, баронесса, главное на сегодня, сохранить идеи нацизма.

- Но кадровый состав, который удастся сохранить в Аргентине, через сто лет растворится среди местного населения и вряд ли сможет выполнить задачу возрождения нацизма.

- Это не важно. Не они возродят нацизм. Аргентина слишком далеко от России, а нам нужен нацизм у самых ее границ, а лучше внутри. Но русский национализм не жизнеспособен. В России идеи национализма успеха иметь не будут.

- Почему, Мастер, разве у русских совершенно не развито чувства национального достоинства?

- Нужно знать русских. Национальное достоинство и национализм – вещи разные. Прочтите Пушкина, и Вы поймете, почему в России не возможен национализм, именно такой, какой нужен нам. Россию можно победить лишь тогда, когда украинцы и белорусы забудут о том, что они русские. Вот туда и будет направлен наш удар. Проект «Украина» заложен еще до Первой мировой войны, сейчас на Украине создана националистическая организация, повстанческая армия, мы даже разрешили ей повоевать с немцами. Придет время, и нацистов будут судить, бандеровцев нужно вывести из-под удара, решения трибунала по ним быть не должно. А лет, этак, через семьдесят, когда сменятся поколения и все забудут о злодеяниях ОУН УПА, их будут воспринимать как героев, борцов за независимость. Вот оттуда и пойдет возрождение нацизма.

- А какова тогда роль базы в Антарктиде[27]? Для чего сохранять научно-

27 О базе 211 в Антарктиде написано много, тем, кто интересуется этой темой, можно порекомендовать книгу фон Кранца Ганса-Ульриха, «Свастика во льдах. Тайная база нацистов в Антарктиде».

технический и военный потенциал Третьего рейха?

- Он может пригодиться нам. Бесструктурное управление, хотя и эффективнее прямого, структурного, но обладает низким быстродействием, а процессы в мире ускоряются. Может случиться так, что мы не успеем вовремя перехватить управление, потому нам могут потребоваться свои вооруженные силы быстрого реагирования. Транспортные подводные лодки типа UF можно будет использовать для размещения носителей ядерного оружия. База 211 будет выполнять ту же роль, что в средние века выполняли тамплиеры. Если эксперимент себя не оправдает, мы уничтожим базу.

«Так вот куда направились подводные лодки с контейнерами, что вывезены из лагеря у Старого монаха, – подумал Отто, – нужно узнать об этом подробнее, но где?». В проект базы 211 абвер посвящен не был, этим занималось только ведомство Гиммлера. Может ли штандартенфюрер Гофман знать подробности этого проекта? Похоже, что знает он достаточно много. Чем воздействовать на него? Информацию о дате проведения ядерных испытаний он выдал, естественно, он не знал, что в тот же день информация ушла в Россию, лично Вождю. То, что Отто услышал из записи разговора мастера с баронессой, подтвердило его убеждения в том, что штандартенфюрер не слишком озабочен будущим Рейха, и понимает не хуже его, что нацистский режим в Германии обречен. И Отто фон Краус решил попробовать шантаж.

Он позвонил Гофману прямо из своего кабинета:

- Здравствуйте, Генрих, это Ваш приятель, частный предприниматель, Отто фон Краус.

- Слушаю Вас, Отто.

- Хочу встретиться с Вами, есть кое-что интересное.

- Когда и где?

- У меня дома, ну.., скажем, в шесть вечера, Вас устроит?

- Вполне.

- Тогда до встречи. Жду Вас.

Отто положил трубку. Он не сомневался, что Генрих приедет, он ожидает, что Краус уточнит данные о нахождении второй картины. Но Гофман не так прост, он может что-то заподозрить, ведь понял же он, что Отто не из праздного любопытства интересовался датой, когда особый режим будет снят с острова Рюген.

Прежде чем направиться домой, Отто ездил по городу, наблюдая, нет ли за ним «хвоста», штандартенфюрер мог организовать слежку за ним. Он менял улицы, направление движения, останавливался возле магазинов, кафе, – слежки не было. То ли Гофман еще не успел, то ли не стал информировать свое ведомство об Отто фон Краусе, это еще раз убедило Отто в том, что действует штандартенфюрер не в интересах «Ананербе», а в своих собственных.

Штандартенфюрер приехал вовремя, приехал, по всей видимости, один. «Точность – вежливость королей, – подумал Отто, – хотя к этой фразе часто добавляют следующее: и негодяев, что больше подходит к Гофману». Разговор он начал сходу, без предисловий.

- Как Ваши дела, дорогой Генрих, удалось обнаружить вторую картину?

- Я Вас не понял. О какой картине идет речь?

- Не прикидывайтесь, Вы прекрасно поняли, о чем идет речь. Контрразведка перехватила радиограмму, адресованную МИ-6, в ней упоминается Ваше имя. Не подскажите, что с ней делать? Я могу просто передать ее Службе имперской безопасности.

- Кто Вы? – последовал вопрос. – Для частного предпринимателя Вы …

- Я не частный предприниматель, Генрих. Точнее, это лишь прикрытие. Я полковник абвера, и мне поручено заниматься Вашим делом. Помогите мне, Генрих, помогите. Объясните, почему в радиограмме, отправленной британской разведке упоминается Ваше имя?

- Подозреваете, что я агент британской разведки? Но тогда бы мое имя не упоминалось, имена агентов не указывают, называют их прозвища или номера. Так что можете передавать радиограмму Кальтенбруннеру.

- Если бы я подозревал Вас, то разговаривал бы с Вами не здесь, а в своем кабинете, я прекрасно понимаю, что Вы лично с МИ-6 не связаны, но кто-то, из тех, кто связан с МИ-6, вами заинтересовался. Возможно, Вы вне подозрений, но мне, как впрочем и Вам, хорошо известны методы работы Вашей спецслужбы, и если они применят их к Вам, то Вы сознаетесь и в том, что подожгли рейхстаг. Так что? Передавать радиограмму Кальтенбруннеру?

- Что Вы хотите взамен?

- Вот это уже другой разговор. Я знал, что мы договоримся. Мне нужна вся информация о базе 211, о подводных лодках серии UF, о грузах, которые они перевозят в Антарктиду.

- Вы с ума сошли, Отто! Склоняете меня к измене интересам Рейха?!

- Ну, что Вы, Генрих, разве я похож на сумасшедшего? Я не шпион, я полковник абвера, и интересы Рейха мне дороги так же, как и Вам. Вы совершили ошибку, что не согласовали с абвером свой проект, действуя совместно, мы могли бы достичь большей эффективности.

- Для этого мне нужна санкция Гиммлера.

- Если бы нужна была санкция Гиммлера, то я обратился бы к Гиммлеру, а я обращаюсь к Вам. Не обязательно информировать руководство о нашем сотрудничестве, часто простые исполнители двух ведомств, которые работают в общих интересах, общаясь напрямую, могут добиться больших успехов, чем тогда, когда придется ждать согласования простых вопросов на высшем уровне. Вот, Вы, например, можете обеспечить безопасность перевозок? Можете гарантировать, что подводный флот союзников и их авиация не будет топить наши транспорты? А мы можем. У нас есть возможность направить их по ложному следу. Ведь Вы же сообщили мне дату испытаний оружия возмездия на острове Рюген, а мы позаботились, чтобы авиация союзников не нанесла бомбовый удар по платформе, где устанавливают ядерный боеприпас.

Лоб Генриха покрылся потом. Штандартенфюрер понял, что данных, которые он уже передал Краусу, достаточно для того, чтобы его просто уничтожили в подвалах гестапо, превратив в кричащий от боли, изуродованный кусок мяса. Он сам лично пытал тех, кто подозревался в измене Рейху, проявляя при этом жестокость, достойную своего великого предка, инквизитора, отца Филата.

- Но это невозможно, – упавшим голосом произнес он, – документы существуют в единственном экземпляре, их строго запрещено выносить из здания.

- Дорогой мой Генрих, в этом мире нет ничего невозможного. Меня устроят и копии, это может быть что угодно, как бумага, так и фотопленка.

- Фотопленка. Где и кода мы встретимся? Постараюсь сделать через три дня. Привезти сюда?

- Нет, Генрих, не через три дня, а завтра. Завтра, до обеда. Сюда приезжать не надо, принесете пленку в штаб-квартиру абвера, на Тирпиц-Уфер, 72, в мой кабинет. Вас пропустят.

- Но...

- Никаких но.., после обеда, если Вы не сделаете того, что я прошу, я пе-

редам радиограмму в Управление имперской безопасности.

Отто понимал, что при личной встрече, Гофман попытается ликвидировать его. Там, в штаб-квартире абвера, сделать ему это будет затруднительно, да и бессмысленно, если он застрелит Отто во время передачи документов, его тут же схватят, а потом, после того, как фотопленка окажется в руках Крауса, ликвидация полковника абвера только осложнит и без того незавидное положение штандартенфюрера. Ведь только живой и невредимый Отто фон Краус может гарантировать его безопасность.

Оставалось полчаса до полудня. Краус ждал Гофмана в своем кабинете. «Слишком мало я дал ему времени, – думал он, – может не успеть, но если дать больше, то он будет думать не о том, как скопировать документы, а о том, как выкрутиться и подставить под удар меня». Без четверти двенадцать дежурный офицер доложил Краусу, что к нему просится штандартенфюрер Гофман.

- Пропустите.

Гофман вошел, с опаской взглянул на Гюнтера, но, увидев приглашающий жест Крауса, протянул ему коробочку с пленкой.

- Вот. Все, что Вы просили.

- Прекрасно. А говорили, что не успеете. Садитесь. Кофе? Коньяк?

- Да, я, собственно.., – пытался отказаться Гофман.

- Нет-нет, не торопитесь. Времени у нас достаточно. Подождем, пока Гюнтер проявит пленку, посмотрим ее вместе, у меня могут возникнуть вопросы, – и, обращаясь к Гюнтеру, сказал: – Принесите нам, пожалуйста, кофе и коньяк, а заодно, проявите пленку.

Гюнтер принес на подносе две чашки кофе и две рюмки коньяка. Краус чуть пригубил свою, а Гофман одним движением, нервно опрокинул коньяк в рот. Хотел поставить пустую рюмку, но мокрые от пота руки дрожали, рюмка выскользнула и с глухим стуком ударилась о стол.

- Ну, что же Вы так, любезнейший, – сказал Отто, – это дорогой французский коньяк, «Наполеон», его надо пить медленно, смакуя аромат, а так, как Вы, коньяк пьют только русские.

При сравнении с русскими, Гофмана покоробило. Он хотел что-то возразить, открыл рот, но тут же осекся и замолчал. Пока ждали проявки, Отто развлекал штандартенфюрера рассказом о шедеврах фламандской живописи, ни разу не упомянув о деле, наконец, в кабинет вошел Гюнтер с проявленной

пленкой.

- Вот, шеф, все нормально, но осторожно, пленка еще не высохла.

Отто взял пленку за торцы, аккуратно разворачивая, просматривал кадр за кадром.

- Вот это, здесь, что? Что за карты?

- Это карты Новой Швабии, так названа наша колония в Антарктиде. Схемы подводных пещер, где находится производственная база. Это полярная станция «Хорст Вессель», сейчас мы ее называем «Мартин Борман»[28]. Партайгеноссе Борман приложил много усилий для ее организации.

- А это? Список?

- Список руководства.

Отто отпустил одну руку, отведя пленку, спадающую кольцами, так, чтобы та не коснулась стола, взял заранее приготовленную лупу и стал рассматривать список.

- Что? Гесс? Рудольф Гесс? – удивился он. – Но ведь...

- Да, все считают, что Гесс перелетел в Англию. Это не так. В Англию улетел его двойник, а Гесс в Антарктике, с сорок первого. Фюрер Новой Швабии. Гитлер никому, кроме него, не мог бы доверить руководство колонией.

- Ну и как? Двойник? Справился с задачей? И никто не заметил подмены?

- Подмены не заметили. Со своей задачей справился. Черчилль пообещал, что ни Англия, ни США не начнут боевых действий три года, пока идет война на Восточном фронте. Обещание свое он выполнил, тогда, в сорок первом, казалось, этого достаточно, но после Сталинграда стало ясно, что все плохо, очень плохо. Гиммлер уговорил фюрера отправить на Тибет экспедицию Шефера, чтобы отыскать Шамбалу и ось времени, тогда можно было бы вернуть все в прошлое, в тридцать девятый, чтобы исправить наши ошибки, но что-то у него, у Шефера, там не сложилось.

- Да-да, не сложилось, – пробурчал Отто, рассматривая пленку. – Это что, чертежи?

- Да, общие схемы лодки типа UF, большие транспортные подлодки.

- Сколько таких лодок построено? Где?

---

28 В настоящее время там расположена аргентинская станция «Сан-Мартин». Обнаружены артефакты, в частности, посуда с нацистской символикой, доказывающие, что ранее эта полярная станция принадлежала Третьему рейху.

- Пока 25, верфь «Нептуния», планируется построить еще семь.

- Где базируются?

- В Северном море – остров Гельголанд, а там, в Антарктике, подо льдами, – база «Валгалла», она есть на карте.

- Личный конвой фюрера? Это что?

- Группа боевых субмарин, для обеспечения операции, и отвлекающих маневров.

- Ну, вот, все в порядке. Думаю, мы поняли друг друга.

- А...а...а.., – промычал Гофман, с опаской поглядывая на Гюнтера.

- Говорите, не стесняйтесь, старина Гюнтер в курсе наших дел.

Отто не сомневался в Гюнтере, он знал, тот никогда не доложит руководству о том, что происходило в кабинете его шефа. Он был обязан Краусу жизнью, Отто вытащил его из петли, тогда, когда повесили Канариса, обвинив в связях с британской разведкой. Гюнтер был секретарем у адмирала, и отправился бы на эшафот вслед за своим шефом, если бы Краус не доказал его полную непричастность к делам руководителя абвера.

- Герр полковник, Вы можете гарантировать мне безопасность? – осторожно спросил Гофман.

- Ну, дорогой мой, я ведь не Господь Бог, все, что касается меня, я для Вас сделаю, если, конечно, Вы, со своей стороны, не натворите глупостей.

И никто, ни Гюнтер, ни штандартенфюрер Гофман и предположить не могли, что в тот же день Пьеро отправит пленку с подробными комментариями Отто фон Крауса руководителю личной разведки Сталина.

Барон Вальсингам

Входя в магазин, Отто фон Краус, совершенно случайно, встретился с баронессой Геркан. Все, кто изучал философию, знают, что случайность – это проявление закономерности, или хорошо спланированное и грамотно проведенное мероприятие. Сотрудник абвера, тот, что отслеживал каждый шаг баронессы, выбрал момент, когда она вошла в магазин и, поняв, что пробудет там она достаточное время, позвонил из того же магазина Отто фон Краусу. Отто

ждал этого звонка, он подъехал к указанному месту и, проведя некоторое время в ожидании, столкнулся с баронессой в дверях.

- О, баронесса! Какая неожиданная встреча! Мое почтение! Рад Вас видеть, искренне рад. Позвольте заметить, Вам очень идет это платье. Вы сменили прическу? Боже! Вы неотразимы! Прекрасно выглядите.

- Вы льстите мне, Отто.

- Немного лести не помешает столь прекрасной даме. Раз уж мы встретились так неожиданно, не откажитесь ли Вы выпить со мной чашечку кофе? Нет-нет, не здесь, здесь ужасный кофе, эрзац. Вон там, за углом, готовят прекрасный кофе, – и, понизив голос, заговорщически прошептал. – Контрабанда.

- И владельца кафе до сих пор не посадили?

- Ну, что Вы, фрау Изольда, кто ж его посадит? Хозяин – приятель самого Гиммлера.

Они вошли в кафе, Отто заказал кофе.

- А кофе, действительно, неплох, – отметила баронесса, сделав маленький глоточек.

Поболтав о разных пустяках, не имеющих ровно никакого отношения к цели этой «случайной» встречи, Отто неожиданно перешел к делу:

- У меня к Вам просьба, баронесса, совсем незначительная. Обещайте, что не откажите.

- Как я могу обещать, не зная о чем идет речь?

- Сущие пустяки, поверьте, сущие пустяки, для Вас, конечно. Представьте меня своему другу, барону Вальсингаму.

- Кому? – На лице баронессы отразилось крайнее удивление. – Я не знаю никакого барона Вальсингама.

- Не отпирайтесь. Я уверен. Знаете. Да, не делайте же такое лицо, Вам не идет быть сердитой.

- Ну, я действительно, не знаю, кто такой барон Вальсингам.

- Вы что, не знаете его имени? Мастер.

- Какой мастер?

- Ну, не парикмахер же. Магистр ордена, как он там называется, этот орден? Впрочем, это не важно.

- Простите, Отто, с Вашей стороны, это была глупая шутка. Очень глупая. Мне нужно идти, что-то, я неважно себя чувствую, голова разболелась. Про-

щайте.

- Не спешите, фрау Изольда. Никуда Вы не пойдете.

- Оставьте меня. Я позову полицию.

- Не стоит вмешивать полицию в наши дела. Там, за окном человек. Видите его? Это сотрудник абвера. Мой сотрудник. Он не выпустит Вас.

- Кто Вы?

- Полковник разведки, Отто фон Краус, если помните. Это мое настоящее имя.

- Что Вы хотите от меня?

- Ничего. Ничего особенного, сущие пустяки. Сейчас мы сядем в мою машину и поедем к барону, Вы проведете меня, представите, как своего друга. Потом Вы свободны.

- Если я откажусь?

- Не заставляйте меня применять силу по отношению к столь прекрасной даме. Не люблю насилия. Лучше будет, если Вы добровольно исполните мою просьбу.

- Добровольно? То, что Вы делаете, это уже насилие.

- Насилие? Какое насилие? Бог с Вами. Что такое насилие, Вам могут объяснить в другом месте. В гестапо, например. Для начала напомнят Вашу родословную. Вы ведь из рода Гиркана? Последнего царя династии Хасмонеев? Еврея. Простите, иудея, если Вам так больше нравится. Так, куда едем? К барону Вальсингаму? Или к Вашему другу, штандартенфюреру Гофману?

- Мне нужно отдать распоряжение своему шоферу.

- Не нужно. Это сделает мой человек.

Они сели в машину. Отто уверенно вел «оппель» по улицам города. Баронесса поняла, он знает, где расположен дом Мастера. Ехали молча. Краус остановил машину у самого подъезда, вышел, открыл дверцу и подал Изольде руку.

- Прошу Вас, баронесса.

Они вошли в подъезд. Слуга, что стоял за дверью, пропустив баронессу, загородил дорогу Отто.

- Этот человек со мной, – властно сказал Изольда. – Мастер ждет нас.

Слуга сделал шаг в сторону, пропуская Отто. В большом, просторном кабинете, куда они вошли, не было ничего лишнего. Стены, задрапированные темно-синей материей, большой дубовый стол, ряд стульев с высокими спин-

ками, книжные полки позади стола. Ни одного окна, только люстра под потолком освещала кабинет. За столом сидел барон Вальсингам. На столе лампа и телефон.

Телефон. Прежде, чем идти на эту встречу, Отто отдал распоряжение прекратить прослушивание, но он не был до конца уверен, что майор из отдела связи точно выполните его распоряжение. Майор не был подчинен ему непосредственно, а у его руководства могли быть другие соображения на этот счет.

Отто подошел к столу и выдернул шнур телефона из розетки.

- Кто это такой? – спросил, обращаясь к баронессе, Мастер. – Что он себе позволяет?

- Это мой друг, – ответила баронесса, – он просил меня представить его Вам.

- Не надо. Я сам представлюсь, – сказал Отто по-немецки, и тут же, на чистом русском языке продолжил: – Здравствуйте, Алексей Петрович, граф Васильев.

Если бы вдруг грянул гром, блеснула молния и обрушились стены, это не вызвало бы большего потрясения у Мастера, чем слова Отто фон Крауса. Его, и без того бледное лицо, сделалось совершенно белым. Лицо, которое давно не отражало никаких эмоций, вытянулось, глаза Мастера широко открылись, нижняя челюсть отвисла. Несколько минут длилось гробовое молчание. Отто отодвинул стул и сел, не дожидаясь приглашения.

- Не узнаете? – спросил он.

- Мы...мы...мы где-то с Вами встречались? – заикаясь и растягивая слова спросил Мастер.

- Конечно, встречались, Алексей Петрович. Давно, очень давно. В феврале семнадцатого. А Вы изменились. Совсем изменились. Даже и не узнать. Постарели. Вид у Вас не здоровый. Печень пошаливает?

- Кто Вы? – с трудом выдавил из себя Мастер.

- Не узнаете. Не помните. Ну, куда уж там, Вам, члену Петербургской масонской ложи, вспомнить какого-то скромного офицера разведки Генерального штаба русской армии. Помните, что я Вам говорил тогда? В феврале семнадцатого? Лет через двадцать будет новая война, страшная, неотвратимая. Ваше Временное правительство не способно подготовить Россию к этой войне. Нужна национализация всей оборонной промышленности, индустриализация, пере-

стройка всего сельского хозяйства на общинной основе. Нужен мир с Германией, наконец. Нужно расформировать эту, потерявшую боеспособность, армию, ту, которую Вы развалили своей игрой в демократию. Что Вы мне ответили тогда? Помните?

- Боже мой, Боже мой, – Мастер постепенно приходил в себя. – Не может быть. Нет, не может быть. Отто? Отто фон Краус? Отто Карлович?

- Ну, вот, наконец-то вспомнили. А у Вас не такая уж и плохая память для Вашего возраста. Старческий маразм еще не доконал Вас окончательно.

- Не понимаю, как Вы вышли на меня?

- Я бы никогда на Вас не вышел, если бы Вы сами не дали мне подсказку. Вальсингам. Это же надо до такого додуматься! Только русский мог взять имя зловещего персонажа пушкинской трагедии! Ни немец, ни англичанин, ни даже француз придумать такое не могли, только русский, хорошо знакомый с творчеством Александра Сергеевича, страдающий маниакальной тягой к мистике, способен на такое.

- Почему? Пушкина читают многие.

- В переводе? Переводить Пушкина невозможно, смысл, тот тонкий смысл, понятный только в тексте оригинала, неуловимо исчезает, тает, уходит сквозь строки.

- Вот, черт! И предположить бы никогда не смог, что так все обернется.

- Не упоминайте всуе имя господа своего.

- Не юродствуйте, Отто Карлович. Как же Вы, все-таки, вычислили меня?

- Да, вычислить Вас было непросто, пришлось поработать, но бывшие русские друзья помогли. Пришлось даже старика Керенского побеспокоить.

- Керенского? Где он сейчас?

- Будто Вы сами не знаете. В Штатах. Но от дел отошел, давно. До сих пор обижается, что в России распространяют слухи, будто он бежал, переодевшись в женское платье.

- Да? Первый раз слышу. Знаю, что он не переодевался, уехал из России на машине американского посла.

- Ладно, Бог с ним, с Керенским. Но Вы-то хороши, Алексей Петрович! Васильев, Вальсингам. А что? Созвучно. Мистикой увлекаетесь? Полутьма, свечи, страшные ритуалы. Младенцев Ваалу в жертву не приносите?

- Оставьте, какие жертвы? Мы цивилизованные люди.

- Но принесли же Вы в жертву своим амбициям миллионы жизней русских людей. Все с Вас началось, в феврале семнадцатого.

- Мы несли России демократию и свободу. Мой дед в декабре 1825 года на Сенатскую площадь вышел, а царь Николай сгноил его в Сибири. А какой человек был! С Пушкиным за руку здоровался. Сам Александр Сергеевич нас поддерживал, был бы он в Питере тогда, был бы с нами.

- С вами? Да, он поначалу увлекся красивыми идеями, но потом там, в Кишиневе, когда его к масонам приобщили, понял, какую свободу вы несли народам России. Понял и порвал с декабристами.

О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон?
Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!

Вот, что писал он о революции во Франции. Знал, в России будет не лучше.

Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.

А Вы говорите, что Пушкин поддерживал декабристов.

- Полно, Отто Карлович. Думаю, не для того Вы ко мне явились, чтобы Пушкина читать.

- Правильно думаете.

- Так что Вы хотели от меня? Или от нас с баронессой?

- Вы с баронессой ищите рукописи, в которых изложено учение Христа. Истинное, а не то, что выдумали евангелисты триста лет спустя.

- Вы тоже ищите их. Не так ли?

- Так. Но поиском этих рукописей занимается потомок инквизитора, отца Филата.

- Кто такой?

- Добрый знакомый нашей баронессы, штандартенфюрер Генрих Гофман.

- Он? Потомок инквизитора? Так вот в чем его интерес.

- А Вы что, думали, он действует в интересах Рейха? Не задумывались, откуда ему об этих рукописях известно? Это предание передавалось от отца к сыну. Так вот, Алексей Петрович, мне не хочется, очень не хочется, чтобы рукописи эти попали в руки нацистов.

- Здесь наши интересы совпадают. Обещаю Вам, что штандартенфюрер не получит рукописей.

- Какие у Вас планы относительно него?

- Никаких. Он мне не интересен.

- Мне тоже. Но я дал ему гарантии безопасности.

- Напрасно. Весьма опрометчиво с Вашей стороны. За его жизнь я не дал бы и пфеннига.

- Чувствуется, что Вы, граф, давно покинули Россию. В России говорят: «И гроша ломаного не дал бы», а в остальном с Вами согласен, но я дал слово, а слово, данное врагу, нужно держать. Этого требует честь офицера.

- Врагу? Он Ваш враг? А я считал, что Вы делаете одно дело.

- Дело-то одно, но по разные стороны окопов. Я русский офицер и давал присягу русскому народу.

- Вы присягали царю. Царя нет. Революция освободила Вас от присяги.

- Царя-то нет, а русский народ, Россия – остались.

- Большевистская Россия, заметьте.

- Да, большевистская. Но другой России нет.

- Не понимаю Вас, Отто Карлович. Вы немец, потомок древнего рода. Вы в Германии. Что Вам Россия?

- Великая императрица, Екатерина Вторая, заметьте, граф, тоже немкой была, но России служила. А Вы, потомственный русский дворянин, всю свою никчемную жизнь потратили на то, чтобы Россию эту уничтожить.

- Уничтожить? Да, уничтожить. Но не Россию, а дикость российскую, приобщить народ к европейским ценностям.

- И как? Приобщили? Всю страну кровью залили. И тогда, в гражданскую, и сейчас. Ведь идея натравить Гитлера на Россию ваша, масонская.

- Кровь, Отто Карлович, да будет Вам известно, – смазочный материал истории.

- А сами? Не желаете стать этим смазочным материалом?

- В мире есть рабы, есть господа. Мы над теми и над другими. Наша кровь для смазочного материала не годится. Голубая она. Если нас не станет, то кто же управлять миром будет?

- Голубая, говорите? Это легко проверить. Могу сдать Вас со всеми потрохами штандартенфюреру СС Гофману, тогда и посмотрим, какого цвета у Вас кровь.

- Жестоки Вы, Отто Карлович, жестоки. Трудно Вам с людьми ужиться. На меня еще с февраля семнадцатого зло держите. С людьми, с человеками, по-человечески надо бы. А Вы...

- А Вы себя человеком считаете? Вы – демон, Алексей Петрович. Демон. И имя себе соответствующее выбрали. Вальсингам. По миру чума коричневая ползет, а ей гимн поете. Не боитесь, что и Вас скоро повезут на черной телеге?

- Бросьте, какой я демон? Я просто часть системы управления. Надо мной есть те, кто знают больше, знают то, что нам с вами знать не положено.

- А я, Алексей Петрович, разведчик. Профессия у меня такая, добывать знания, которые от меня скрывают. Потому и ищу рукопись, познание истины – это тоже разведка.

- Ну и ищите свою истину. Я, со своей стороны, гарантирую, что рукопись к нацистам не попадет, и штандартенфюрера трогать не будем, если, конечно, он сам глупостей не наделает.

- Значит, договорились. Это все, что мне от Вас было надо. С тем и откланиваюсь, – слегка склонив голову, произнес Отто, и, уже обращаясь к баронессе на немецком, сказал: – Идемте, баронесса, больше нам здесь делать нечего.

Баронесса, не знавшая русского, ни слова из их беседы не поняла. Но растерянность Мастера, выражение его лица, которое она привыкла видеть надменным и непроницаемым, повергло ее в шок. Вышли молча, и уже на улице Отто сказал:

- Благодарю Вас, баронесса, Вы свободны. Вот Ваша машина. Шофер ждет. Приношу свои извинения за те неприятные минуты, что Вам пришлось пережить, но мне очень нужна была эта встреча. Еще раз простите.

- И что? Что теперь? – упавшим голосом спросила она. – Что мне делать?

- Ничего. Делайте то, что и раньше, общайтесь с Мастером, ищите рукописи, но особо не усердствуйте, Мастер Ваш, не тот человек, на которого можно положиться. Если найдете силы в себе, сумейте вовремя от него отказаться,

раньше, чем он окажется от Вас.

- А на Вас? На Вас положиться можно?

- На меня можно. Нужна будет моя помощь, а я думаю, она Вам скоро понадобится, обращайтесь. Как найти меня, знаете. Теперь прощайте, или до встречи, как выйдет.

Отто проводил баронессу до ее автомобиля, открыл ей дверцу, помог сесть. Машина отъехала, обдав его синим дымком и бензиновым перегаром, а он, сев за руль своего «оппеля», направился домой, в старинный особняк на самой окраине города.

Конец Третьего Рейха

Штандартенфюреру СС Генриху Гофману удалось обнаружить вторую картину только в ноябре 1944 года, он объездил весь остров Рюген, обследовал все музеи и частные коллекции, но не увидел ничего, хоть отдаленно напоминающее предмет своих поисков. Он не допускал, что Отто фон Краус мог обмануть, потому продолжал искать, несмотря на неудачи, постоянно преследовавшие его.

Был обычный, серый, холодный осенний день, низкие, тяжелые, мрачные облака с рваными краями ползли с Балтики, принося на остров сырость и дождь. Порывы ветра гнали по улицам мокрую опавшую листву, заметая дороги, тропинки, заметая прошлую жизнь; все былые надежды тлели на угасающих кострах сгоревших листьев, в них догорали судьбы людей, некогда с восторгом воспринимавших приход к власти фюрера, свято веря в то, что он приведет их в новую, светлую жизнь. Генрих подумал, вот и его жизнь так же тлеет на этих кострах, сгорает, как сгорали жизни людей на кострах инквизиции, кострах зажженных его далеким предком.

Гофман сидел на мокром камне у старого причала и смотрел, как волны лениво набегают на берег, и так же лениво отползают назад, оставляя на камнях водоросли, грязную пену мазута и мелкие деревянные обломки каких-то судов, давно покоящихся на морском дне. Старый рыбак вытаскивал сети из лодки, недовольно ворча, – в этот день был плохой улов, мелкая рыбешка билась в се-

тях, и ее хватило бы лишь на то, чтобы накормить кота.

На Генрихе был дорогой серый костюм, отбывая на остров, он сменил на него свою черную униформу, местные жители с опаской относились людям в форме СС, и на контакт с ними шли неохотно. Здесь, на острове, Гофман представлялся коллекционером, собирающим полотна старых мастеров, и обещал заплатить хорошие деньги за картину, которая вызовет у него интерес.

- Что, неважный улов сегодня? – спросил он старика.

- Ой, господин, и не говорите, не ловится нынче рыба, совсем не ловится. Вот Вы, я вижу, важный господин, скажите, как жить нынче простому люду? Когда, наконец, кончится эта проклятая война?

- Война непременно закончится победой Рейха, – ответил Генрих, – тогда и простой народ будет жить, как живут господа.

- О какой победе Вы говорите? Три моих сына погибли на восточном фронте, один из них был моряк, теперь он покоится где-то на дне, его корабль потопила русская подводная лодка. Сегодня русские уже в Прибалтике, а скоро они будут здесь. Будут, обязательно будут. Это я Вам говорю, старый рыбак, Питер Ламберг. Предок мой был графом, говорят, он носил фамилию де Ламбер, приехал сюда то ли из Франции, то ли из Фландрии. Он был вельможей, а я, вот, простой рыбак, мне все равно, кто придет, русские или французы, или англичане, лишь бы закончилась эта бойня.

- Пораженческие настроения у Вас, герр Питер, за такие слова могут и в гестапо забрать.

- Гестапо? Ну и пусть гестапо, я уже ничего не боюсь. Я свою жизнь прожил, прожил честно, в труде. Разве я виноват, что русские бьют нацистов? Пусть гестапо спрашивает с тех, кто развязал эту войну. А с меня что спрашивать? Сыновья мои там, в русской земле лежат, а за что? Скажите, за что они погибли? Говорят, здесь, на этом острове в древности жили славяне, здесь был их город, Аркона. Вот они и вернутся сюда.

- И все-таки, я бы не советовал Вам так откровенничать с незнакомыми людьми.

- Что? Сдадите меня гестапо? Или Вы сами из них, из нацистов?

- Нет-нет, что Вы, я частный коллекционер, собираю картины старых мастеров, к нацистам никакого отношения не имею.

- Картины? Вы собираете картины? – удивленно спросил старик.

- Да, а что Вас так удивляет? И войны и беды, все когда-нибудь кончается, а искусство вечно.

- Дело в том, господин, что у меня в чулане где-то валяется старая картина, очень старая, сказывают, еще мой предок ее привез, тот, что графом был. Если дадите мне за нее немного денег, я мог бы купить себе еду, а то рыба совсем не ловится.

- Идемте, посмотрим Вашу картину, – ответил Генрих, надежда, которая угасала, как залитый дождем костер, вновь затеплилась в его душе. Картина, привезенная из тех мест, откуда родом были и предки самого Гофмана, могла оказаться именно той, которую он искал.

В старом чулане, посреди рыболовных снастей, старых обрывков изношенной одежды, стоптанных рыбацких сапог с голенищами выше колен, в углу, покрытая многолетним слоем пыли лежала картина. На картине была изображена дама, в длинном, красном платье, с густыми черными, падающими на обнаженные плечи волосами, она стояла у перил лестницы; одна рука ее небрежно касалась перил, другой она поддерживала платье. Дама спускалась по ступеням, нога в позолоченной туфельке уже сделала шаг, появившись из-под края платья. Глаза ее, светящиеся тайным, зеленоватым светом, смотрели в упор на штандартенфюрера.

Сердце Гофмана екнуло – это была она, та самая картина, которую искали все его предки, начиная от инквизитора, отца Филата. Генрих схватил ее, смахнул пыль первой, попавшейся тряпкой, и увидел то, что привело его в состояние нервной дрожи, – там, в нижнем углу, где обычно художники ставят свою подпись, были цифры – координаты, которых не хватало ему для определения места нахождения рукописи.

В предместье Берлина, где находился дом штандартенфюрера Гофмана, заняла позиции дивизия СС, и Генрих был назначен командиром части, приданной этой дивизии. Ему выпала великая честь пасть смертью храбрых, защищая последние рубежи Третьего рейха, но честь эта Генриха не устраивала. Ему хотелось вывезти картины, укрыться где-нибудь от возмездия, чтобы продолжить поиски рукописи, которая, казалось, была уже у него в руках, по крайней мере, он подошел близко, очень близко к разгадке тайны, которую род его хранил вот уже несколько столетий.

Правда, были проблемы, пересчитать координаты в современную систе-

му, он так и не смог, те, обрывочные знания математики, которыми он обладал, не давали ему такой возможности. Изучив систему координат Аль Хорезми, он, все же, не сумел сопоставить ее с современной системой. Поверхность Земли, изображенная на карте, на плоскости, по разному отображается при различных углах проекции, простых арифметических действий, которые были доступны Гофману, было явно недостаточно. Естественно, он мог бы обратиться к коллегам из «Ананербе», но не хотел никого посвящать в свои тайны, он надеялся, что где-то, когда-то, найдется специалист, который поможет ему справиться с этой задачей, не вникая в суть дела.

Но для этого нужно было вывезти картины и сохранить свою жизнь, которую его начальство решило принести в жертву, на алтарь Третьего рейха. Дезертировать, то есть, позорно бежать, прихватив с собой картины, было практически не реально. Его бы схватили и расстреляли. Итог один – смерть, но, в этом случае, уже не почетная смерть героя, а позорная смерть предателя. Выхода не было. И тогда он решился на последний отчаянный шаг, он обратился к Отто фон Краусу, который в свое время дал ему гарантии безопасности.

- Выслушав внимательно Генриха, Отто ответил:

- Те гарантии, которые я Вам дал, – выполнены. Я имел ввиду, как Вы сами понимаете, что никто никогда не узнает о том, какую информацию Вы мне передали. Слово свое я сдержал. Остальное уже от меня не зависит, я не обещал избавить Вас от того, что требует от Вас долг офицера, до последней капли крови защищать интересы Рейха.

Генрих сник. Последняя надежда растаяла, как весенний снег.

- Но, – продолжал Отто, – честь русского офицера не позволяет мне бросить Вас, своего друга, на произвол судьбы.

- Вы? Русский офицер? – с дрожью в голосе и надеждой произнес Генрих.

- Да, я русский офицер. А почему Вас это так удивляет? Я не делаю из этого секрета. Мои предки из древнего рода фон Краусов прибыли в Россию еще при царе Петре, и, по семейной традиции, служили в армии, я сам служил в разведке Генерального штаба русской армии, а после революции воевал против большевиков под знаменами барона Врангеля, который, кстати говоря, тоже был немцем. Я покинул Севастополь с последним кораблем, уходящим в Стамбул. Так вот, Генрих, я не могу оставить Вас в беде. Я добился того, чтобы Вас, как ценного специалиста «Ананербе», внесли в список нашей тайной организа-

ции ОДЕССА[29]. Вас вывезут в Северную Италию, оттуда в Грецию, потом морем переправят в Аргентину.

Отто лукавил, честь офицера не обязывала его спасать этого палача, инквизитора, нацистского преступника, и он с удовольствием пустил бы ему пулю в лоб, но вынужден был спасать его шкуру от справедливого возмездия. Руководствовался он иными соображениями. Он опасался, что Гофман все же умудрится вывезти картины, минуя все опасности на своем пути, либо сгинет вместе с полотнами, содержащими бесценную информацию. Безопаснее было переправить его в Аргентину, подальше от того места, где спрятаны рукописи.

Генрих уже открыл было рот, чтобы выразить Отто свою благодарность, но тот жестом остановил его.

- Не стоит благодарить. Помните, я давал Вам гарантии безопасности, только при условии, если Вы, со своей стороны, не натворите глупостей?

Генрих кивнул.

- Так вот, предостерегаю Вас от тех глупостей, которые собираетесь сотворить. Не пытайтесь прихватить с собой картины, они погубят Вас, если Вас схватят, как дезертира, и приговорят к расстрелу, я уже ничем помочь не смогу. В расположение части, в свой дом, не возвращайтесь, сразу же после нашего разговора, отправляйтесь вот по этому адресу, – он протянул Генриху записку, – Вас ждут.

- Сколько у меня времени?

- Нисколько. Времени у Вас нет. Русские начнут наступление с минуты на минуту. Если сделаете все, что я говорю, останетесь живы. И не питайте иллюзий, я не испытываю к Вам уважения. Вы – прошлое, Генрих. Прошлое. Темное, мрачное, средневековое инквизиторское прошлое. Будущего у Вас нет.

- Инквизиторское? – осторожно произнес Генрих. – Как? Вам и это известно?

- Да, Генрих, известно. Вы потомок незаконнорожденного сына инквизитора, отца Филата, предание о рукописях передается из поколения в поколение в Вашем роду. Но пора в этой истории поставить точку. Больше не занимайтесь рукописью, забудьте о ней. Да и к чему она Вам? Что Вы собирались с ней делать?

- Ей интересуются те, кто управляет миром.

---

29 ОДЕССА — тайная организация нацистов, занимавшаяся эвакуацией офицеров СС в Аргентину.

- Ну и что? Хотели ее выгодно продать Бессмертным? Учтите, торговаться с Вами никто не будет. Если узнают, что рукопись у Вас, ее просто изымут, а Вас уничтожат, как свидетеля. Других вариантов нет.

Генрих понимал, где-то в глубине души, что Отто прав, если он и сумеет добыть рукопись, то не сможет никак ей воспользоваться, а если заявит о ней, его просто ликвидируют.

- Так что, езжайте в Аргентину, заведите огород и выращивайте капусту.

- Почему капусту? – оторопело спросил Генрих.

- Помните? Римский император Диоклетиан? Он оставил престол и стал заниматься огородом, а когда его просили вернуться к власти, ответил: «Если бы вы видели, какую капусту я вырастил, то не стали бы меня просить об этом». Так что, лучше выращивайте капусту, может быть, еще сделаете хоть что-то полезное в своей жизни.

Отто фон Краус согласовал со своим руководством, с Управлением разведки Первого Белорусского фронта, операцию по спасению картин из дома штандартенфюрера Гофмана. Советский десант должен был прорваться к дому Гофмана сегодня ночью, до того, как орудия тяжелой артиллерии разобьют позиции дивизии СС, а заодно превратят в груду развалин и сам дом, где штандартенфюрер хранил картины. Картины должны вывезти до начала наступления. Казалось, все складывается удачно, детали операции были отработаны до мелочей, но тут, словно осенний ветер в открытое окно, к Отто ворвалась баронесса Геркан.

- Что произошло, баронесса? – спросил Отто с тревогой. – Да на Вас лица нет! Проблемы с Мастером?

- Да, проблемы. Я не знаю с чем или с кем они связаны. Вы сказали, что на Вас можно положиться? Что Вы поможете мне?

- Я не отказываюсь от своих слов. Помогу, если, конечно, это в моих силах. Что произошло?

- Я нищая, Отто! Нищая! Сегодня я попыталась снять деньги со своих счетов в Швейцарии. Они все заблокированы! Там миллионы, все, что осталось мне от покойного мужа, барона Штайгера. Ничего нет! Все пропало! Я никому не передавала номера счетов. Кто? Кто мог это сделать? Мастер? Да?

- Возможно и он, возможно, кто-то другой. Вернуть Ваши деньги я не смогу, это не в моей компетенции.

- Но я нищая! Нищая, понимаете?

- Не преувеличивайте, баронесса. Тех драгоценностей, что остались у Вас, хватит, чтобы обеспечить Вам безбедную жизнь. А о миллионах потерянных не жалейте. Да и не Ваши они. Они принадлежат масонам, Ваш покойный муж просто хранил их, Вам разрешали пользоваться ими, понимая, что даже при всей расточительности, свойственной прекрасной половине человечества, Вы никогда не смогли бы растратить все эти деньги. Теперь они понадобились масонам, и они их изъяли. Номера счетов значения не имеют, поверьте, они были известны не только Вам. Эти деньги не принесли бы Вам счастья, они политы кровью, этими деньгами финансировали приход Гитлера к власти, с их помощью развязали эту войну, и тот, кому эти деньги принадлежат, несет ответственность за все беды, что принесла человечеству война. С Вас, лично с Вас, теперь эта ответственность снята, Вы должны испытывать облегчение, а не разочарование.

- Что? На мои деньги уничтожали в концлагерях моих соотечественников, евреев? Это действительно так, Отто? Но мой муж, ведь он был евреем. Он не мог финансировать то, что делали нацисты.

- Мог, баронесса, мог. Именно евреи финансировали Гитлера. Подумайте, как мог Гитлер в столь короткий срок поднять экономику Германии? И это при тех огромных репарациях, что наложены были на страну после поражения в Первой мировой войне? И Ротшильды, и Ваш муж, и другие еврейские банкиры вливали финансы в экономику Германии только для того, чтобы развязать эту кровавую бойню. Да и сам Гитлер еврей, и Гиммлер, и Геббельс, посмотрите, никто из них не соответствует идеалу арийской нации.

- Но они уничтожали евреев!

- Не всех, заметьте, баронесса, не всех. Ни Вас, ни Вашего мужа не тронули, уничтожали только тех, кто нарушил Завет, смешал свою кровь с кровью гоев, кто жил среди них, кто не считал врагами тех, кто не ведет род свой от Авраама. Помните, что говорится в Завете?

«...и не отдавать дочерей своих иноземным народам, и их дочерей не брать за сыновей своих...» «...земля, в которую вы входите, чтобы наследовать ее, осквернена сквернами иноплеменных земли, и они наполнили ее нечистотами своими. И теперь не отдавайте дочерей ваших в замужество за сыновей их, и их дочерей не берите за сыновей ваших, и не ищите мира с

ними во все времена...»

Тех, кто нарушил этот завет, ждет смерть. Это обрезание сухих ветвей, очищение. А помните, кто устроил первый еврейский погром?

- Я не знаю.

- Это был библейский пророк Моисей.

«Кто Господень, ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины. Возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего.»

Роль левитов в этой войне исполнили палачи в черных мундирах СС. Так что, не удивляйтесь, и благодарите Бога за то, что он избавил Вас от этих кровавых денег.

Те, несчастные, что покинули этот мир через трубу крематория, об этом понятия не имели, если бы они только знали, они бы прокляли и Тору, и Моисея, и Иегову.

- Это еще не все.

- Что еще?

- Сегодня ночью британская авиация нанесет бомбовый удар по особняку Гофмана, бомбить будут прицельно, чтобы уничтожить картины, Мастер передал британской разведке точные координаты дома.

- Это уже серьезно. Попробую воспрепятствовать этому.

- А я? Что будет со мной? Город сдадут? Сюда войдут русские? Что делать? Куда бежать?

- Город сдадут. Русские войдут в Берлин. Война закончится. Но бежать никуда не надо. Лично Вам ничего не угрожает. Когда русские войдут в Берлин, обратитесь к коменданту города, спросите полковника Кузьмина, передайте привет от меня. Он о Вас побеспокоится.

- Передать привет от Вас? Этого достаточно?

- Вполне. Ни о чем не беспокойтесь, все будет хорошо, Вы найдете свое место в новой Германии, в новой жизни.

- Но кто Вы, Отто фон Краус?

- Я? Отто фон Краус. Наследник старинного немецкого рода, русский офицер, предки мои пришли в Россию еще при Петре, я говорил Вам, Вы знаете.

- И Вы служите …

- Я служу истине, а она не на стороне нацистов.

Информацию о бомбардировке особняка штандартенфюрера Гофмана, полученную от баронессы, Отто тут же передал разведке Первого Белорусского фронта, которая готовила операцию по спасению картин. Пьеро вел радиосвязь прямо из дома Крауса, он не опасался, что радиостанцию запеленгуют, ни авберу, ни гестапо было уже не до этого, они готовили к эвакуации документы, все, что не могли вывезти, уничтожали.

Как воспрепятствовать бомбардировке? Советская авиация обрела полное господство в воздухе, можно было бы перехватить бомбардировщики еще на подходе, но как тогда Сталин должен объяснять Черчиллю, почему советские истребители сбивают самолеты союзников? И тогда принято было иное решение. О бомбардировке с большой высоты не могло быть и речи, чтобы поразить со стопроцентной вероятностью такую мелкую цель, как отдельно стоящий дом, да еще в темное время суток, удар нужно будет наносить с предельно малых высот, с пикирования. Руководители операцией решили применить зенитный прожектор, чтобы ослепить пилотов, не дать отбомбиться прицельно.

Операция удалась, бомбардировщики британских ВВС не смогли нанести точный удар, основная часть бомб легла рядом, но один фугас все же попал в цель, в доме начался пожар. Командир десанта вынес из горящего дома картины, но одна из них, на которой был изображен суд инквизиции, была серьезно повреждена, та ее часть, где были указаны координаты, полностью сгорела, и восстановить цифры было уже невозможно.

Но это была именно та картина, с которой Отто переписал информацию перед тем, как продать ее штандартенфюреру. Координаты места нахождения рукописи руководитель личной разведки Сталина получил, получил он и координаты, пересчитанные Отто в современную систему, не имея той картины, на которой была указана широта местности.

Оставалось провести операцию поиска рукописи. Осуществить поиск артефактов на территории чужого государства, причем так, чтобы это не привело к осложнению отношений с этой страной, не так-то просто, это требовало серьезной подготовки. И подготовка такая проводилась со всей тщательностью, но осуществить намеченное Сталин не успел. В марте 1953 года произошло то, о чем писал в своих стихах молодой семинарист, Сосо Джугашвили, который

позднее перевел свою фамилию на русский, – джуга, на древнегрузинском языке означает сталь.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: "Проклятый,
Пей, осуши до дна…
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!"

Операция по изъятию картин из особняка штандартенфюрера СС Гофмана была последней миссий Отто фон Крауса на территории Третьего рейха. В ту же ночь, когда началось наступление советских войск, Отто вместе со своим начальником, полковником Лаубе, по заранее подготовленному коридору, ушли в расположение войск союзников со списками немецкой агентуры, оставленной на территории Советского Союза. Но к этому времени, копии этих списков уже лежали на столе руководителя личной разведки Сталина.

Жан Дегир

Жан Дегир, последний из старинного рода графа де Гира, лейтенант французских ВВС, один из тех пилотов, что прибыли в Россию воевать против нацистов в составе эскадрильи «Нормандия», атаковал «юнкерс». Поймав в прицел правый двигатель бомбардировщика, он дал длинную очередь. «Юнкерс» задымил и, завалившись на правое крыло, пошел вниз. Провожая взглядом подбитый им самолет, чего делать не стоило, он услышал в наушниках тревожный голос:

- Жан! «Мессер» на хвосте! Уходи вправо!

Жан не достаточно хорошо успел изучить русский язык, он понял, что ему грозит опасность, но не понял куда ему уходить. Действовать нужно было мгновенно, он бросил свой «як» влево и тут же наткнулся на очередь «мес-

сершмитта». Мотор остановился, из-под капота вырвалось пламя, пока оно еще не ворвалось в кабину, и самолет еще слушался рулей, Жан развернул машину в сторону линии фронта, пытаясь дотянуть до своих.

До лини фронта было недалеко, километров десять, но мотор не работал, пламя, преодолев противопожарную перегородку, уже добралось до кабины. Самолет стремительно терял высоту. Оставалось одно – прыгать. Жан открыл фонарь кабины и, отстегнув ремни, перевалился через борт, выдержав несколько секунд, пока отойдет подальше от горящего самолета, рванул кольцо. Рывок парашюта он ощутил за несколько секунд до земли, потом удар о землю и темнота.

Первое, что он увидел, когда сознание вернулось к нему, людей в форме пехотинцев вермахта, что стояли над ним и смотрели сверху-вниз на его распластанное на земле, беспомощное тело. «Все. Конец», – подумал он. Но до конца было еще далеко, это было только начало, начало той мучительно страшной жизни, в которой собственное бессилие, невозможность мести, борьбы попросту сводит с ума.

Схватив за руки и за ноги, его, словно бесчувственное бревно, бросили в кузов грузовика. Куда-то везли по ухабистой дороге, где каждый толчок, бросок, вызывали нестерпимую боль. Сколько времени его везли, куда, он не знал, он вообще потерял ощущение времени, казалось, что эта дорога, вся в рытвинах и колдобинах бесконечно длинна. Наконец, машина остановилась. Двое солдат влезли в кузов и сбросили тело Жана, как мешок, на землю, острая боль пронзила его.

- Встать! – скомандовал по-немецки офицер. Жан не двигался.

- Встать! – повторил он команду на ломаном русском. Жан не пошевелился. Тогда немец ударил его сапогом в живот. Жан застонал и сделал попытку приподняться, но боль в правой ноге остро пронзила его, уложив обратно на землю.

- Встать! – заорал немец, выходя из себя.

- Он ранен, Ганс, – сказал тот, что стоял рядом, – он не может встать, у него, вероятно, нога сломана.

- Я заставлю встать эту русскую скотину! – ответил тот, кого назвали Гансом.

- Он не русский, – сказал второй, – он ни черта не понимает ни по-русски,

ни по-немецки.

- Все он понимает! Как это, не русский?

- А ты на куртку его летную посмотри.

Кожаные куртки летчиков Красной армии шились в форме реглана, где рукав выкраивался вместе с плечевой частью, а на Жане была куртка, рукава которой пристрочены к плечам, кроме этого, у куртки был широкий меховой воротник, которого у курток русских пилотов не было.

- Да? Действительно. Но если не русский, то кто же он тогда? – опешил Ганс.

- Не знаю, нужно допросить. Герман уверял, что слышал в воздухе французскую речь.

- Как ты его собираешься допрашивать? На каком языке?

- Нужно доставить его к майору Шварцу, тот знает французский.

Жана привезли в расположение авиационной части люфтваффе, которая действовала на этом участке фронта. О том, что против них воюют французы в составе эскадрильи «Нормандия», немцы еще не знали, но французская речь, которую слышали в воздухе пилоты во время боя, озадачила немецкое командование.

Что это могло означать? Франция была оккупирована Германией, французские вооруженные силы перестали существовать. Генерал де Голль на территории французских колоний в Африке создал комитет «Сражающаяся Франция», возможно, это он сформировал воинские части и отправил их воевать в Россию. Согласовано ли это с США и Британией, чьи войска высадились на африканском побережье? Если согласовано, то значит ли это, что Черчилль не выполнил свое обещание не активизировать боевых действий против Германии в течение трех лет, и в войну могут включиться в любой момент вооруженные силы Британии и США?

Доклад о том, что летчики люфтваффе во время боя слышали французскую речь, уже поступил Герингу, он распорядился, в случае захвата в плен французов, выяснить: кто они? По чьей инициативе воюют в России? Как оказались на русской территории?

Двое солдат подняли Жана и поволокли его помещение штаба полка, который находился в низком дощатом домике, выкрашенном темно-зеленой краской. Местами краска уже облупилась, и внизу, у самого основания, выступали

черные пятна. Когда Жана подняли, он заметил на стоянке ряд «мессершмиттов», и по раскраске самолетов понял, что это именно те, с которыми они встретились сегодня в бою. Жана доставили к командиру эскадрильи майору Шварцу, усадили перед ним на стул.

- Кто Вы? – спросил майор.

- Французский офицер.

- Звание, имя, фамилия, номер части?

- Лейтенант Жан Дегир. На остальные вопросы отвечать не буду. Можете не стараться, от меня Вы ничего не добьетесь.

- Думаете, Вас будут пытать? – майор достал портсигар. – Сигарету хотите?

- Я не курю.

- Тогда, может, шнапс?

Жан терпеть не мог шнапс, предпочитая французский коньяк, но решил выпить, чтобы притупить острую боль в сломанной ноге. Он молча кивнул в ответ.

- Вот, видите, – примирительным тоном сказал майор, наливая в рюмку шнапс из плоской металлической фляги, – мы можем обращаться с пленными по-человечески, напрасно русские пугали Вас жестокостями немцев. Мы с Вами европейцы, в отличие от этих русских дикарей, и сможем понять друг друга.

Жан выпил, по телу разлилось тепло, боль притупилась.

- Я не буду принуждать Вас отвечать на вопросы, которые Вы, как офицер, считаете неприемлемыми, ответьте мне только на один: по чьей инициативе Вы оказались в России, по Вашей собственной или по приказу командования? Какого командования? Генерала де Голля?

- Как офицер, я подчиняюсь своему главнокомандующему, генералу де Голлю, я добровольно выразил желание сражаться за Францию.

- Но где Франция, и где Россия?

- За Францию сражаются там, где сражаются против Германии.

- Понятно. Вы доброволец, но кто инициатор создания воинских формирований для переброски их в Россию? Генерал де Голль? Или это инициатива таких же добровольцев, как Вы?

- Именно такие добровольцы, как я, определили решение генерала де Голля.

О сбитом французском летчике уже было доложено в местное отделение абвера, и капитан Шульц тут же прибыл на аэродром, куда доставили пленного француза. Он вошел в штаб уже во время допроса.

- Это он? Сбитый французский летчик? – спросил Шульц.

- Он.

- Допросили? Что говорит?

- Говорит, что воинские формирования для переброски в Россию сформированы генералом де Голлем.

- Спросите его, Шварц, какие формирования? Состав? Численность личного состава? Номера частей?

Майор перевел Жану вопросы капитана.

- Я не буду отвечать на эти вопросы.

- Он отказывается отвечать. В гестапо ему быстро развяжут язык, у них даже немые разговаривают, а я вынужден соблюдать видимость приличия.

- Гестапо? – возмущенным голосом спросил Шульц. – Причем здесь гестапо? Это вопросы внешней разведки. Нужно знать, кто за этим стоит, не появятся ли здесь в ближайшее время английские и американские войска? А гестапо пусть ловит партизан.

- Ну, в те вопросы, что Вас интересуют, вряд ли он посвящен.

- Мне приказано доставить его в Германию, желательно живым и целым, там разберутся. Что с ним? Он ранен?

- Сломал ногу, неудачно приземлился с парашютом.

- Уберите его, окажите медицинскую помощь, чтобы он не издох по дороге.

Естественно, вопросы, на которые Жан отвечать отказался, интересовали немецкое командование, и к нему применили бы все известные методы, чтобы выбить эту информацию, но Шульц, перед самым допросом, получил данные от армейской разведки. Он знал, что французское воинское формирование – всего одна эскадрилья из четырнадцати пилотов. Но, как известно, и малая искорка может стать причиной большого пожара, важно было знать, что может последовать за этим. Нужно было выведать у Жана все, что он знает относительно инициаторов и организаторов отправки эскадрильи в Россию. Вопрос решался на самом высоком уровне, мнение о том, что Жан скорее будет более откровенен со своими соотечественниками в лагере, чем со следователем, и скажет то,

о чем под пытками постарается умолчать, преобладало. Потому он избежал допроса с пристрастием, и был отправлен в лагерь, где было немало французов.

Многие из французских военных, что попали в плен еще в мае сорокового года, во время боев на французско-бельгийской границе, содержались в лагере, в горах, у скалы Старый монах. Там строился подземный завод по производству атомного оружия. Немецкие физики-ядерщики вплотную подошли к решению проблемы создания бомбы, летом 1944 года был создан опытный образец устройства, который и был испытан в октябре на острове Рюген. Устройство имело значительные размеры, и не могло еще быть применено в качестве авиабомбы или боевой части ракеты, но ученые надеялись в ближайшем будущем проблему эту решить, потому и строился этот секретный, подземный завод. Сам завод, вместе с исследовательскими лабораториями, был в ведомстве «Ананербе», а руководство лагерем и охрану осуществляла служба имперской безопасности, СД.

Врач полка наложил на сломанную ногу шину, плотно прибинтовав ее к ноге, и выдал Жану костыль, чтобы тот мог передвигаться самостоятельно. После его отвезли на железнодорожную станцию. Его, на этот раз, не забрасывали в кузов, а даже помогли взобраться, сам капитан абвера сопровождал пленника. Он сел в кабину, а в кузов запрыгнули четыре солдата с автоматами, хотя он, со сломанной ногой, и так не смог бы сбежать. Теперь он не лежал, а сидел на полу кузова, опираясь спиною о борт.

Дорога была все такой же, грязной, раскисшей, покрытой лужами, ямами и колдобинами, и каждый ухаб болью отдавался в сломанной ноге. Путь лежал через лес, на деревьях уже начала распускаться листва, но пения птиц не было слышно, гул близкой канонады заглушал все звуки весеннего леса. Ствол березы, перебитый осколком снаряда, как полуоткрытый шлагбаум, проплыл над машиной, и тонкая ветка с набухшими почками, хлестнув по кабине, прошла мимо лица пленника. Жан подумал, что даже исхлестанная пулями, иссеченная осколками снарядов жизнь, все равно прорывается зеленой листвой сквозь серный дым войны. Придет еще время, когда он будет спокойно гулять по весеннему лесу и слушать пение птиц, непременно придет.

Лес кончился, и машина въехала в небольшой городок с железнодорожной станцией. Уцелевших домов было мало, повсюду виднелись закопченные дымом пожаров развалины, черные трубы местами торчали из земли там, где

еще недавно стояли дома. У самой станции машина остановилась, капитан ушел, а Жан, под охраной четырех автоматчиков, остался сидеть в кузове. До слуха его доносились свистки паровозов, крики команд на немецком, грохот и лязганье вагонных колес. Наконец, капитан возвратился и приказал погрузить пленного в грязный товарный вагон, в котором уже находились другие военнопленные.

Потом менялись станции, эшелоны, команды, иногда поезд попадал под бомбежку, он останавливался, охрана разбегалась, стараясь укрыться в лесу от бомб, а пленные так и оставались в закрытых вагонах. В те минуты, когда свист бомбы разрывал пространство и грохот близкого взрыва сотрясал вагон, Жан думал, что, наверное, было бы лучше умереть тут, под бомбами русских самолетов, сразу кончилось бы все: и боль, и отчаяние, и позор плена. Страшило лишь то, что никто из близких и друзей никогда не узнает о его судьбе.

С конечной станции, куда прибыл эшелон, пленных везли в лагерь в закрытых грузовиках, так что он не знал, куда его привезли, где находится этот лагерь, хотя местность казалась ему знакомой. Лагерь располагался в горах, на самом перевале; у края его, перед поросшим низкими деревьями склоном высилась скала, под скалой – вход в пещеру. Дощатые, неотапливаемые бараки серо-грязного цвета стояли на самом седле перевала, продуваемого всеми ветрами. Вокруг были разбросаны камни-валуны, поросшие мхами и лишайниками. По периметру лагеря располагались четыре вышки, на которых дежурили часовые с пулеметами. Колючая проволока ограждала территорию лишь с трех сторон, с четвертой границу лагеря обозначала пропасть. Перед самой пропастью скалы обрывались уступом высотой в человеческий рост, откуда до пропасти было несколько метров пологого склона, покрытого россыпью мелких камней, удержаться на которых, сорвавшись с обрыва, было сложно.

Пленных распределили по баракам, довели распорядок лагерной жизни, и начались тяжелые, каторжные будни. Работали под землей, пленные кирками вырубали полости в подземелье для складских помещений и цехов, к готовым помещениям доступа они не имели. В эти помещения вели железные двери, наподобие тех, что отделяют друг от друга отсеки подводной лодки, за дверью был тамбур, в котором стоял часовой, потом следующая дверь, и только за пятой дверью начинались лаборатории и цеха.

Несмотря на то, что у Жана нога еще полностью не срослась и он пользо-

вался костылем, от тяжелых работ его не освобождали. Жан работал киркой, опираясь на здоровую ногу и на костыль. Возвращаясь в барак после работы, он изможденный падал на нары и забывался тяжелым, тревожным сном. Короткий сон не давал отдыха, с каждым днем ему становилось все хуже, Жан понимал, долго он так не протянет.

Однажды вечером после работы к нему подошел человек, присел рядом, на нары и спросил:

- Из новеньких?

- Да, прибыл неделю назад.

- Француз?

- Француз.

- Я тоже француз, Анри, – представился неизвестный, – я «маки», боец сопротивления, что воюет в этих горах.

- Жан, французский летчик.

- Вижу, тяжело тебе с больной ногой, хочешь на легкую работу? Могу посодействовать. Надо поговорить с капо, старшим по бараку.

«Легкой» называли работу с обогащенным ураном, физически она не была такой изнурительной, но от этой «легкой» работы, получив смертельную дозу облучения, многие уже отправились в мир иной.

- Знаешь, где мы?

- Понятия не имею.

- Это место называется Старый монах, в горах, на перевале.

- Это, что, Франция?

- Франция, дружок, Франция.

- Так я родом из этих мест! – оживился Жан. – В этих пещерах есть выход на другую сторону склона, можно найти его и бежать. Я знаю где укрыться так, что никто не найдет.

- Хорошая идея. Найти сможешь?

- Постараюсь.

- Я подменю тебя после полудня, займешься поиском, только не заблудись, и на вечернюю поверку не опаздывай. Опоздаешь – расстреляют. Оберкапо берегись, зверь, страшнее охранников.

Утром, на следующий день, во время работ, к Жану подошел немолодой седой человек, русский, но неплохо владевший французским.

- Меня Иваном зовут, – представился он, – а ты кто?

- Жан, французский летчик.

- Что говорил тебе этот, Анри?

- Предлагал легкую работу.

- Не соглашайся. Это работа с радиоактивными веществами. Это смерть. К капо нашего барака не обращайся, все вопросы решай с оберкапо.

- Но Анри говорил, что он зверь.

- Разные звери бывают. Лучше дело иметь с волком, чем с шакалом.

Для Жана начался новый этап в его лагерной жизни, после полудня его подменял Анри, а Жан с факелом отправлялся на поиски выхода. Он знал точно, выход существует. О том, что в пещере, где когда-то жил старый монах-отшельник было два выхода, гласило старинное семейное предание. Еще предание говорило о том, что где-то в этих пещерах его далекий предок спрятал древние рукописи.

Жан обследовал зал за залом, проверяя каждую щель, каждый проход, но пока успехов не было, все, обследованные Жаном проходы, оканчивались тупиками. Однажды, ощупывая руками выступы скал, он ощутил, как скала, казавшаяся монолитной, двинулась под рукой. Он напрягся всем телом, стараясь отодвинуть скалу, надеясь, что там, за ней, может оказаться выход. Но, когда скала, точнее, плита, тщательно подогнанная к скале так, что не видно было и щели, отодвинулась, выхода за ней не было. Перед ним открылась ниша, на дне лежал сверток, обмотанный истлевшей тканью, покрытый многолетним слоем пыли. Он взял сверток, развернул, и увидел листы пергамента испещренные письменами на незнакомом ему языке. Буквы были похожи на русские, но прочесть текст он не смог. Жан решил, что это именно та рукопись, о которой и гласило предание. Он положил ее на место и задвинул плиту.

Он не знал, что с рукописью, спрятанной его далеким предком Гаральдом де Гиром, работал монах-отшельник по имени Кудеяр, славянин, ушедший из Черногории, когда жители ее приняли христианство. Он перевел текст на древнеславянский язык, убрав из него места, где Антоний обращался к Понтию Пилату, комментарии Антония, оставив лишь то, что говорил Иисус из Назарета, называемый Христом. Исходный текст рукописи хранился в этих же пещерах, но в другом месте.

Выход Жан все же нашел. Он сообщил об этом Анри, и тот настаивал на

побеге.

- Подбери надежных людей, с Иваном поговори, он здесь авторитетом пользуется, поможет людей подобрать.

Когда он заговорил с Иваном о побеге, тот ответил:

- Бежать не надо. Время еще не пришло. Мы знаем этот выход, пользуемся им, о нем только Анри не знал. Ты не показал ему выход?

- Нет еще, не успел.

- И не показывай. Не нужно ему знать о выходе. Доверять ему нельзя. Я уточнял. Мы имеем связь с «маки», там его никто не знает. Не наш он.

В лагере была своя подпольная организация, был сформирован боевой отряд из наиболее подготовленных и физически крепких узников, люди отряда выходили наружу, связывались с местным сопротивлением, накапливали оружие и боеприпасы для восстания, нужно было не просто бежать, а вывести всех заключенных. В руководстве организации знали о том, что происходит в цехах и лабораториях подземного предприятия. Знали и то, что живым отсюда, по плану немцев, никто никогда не выйдет. Потому, единственным выходом было восстание, но поднять его следовало в нужный момент, когда войска регулярной армии, то ли советской, то ли армии союзников, обещавших открыть второй фронт, будут достаточно близко, и нацисты не смогут организовать карательную операцию по подавлению восстания.

Как-то вечером, во время поверки, оберкапо, построив заключенных, сказал:

- Что-то вы не слишком весело выглядите. Улыбаться! Улыбаться всем! – гаркнул он зычным голосом.

Но никто не улыбнулся, все стояли, мрачно понурив головы.

- Давно физзарядкой не занимались?

- А ну, ты, вот, ты, – ткнул он пальцем в первого попавшегося узника, – выйти из строя.

Тот вышел.

- Лечь. Встать. Лечь. Встать. Лечь. Встать, – командовал он до тех пор, пока тот не упал без сил.

- Молодец, хватит, а теперь ты, – указал он на Жана.

- Господин оберкапо, он не может, у него нога сломана, – вступился за Жана Анри.

- А ты кто? Адвокат? Защитник? Иди сюда.

Анри вышел.

- Говорю еще раз всем. Последний раз. Здесь нет защитников, здесь каждый сам за себя. Каждый сам за себя отвечает. И сам за все расплачивается. И чтобы вам получше эту истину запомнить, продемонстрирую наглядным примером.

Оберкапо расстегнул кобуру, вынимая «вальтер». Анри упал на колени:

- Господин, господин, – залепетал он, – не надо, ведь я же...

Выстрел оборвал фразу Анри на полуслове.

- Уберите эту падаль, – скомандовал оберкапо. – Разойдись!

«Зверь, действительно зверь», – подумал Жан.

Время шло, в июне сорок четвертого войска союзников высадились в Нормандии, нацистскому руководству стало ясно, что подземный завод не успеет начать производство оружия возмездия, и все секреты, все достижения в области ядерной физики вскоре могут оказаться в руках противника. Тогда было принято решение эвакуировать завод в Антарктику, в Новую Швабию, туда, где уже были подготовлены условия для развертывания производства ядерного оружия.

Заключенные больше не долбили гранит, они упаковывали оборудование, контейнеры с обогащенным ураном, готовили производство и лаборатории к эвакуации. Когда последний грузовик с серыми контейнерами покинул перевал, нацистам оставалось провести операцию по ликвидации заключенных. Расстреливать их не собирались, уничтожить нужно было не только людей, но и все следы пребывания тут подземного предприятия. По плану, разработанному СД со всей немецкой скрупулезностью, заключенных должны были согнать в пещеру и взорвать все, и людей, и помещения. Достаточного количества взрывчатки для этого в лагере не было. Пока ждали грузовики со взрывчаткой, заключенные подняли восстание.

Бойцы французского сопротивления, «маки», атаковали лагерь снаружи, подпольщики действовали изнутри. Внутреннюю охрану убрали сразу, без единого выстрела. Среди заключенных были фронтовые разведчики, они и составляли костяк отряда сопротивления, командовал разведчиками Иван. Когда внутренняя охрана была ликвидирована, бойцы отряда подтянулись к выходу в ожидании начала атаки. Штурм лагеря планировался на рассвете, «маки» ночью

подошли вплотную к колючей проволоке, заняв позиции за валунами. Заключенные уже не ночевали в бараке, их всех согнали в пещеру, ожидая прибытия грузовиков со взрывчаткой.

Когда уже почти рассвело, выстрел из «фауст-патрона» уничтожил одну вышку с пулеметчиком, остальные вышки были недоступны с внешней стороны – одна скрывалась за скалой, остальные две, расположенные у обрыва, находились слишком далеко. «Маки» не планировали врываться на территорию лагеря, для чего пришлось бы проделывать проходы в колючей проволоке под огнем, их задачей было связать боем охрану, чтобы подпольщики могли вывести пленных через второй выход пещеры, ведущий на западный склон горы. Бойцы отряда лагеря должны были атакой изнутри не допустить охрану к пещере, удержать ее, пока не выведут всех, а после, отступив вглубь, взорвать вход. Услышав взрыв и пулеметные очереди, бойцы вырвались из пещеры и, укрывшись за валунами, открыли пулеметный и автоматный огонь.

Лагерная охрана оказалась в сложном положении, атакованная снаружи и изнутри, она оказалась прижатой к скалам, и лишь пулеметные вышки давали ей преимущество.

К той вышке, что находилась у самой скалы, подкрались разведчики, пулеметчик не мог простреливать пространство под собой, они заложили взрывчатку и подожгли шнур. Взрыв завалил вышку, похоронившую под собой пулеметчика. Оставались две вышки, те, что располагались у обрыва.

Пока отряд подпольщиков вел бой, остальные покидали лагерь через выход, обнаруженный Жаном, постепенно отходили и ополченцы. Двое из них, Жан и сам оберкапо, остались, чтобы прикрыть отход. Перед началом восстания Жан взял рукопись из тайника.

Оберкапо и Жан заняли позицию у скалы Старый монах, за валунами, у обоих были пулеметы МГ и автоматы. Очередь с вышки ударила по камню, за которой укрылся Жан.

- Уходи! – крикнул оберкапо.

- Я с тобой! – ответил Жан, дав короткую очередь по вышке, которая была ближе к нему. Пулемет на вышке умолк, и он перебежал к камню, за которым занял позицию оберкапо.

- Если меня убьют, а ты останешься жив, знай, я никогда не был предателем, это я руководил подпольной организацией лагеря, – говорил оберкапо Жа-

ну, – тогда, во время поверки, я не заставил бы тебя заниматься «физзарядкой», хотел Анри спровоцировать, знал, что он вступится за тебя. Он был подсадным, если бы узнал, где выход, продал бы нас всех, восстания бы не получилось. Всех бы нас ликвидировали, в том числе и его. Он знал о ликвидации. Дурак. Думал его пожалеют.

Пули свистели, били по камню, не давая возможности высунуться из-за него и ответить. Работал пулемет с последней вышки. А охрана, пользуясь этим, цепью, короткими перебежками приближалась к позициям Жака и оберкапо.

- А если я погибну, а тебе выпадет жить, – ответил Жан, – возьмешь у меня рукопись, это древний документ, очень важный. Его нужно спасти.

- Зачем тогда со мной остался? Тебе уходить надо было вместе с рукописью.

- Не могу, не могу быстро двигаться, нога не правильно срослась, я хромой. Отсекай их слева, уходим туда, к пропасти. Наши уже успели уйти. Должны успеть. Нам тоже уходить надо.

Пулеметным огнем они отсекли немцев, прижимая их к скалам, а сами, прячась за камни, постепенно приближались к обрыву.

- Надо было в горы уходить, – говорил оберкапо, – зря послушал тебя. Здесь мы в ловушке, отступать некуда. Живым не сдамся, лучше с обрыва вниз головой. Прощай Жан. Это все. Мы свое дело сделали, люди ушли.

- Уйдем с обрыва, но не вниз головой, а по тропе. Я родом из этих мест, все тропы знаю. Там, где склон, за скалами, начинается тропа, ее ни откуда не видно. Если даже вплотную подойти, то скалы тропу скрывают, кажется, что отвесный склон, никто не сунется, кто не знает. Расстреливаем патроны, бросаем пулеметы и уходим, а там, внизу, мой дом, замок фамильный. А ты, ты-то кто, звать тебя как, оберкапо?

- Александр я, русский.

- Русский? – удивился Жан. – Судя по твоему произношению, думал, что ты из Прованса.

- Я разведчик, русский разведчик. Внедрен был давно, еще до войны. Да, жил я в Провансе. Потом задачу получил, внедриться сюда, на подпольный завод, ну а дальше, по обстоятельствам. Справа обходят! Стреляй! У меня все. Патроны кончились, – Александр отложил в сторону ставший бесполезным пу-

лемет, передвинул висевший за спиной автомат на грудь.

Жан дал длинную очередь по немцам, что пытались обойти их справа, со стороны Старого Монаха и, израсходовав весь боезапас, бросил пулемет и, отстреливаясь короткими очередями из автомата, побежал к обрыву.

- За мной! Не отставай! – крикнул он Александру. – Здесь осторожно! Склон сыпучий!

Они спрыгнули со скал на склон, что отделял пропасть от плато, и прижимаясь к самым скалам, цепляясь руками, за выступы камней, пробирались к тропе. Пулеметчик с вышки уже не мог достать их, пули свистели над головами, улетая в пространство.

Но когда они добрались до того места, откуда, по словам Жана, должна была начинаться тропа, Жан пришел в ужас, – тропы не было. Начало ее было взорвано, и теперь на этом месте остался только отвесный склон, уходящий в пропасть.

- Черт! – вскрикнул он. – Проклятые боши взорвали вход на тропу! Теперь мы в ловушке!

Это была та тропа, по которой Гаральд много веков назад собирался спускаться в долину, та, перед которой путь ему преградил камнепад. Вторая, та, что показал Гаральду старый монах, начиналась ближе к вершине, у сосны, Жан знал о ней, но путь к этой тропе преграждали три ряда колючей проволоки под током, да и пространство до самой вершины простреливалось с вышки.

- Теперь нам конец, – сказал Александр, – что ж, примем последний бой.

Немцы прекратили огонь, они поняли, что эти двое никуда от них не денутся, и спокойно шли к обрыву. Александр и Жан заняли позиции в местах, где высота скал позволяла вести огонь стоя, а выступы давали возможность укрыться от ответного огня. Немцев оставалось не так и много, человек десять, и можно было держать их, не допуская к обрыву, пока хватит патронов. Подпустив атакующую цепь поближе, Александр дал короткую очередь из автомата, двое упало, остальные залегли, с вышки ударил пулемет.

Когда пулемет смолк, Александр услышал урчание автомобильного мотора, снизу на перевал поднимался грузовик.

- Они вызвали подкрепление, – крикнул он Жану, – долго нам не продержаться! Бей короткими, прицельно, экономь патроны.

Немцы больше не поднимались в атаку, – ждали, пока грузовик с солда-

тами доберется до перевала. Александр и Жан тоже не открывали огонь, высунуться для прицельной стрельбы не давал пулеметчик на вышке. Грузовик вполз на перевал и остановился. Жан приготовился открыть огонь, не дать солдатам выпрыгнуть из кузова и перегруппироваться, но в кузове людей не было, там были ящики со взрывчаткой, которую ждала охрана лагеря, чтобы взорвать заключенных вместе с подземным заводом.

- Александр! Это не подкрепление, это ящики со взрывчаткой!

- Прикрой меня! – крикнул Александр, вынимая гранату.

Жан выпустил длинную очередь в сторону вышки, Александр метнул гранату в грузовик.

- Ложись! – крикнул он.

Они вжались в скалу, распластавшись по ней, укрываясь от взрыва. Взрыв был ужасной силы, он снес с перевала все: и пулеметную вышку, и немцев, и бараки, и ограждения из колючей проволоки. Только стена скал спасла Жана и Александра от удара взрывной волны, камни и клочья земли посыпались на них. Несколько минут они не могли слышать друг друга, и когда способность различать звуки вернулась к ним, Александр, поднимаясь и отряхиваясь от засыпавшей его земли, сказал:

- Нам повезло, что подрывники поспели раньше подкрепления.

- Кажется, подкрепление тоже скоро будет здесь, – ответил Жан.

Где-то внизу, по серпантину, шла колонна машин, звук моторов, пока еще слабый, отдаленный, доносился до перевала.

- Надо уходить в горы, скорее, – ответил Александр.

- Далеко уйти не успеем. Бежать со своей ногой я не смогу. Там, у вершины, сосна, видишь? За ней тропа, еще одна, может, хоть она сохранилась.

- Идем, – согласился Александр.

Взрывная волна, изуродовав крону сосны, все же не смогла вырвать ствол, прочно вросший корнями в скальную породу, но тропы, по которой когда-то смог пройти Гаральд и провести лошадь, не было, вход на нее был подорван, от нее остался лишь крутой склон, усыпанный мелкими камнями, а через три метра, там, где тропа делала поворот за скалу, метров в трех от обрыва, виднелась небольшая площадка.

- Нужно добраться туда, – показал рукой на площадку Жан.

- Склон крутой, сыпучий. Тут не пройти.

- Всего три метра, Александр, всего три метра! Вот что. Держи. – Жан вытащил из-за пояса рукопись и предал Александру. Потом разделся, снял с себя полосатую лагерную одежду, оставшись в одном нижнем белье.

- Давай нож, – сказал он.

Александр достал нож, висевший у него на поясе. Они разрезали на длинные куски одежду Жана, скрутили их, прочно связав между собой. Получилась «веревка», длины которой хватало, чтобы преодолеть опасный склон. Конец «веревки» они привязали к стволу сосны, и Жак, ухватившись за другой конец, осторожно ступил на сыпучий склон. Шаг, шаг, еще шаг, камни при каждом движении сыпались из-под ног, но ему удалось добраться до площадки.

- Тропа есть! – радостно крикнул он. – Держи!

Он бросил конец «веревки» Александру, и тот, поймав ее, спустился на площадку к Жану.

- Идем, – сказал Жан.

- Погоди, нужно сначала уничтожить следы.

Александр прицелился в ствол сосны, и короткой очередью перебил «веревку», полосатой змеей скользнула она по камням, улетая в пропасть.

- Все. Теперь можно идти, не опасаясь погони.

Они шли вниз по тропе, той самой тропе, что когда-то, много веков назад спасала далекого предка Жана, Гаральда, от преследования тамплиеров.

Вошли в замок. Здесь было все, как прежде, еще до того, как Жан, лейтенант ВВС Франции, улетел в далекий Алжир к генералу де Голлю, чтобы продолжить борьбу с немецкими оккупантами.

- Неплохое гнездышко! – заметил Александр. – Богато живешь!

- А как же? Бывший граф, все-таки.

- Граф... В исподнем! – засмеялся Александр, вид Жана в одном нижнем белье с автоматом на шее развеселил его.

- Граф.., – со смехом повторил он, – а почему бывший? Что? От титула своего отрекся?

- Не отрекался. Только титула у меня никогда и не было. Это предок моего брата графом был, род наш с острова Руян, из Арконы, когда крепость пала, его ребенком сюда вывезли, граф де Гир и усыновил его. А когда брат, или точнее, кузен моего предка отсюда ушел, спасаясь от тамплиеров, предок мой остался за замком присматривать, все ждал, что брат вернется. Но не вернулся,

говорят, куда-то на Русь ушел.

- Так ты из славян? Земляк! Если верить нашему семейному преданию, то предки мои в далекой древности с острова Руян еще с Рюриком пришли[30]! Мы с тобой варяги, лейтенант! – Он дружески хлопнул Жана по плечу и запел. – От скал тех каменных у нас, варягов, кости...

- Варяги! А откуда знаешь, что я лейтенант?

- Я ведь разведчик, все-таки. Мне все знать положено.

И тут он снова рассмеялся. Рассмеялся задорно, весело, впервые за то время, которое его знал Жан.

- Да, я же ведь, оберкапо! – говорил он, продолжая смеяться. – У меня все ваши личные дела были! Досье на всех! На каждого!

Его смех заразил и Жана. Он тоже смеялся, смеялся впервые с тех пор, как очередь немецкого летчика подожгла мотор его «яка». Они смеялись, покатывались со смеху и не могли никак остановиться. Все нервное напряжение долгих лет суровой жизни, полной опасностей, что подстерегали их на каждом шагу, разрешилось этим неудержимым, веселым смехом.

Смех прервался так же неожиданно, как и начался. Какой-то странный звук раздался из спальни, дверь открылась, на пороге возник немолодой, небритый, обросший многодневной щетиной, что еще не успела превратиться в бороду, человек в форме солдата вермахта. Жак и Александр мгновенно вскинули автоматы.

- Не стреляйте! Не стреляйте, господа! Прощу вас, – взмолился он, повторив эту фразу три раза: по-немецки, по-русски и по-французски.

- Я не враг, я мобилизованный, дезертир. Мне только нужно переодеться и немного поесть, и я уйду.

- Откуда Вы тут взялись? – спросил Александр, опуская оружие.

Меня мобилизовали из Австрии, в последний момент, когда союзники в Нормандии высадились. Я профессор университета в Вене, профессор Мёллендорф, Людвиг Мёллендорф. Отправили на Западный фронт, но я не хочу умирать. Это глупо, умирать за интересы Рейха. Я историк, я знаю, Австрия в союзе с Германией никогда не добивалась успеха. Я бросил винтовку и бежал с передовой, вот, здесь укрылся, говорили, замок пуст, хозяин погиб в России.

---

30 Некоторые исследователи считают, что род Рюриков происходит от западных славян, живших на острове Руян (Рюген).

- Хозяин я, – ответил Жан, – как видите, жив, хотя и слегка потрепан. А Вы? Вы, историк?

- Да-да, я историк, занимаюсь древними рукописями, их немало в библиотеке Габсбургов.

- А вот эту рукопись не посмотрите? Александр, – Жан обернулся к Александру, и тот протянул рукопись профессору. Профессор взял ее и начал читать.

- Да... Это же, древнейший документ! – с дрожью в голосе произнес он. – Здесь изложено учение Иисуса Христа, почему-то на древнеславянском языке. Не пойму, почему на древнеславянском? Откуда она у Вас?

- Ее обнаружил мой далекий предок, еще в тринадцатом веке, он спрятал ее в пещере, в горах, – ответил Жан.

- Ее нужно обязательно передать в библиотеку, в библиотеку Габсбургов[31], если Вы позволите, конечно.

- Позволю, конечно, позволю. Ее скрывали много веков, должны же люди, наконец, узнать истину.

31 В библиотеке Габсбургов, в Вене, хранится рукопись на древнеславянском языке, в которой изложено учение Иисуса Христа. Происхождение этой рукописи не известно. Часть текста, под названием «Евангелие мира от Иисуса Христа» опубликована в Ростовском книжном издательстве.

Эпилог

Дождь, опять дождь, этот бесконечный, монотонный, не прекращающийся дождь, будто не было ни лета, ни зимы, ни весны, будто надо всем миром нависла эта простуженная, дождливая, поздняя осень.

Она смотрела сквозь мокрое стекло и не могла понять, что происходит в мире? О катастрофе самолета узнала из газет, маленькая заметка внизу, будто незначительное, никем не замеченное событие. Она знала, это был тот самолет, на котором улетел он. Еще тогда, в аэропорту, глядя на него сквозь мокрые стекла последнего автобуса, она вдруг поняла – больше она его никогда не увидит.

Ей было странно и непонятно то состояние, что охватило ее при виде сообщения о гибели самолета. Ни боли, ни тоски она не испытывала, она не билась в истерике, не рыдала, размазывая слезы по мокрым щекам, на душе было тихо и спокойно. Почему? Ведь она же любила его, и он ее любил. А может, это была и не любовь вовсе? Но тогда что? Встречи, короткие, как выстрел, которые только ранят сердце, наполняя его необъяснимой, неясной тоской, ощущение безысходности в моменты разлуки, и долгое ожидание писем.

Стало легко и спокойно, как в детстве, когда мама прощала ее за проступок. Будто что-то оттаяло, отошло, растворилось в дождливой, ненастной осени, уплыло под звуки дождя. Нужно что-то делать, она не знала что, но больше не могла сидеть у окна и смотреть на этот бесконечный, тоскливый дождь.

Она накинула плащ и вышла из дома, подошла к остановке троллейбуса. Дул резкий, порывистый ветер, швыряя в лицо капли дождя. Люди стояли на остановке, прикрываясь зонтами, теснясь под козырьком, но дождь проникал всюду, все пространство было пронизано ветром, холодом и дождем.

Подошел троллейбус, двери открылись, и она впорхнула в теплый, но наполненный сыростью салон. Стала на задней площадке, сквозь запотевшее, расчерченное полосами дождя окно смотрела она, как проплывают мимо дома, причудливо изгибаясь за мокрым стеклом, словно не реальные, нездешние призраки из чужого, странного мира. «Художественный музей – следующая», – прозвучал из охрипшего, простуженного динамика голос водителя. Она повернулась, подошла к двери, троллейбус остановился, двери открылись, она вышла и, накинув капюшон, подняв воротник, пробежала несколько метров до двери

музея.

Вошла в вестибюль, сняла мокрый плащ-болонью, передав его в гардероб седой женщине в круглых очках, похожей на сову из мультфильма. Женщина, бросив на нее недовольный взгляд, приняла плащ и выдала номерок. Войдя в выставочный зал, она ощутила тишину, тепло и покой.

Она долго бродила по залу, но картины, которую должны были передать в зал экспозиций из мастерской, нигде не было. Тогда она обратилась к женщине-искусствоведу.

- Ирина Сергеевна, Вы помните меня?

- Конечно помню, как же можно такое забыть.

- Могу я еще раз увидеть эту картину?

- Сейчас художник работает с ней, если он не против, пожалуйста. Пройдемте в мастерскую.

В мастерской художник, молодой стройный человек, стоял перед картиной, расположенной на мольберте, нанося кистью неуловимые, легкие штрихи.

Первое, что бросилось ей в глаза – там, в углу картины, где обычно художник ставит свою подпись, раньше ничего не было, теперь там были какие-то цифры, что означали они, она не знала.

- Гаральд, не возражаете, если дама посмотрит картину? – спросила Ирина Сергеевна.

- Конечно, не возражаю, я уже закончил работу.

Голос его показался ей удивительно знакомым, будто она когда-то, вероятно, очень давно, уже слышала этот голос.

- Гаральд? – удивилась она. – Странное имя. Не русское.

- Это древнее славяно-арийское имя, давно забытое, но все же славянское. Многих мужчин в нашем роду звали этим именем.

- Так Вы Гаральд Гаральдович? – спросила она.

- Нет, Гаральд Александрович, – ответил художник.

Она смотрела то на картину, то на художника, и никак не могла понять, что больше всего поразило ее: сама картина или этот молодой человек, художник, восстановивший полотно древнего мастера. Ирина Сергеевна при первой встрече говорила, что полотно сильно пострадало от огня, большая часть его была утрачена, а этот странный художник, он даже не реставрировал картину, а заново написал ее. Как подтверждение этого, на соседнем мольберте был виден

кусок закопченного, обгоревшего полотна. Кто он, этот художник? Как угадал он то, что было создано рукой неизвестного мастера много веков назад? Черты лица молодого человека казались ей удивительно знакомыми. Голос. Где она слышала этот голос?

Что-то смешалось в ее сознании, и она никак не могла понять, что происходит с ней.

И, вырвавшись из жизненного круга,
В том мире, где всегда царит покой,
Когда-нибудь мы встретимся с тобой,
Но только вот, узнаем ли друг друга?

Тихим спокойным голосом продекламировал стихи Гаральд.

Она вздрогнула, стихи показались ей удивительно знакомы, они пронзили ее болью и тоской.

- Что это? Откуда? Где прочли Вы эти строки? – тревожно спросила она.

- А разве не Вы написали их? – спросил он.

Она смотрела на него молча, широко раскрытыми от удивления глазами. Что-то неясное, нездешнее, необъяснимо теплое и таинственное охватило ее. В душе проснулось странное чувство, волшебное, неземное, ни разу в этой жизни ей не испытанное, но удивительно знакомое, нежное, светлое и прекрасное.